

Людвиг Эрхард
Благосостояние для всех

Предисловие

* * *

Экономическое положение Советского Союза в 1990 году во многом напоминает положение Западной Германии в 1948 году: полки магазинов пусты, дефицитные товары выдаются по карточкам, спекуляция иностранным добром процветает, на руках у населения и в сберкассах – масса обесцененных денег, в то время как предприятия хранят „сверхнормативные запасы“.

Есть, конечно, и существенные различия. За спиной у немцев было всего 15 лет нацистского варианта „социализма“ и послевоенной разрухи. При том германский национал-социализм обобществил лишь малую часть предприятий: учреждения рыночного хозяйства, хотя и в чухлом виде, но сохранились. У нас же они были разрушены еще в период военного коммунизма и перестали существовать с ликвидацией НЭПа. Но зато огромная часть германской промышленности тех лет была уничтожена бомбежками или демонтирована победителями; в СССР же сегодня военные разрушения – дело далекого прошлого.

Хозяйственная реформа 1948 года в Западной Германии круто повернула судьбу этой страны: обесцененные бумажные деньги превратились в желаемую всеми валюту; запасы предприятий в несколько дней перекочевали на полки магазинов, спекулянты исчезли. За два года производство товаров широкого потребления увеличилось вдвое, достигнув «досоциалистического» уровня. И началось победное шествие Западной Германии как передовой страны Западной Европы, обгоняющей в хозяйственном отношении своих победителей.

В исторической литературе это явление получило имя „германского чуда“. Архитектором этого «чуда» был проф. Людвиг Эрхард, директор Управления хозяйства объединенных западных зон оккупации в 1948 году, министр народного хозяйства вновь созданной Федеративной Республики Германии (ФРГ или ГФР) с 1949 по 1963 год, и канцлер республики после смерти Аденауэра в 1963-66 гг.

Настоящая книга представляет собой мемуары Людвиг Эрхарда, вышедшие в 1957 году под названием Wohlstand für Alle (Благосостояние для всех). Книга сразу приобрела всемирную известность. Она была отпечатана в русском переводе типографией „Посева“ с помощью издательства Condor-Verlag в 1960 году.

Настоящее, второе русское издание перепечатано с этого издания. Некоторые стилистические особенности и анахронизмы перевода, надеемся, не помешают современному читателю воспринять главные мысли автора, не только ученого-экономиста, но и практического политика, защитника свободного и ответственного хозяйства, неумолимого в своей полемике с социалистами.

* * *

Хозяйственная реформа 1948 года в Германии представляла собою на самом деле две параллельные реформы: денежную реформу и реформу цен.

Задачей денежной реформы было избавиться от „навеса“ обесцененных денег (Gelduberhang) и создать твердую валюту. Реформа проводилась в условиях неопределенности – никаких обоснованных вычислений желаемого объема денежной массы не было. И проводилась она не демократическим путем, а на основании декрета военных оккупационных властей. В ночь на 21 июня 1948 года старые рейхсмарки были объявлены недействительными, и введены новые деньги – дойчмарки. Каждый житель страны получил на руки 40 новых марок (потом к ним было добавлено еще 20). Пенсии, заработная и квартирная плата впредь подлежали выплате в новых марках, в отношении 1:1. Что же

касается наличности и частных сбережений, то половину их можно было обменять в отношении 1:10, а половина была заморожена и позже обменивалась по курсу 1:20. Большая часть прошлых денежных обязательств предприятий пересчитывалась по курсу 1:10; обязательства банков и учреждений бывшего Рейха были, в основном, аннулированы. Предприятия получили наличность для выплаты первой заработной платы, но в дальнейшем должны были существовать за счет продажи своей продукции. Был создан новый эмиссионный банк – Банк немецких земель – и разработаны правила, регулирующие его отношения с частными банками, например, размер обязательных денежных резервов.

Задачей реформы цен, которая вступила в силу через три дня после денежной реформы, была отмена „принудительного хозяйства“ – (Zwangswirtschaft), упразднение административного распределения ресурсов и контроля над ценами. Разрегулирование цен и заработной платы проводилось постепенно, но быстрыми темпами. Если за денежную реформу отвечали, в существенной мере, оккупационные власти, то отмена обязательных цен была полностью детищем Людвиг Эрхарда и его хозяйственного управления. Проводил он эту реформу вопреки советам оккупационных властей (которые опасались слишком быстрого перехода к рыночным отношениям) и вопреки значительным просоциалистическим настроениям в обществе. Правильность политики Эрхарда была вскоре подтверждена на опыте; обоснованию этой политики в течение ее первого десятилетия и посвящена настоящая книга.

Из книги явствует, что Эрхард был далек от раннекапиталистического, либералистического понимания государства как „ночного сторожа“, который лишь охраняет рынок. Для него рынок не самоцель, а средство для достижения социальных целей, в частности, для преодоления классовых различий в обществе и максимального развития творческих сил страны. Свободная частная инициатива и конкуренция сочетаются с активной ролью государства в хозяйственной жизни. В идейном смысле, деятельность Эрхарда протекала не в русле либерализма, и уж конечно, не социализма, а в русле солидаризма. И если сам он этого термина и избегает, и говорит о себе лишь как о христианском демократе, то ближайшие его советники, как Освальд фон Нелль-Брейнинг, термином этим пользовались свободно (см. Освальд фон Нелль-Брейнинг: „Построение общества“. Перевод с немецкого Р. Н. Редлиха. „Посев-Австралия“, 1987, 144 стр.)

* * *

Людвиг Эрхард родился 4 февраля 1897 года в городе Фюрт (Бавария), где окончил реальное училище. Оправившись от тяжело ранения, полученного в Первую мировую войну, он занялся изучением производственно-хозяйственных вопросов в Высшей коммерческой школе в Нюрнберге. Получив там коммерческий диплом, Эрхард защитил свою докторскую диссертацию во Франкфуртском университете у проф. Франца Оппенхаймера, с которым его связывала, вплоть до выезда последнего из Германии, тесная дружба.

В 1928 году Эрхард поступил в „Институт по изучению хозяйственно-конъюнктурных условий в области германских готовых изделий“ при Высшей коммерческой школе в Нюрнберге и вскоре стал заместителем директора этого института. Однако, к преподавательской деятельности национал-социалисты его не допускали и в 1942 году ему пришлось институт покинуть.

Благодаря авторитету, которым Эрхард пользовался в промышленных кругах, ему была дана частная стипендия на исследовательскую работу, и он объединил вокруг себя группу сотрудников-специалистов. Группа эта произвела, в частности, критический разбор национал-социалистической финансовой и денежной политики и наметила мысли, которые нашли свое осуществление после войны.

С осени 1945 по конец 1946 года Эрхард был министром хозяйства Баварии; в 1947 году – профессором Мюнхенского университета.

Вскоре он возглавил «Особый отдел по вопросам денег и кредита», которому была

поручена разработка проекта денежной реформы, осуществленной затем оккупационными властями. Весной 1948 года он стал директором Управления хозяйства Объединенной экономической области (т. е., трех западных оккупационных зон) и в этой должности провел свою реформу цен.

При основании Федеративной Республики Германии в сентябре 1949 года он занял пост министра народного хозяйства, на котором оставался во всех кабинетах канцлера Аденауэра. В 1957 году он стал заместителем федерального канцлера, а после смерти Аденауэра в 1963 году, и до декабря 1966 года, был федеральным канцлером. Умер Эрхард в 1977 году.

* * *

Сегодня очевидно, что для обновления российского народного хозяйства одних лишь реформ Эрхарда – денежной реформы и введения свободы ценообразования – будет мало. Потребуется создание независимых от государства учреждений кредита, развитие независимой от государства структуры собственности, действующей в условиях конкуренции; потребуется создание „сетки социальной безопасности“, способной защитить тех, кто иначе пострадает от ударов переходного периода; потребуется создание новой налоговой системы и новой системы трудового права. Готовых рецептов для решения всех этих задач в книге Эрхарда, естественно, нет. Тем не менее, знакомство с этой книгой – с аргументами и опытом автора – необходимо каждому, кто в обновлении отечественного хозяйства будет участвовать.

Русский Фонд по изучению альтернатив советской политике

Глава I. Красная нить

Задолго до того, как я принял на себя управление ведомством по делам хозяйства в первом западногерманском Федеральном правительстве, я выступил на съезде ХДС британской зоны в Реклингхаузене в конце августа 1948 года с заявлением, что я считаю неправильным и нецелесообразным вызывать снова к жизни стародавние представления прежнего порядка распределения доходов и поэтому отказываюсь этому способствовать. Этим я хотел рассеять все подозрения, что я не стремлюсь к осуществлению такого хозяйственного порядка, который во все большем масштабе может привести широкие слои нашего народа к благосостоянию. Я исходил из желания окончательно преодолеть старую консервативную социальную структуру путем создания массовой покупательной способности всех слоев населения.

При прежнем порядке существовал, с одной стороны, очень немногочисленный высший слой, который, в смысле потребления, мог себе позволить все, а, с другой стороны, – численно весьма обширный, но обладающий недостаточно высокой покупательной способностью, нижний слой населения. При реорганизации нашего хозяйственного порядка следовало поэтому создать предпосылки для преодоления этого противоречащего прогрессивному развитию социальной структуры положения и, вместе с тем, и для преодоления, наконец, неприязни между «богатыми» и «бедными». И у меня нет оснований отказываться как от материальных, так и моральных основ моих стараний. Сегодня, как и в те времена, они определяют мои мысли и поступки.

Наиболее эффективное средство для достижения и обеспечения благосостояния – конкуренция. Она одна дает возможность всем людям пользоваться хозяйственным прогрессом, в особенности, в их роли потребителей. Она же уничтожает все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда.

Через конкуренцию может быть достигнута – в лучшем смысле этого слова – социализация прогресса и прибыли; к тому же она не дает погаснуть личному стремлению каждого к трудовым достижениям. Неотъемлемой частью моего убеждения, что именно этим путем можно лучше всего умножить благосостояние, является желание обеспечить всем

трудящимся, соответственно росту производительности, постоянное повышение заработной платы. Для достижения этой цели нужно было создать важные предпосылки.

Мы не должны забывать из-за расширяющегося потребления об умножении производительности хозяйства. В начале этой экономической политики ударение делалось на экспансию хозяйства; сначала надо было вообще повысить предложение товаров и тем самым оживить конкуренцию. Но в первую очередь нужно было дать работу растущему числу безработных.

Цикл конъюнктуры преодолен

Однако тяжелое положение принуждало также преодолеть действие стародавнего закона о развитии хозяйственной жизни по конъюнктурным циклам, считавшегося до того времени непреложным. Как известно, принято было считать, что хозяйство развивается по ритмическим циклам. Примерно семь лет, якобы, длится полный цикл: подъем, высокая конъюнктура, падение и затем кризис, в котором зарождаются целебные силы, которые снова выводят хозяйство на путь к подъему следующего цикла. Но за десять лет, что я несу ответственность за немецкую экономическую политику, все же удалось прервать этот «неизменный» ритмический круговорот и, путем постоянного подъема хозяйства, добиться сочетания полной занятости с конъюнктурой высокой производительности.

Поэтому должны быть понятны мои стремления к тому и надежды на то, что экономической политике и экономической теории удастся найти систематическое решение этой проблемы. Все на это направленные усилия могут рассчитывать на успех лишь до тех пор, пока конкуренции не чинятся препятствия, или она не устраняется вообще искусственными или юридическими манипуляциями.

Опасность, что конкуренции могут чиниться препятствия, постоянна и угрожает с разных сторон. Поэтому обеспечение свободной конкуренции – одна из важнейших задач государства, основанного на свободном общественном строе. Право, не будет преувеличением, если я скажу, что закон, запрещающий картели, должен был бы иметь значение необходимейшей «хозяйственной конституции». Если государство спасует в этой области, – то вскоре можно будет распрощаться с «социальным рыночным хозяйством». Провозглашенный здесь принцип приводит к категорическому требованию, чтобы никому из граждан не предоставлялись право и возможность подавлять индивидуальную свободу или ограничивать ее во имя ложно понятой свободы. Понятия «Благосостояние для всех» и «Благосостояние через конкуренцию» – связаны неразрывно. Одно является целью, другое – путем, ведущим к этой цели.

Уже эти наброски показывают основоположное отличие социального рыночного хозяйства от классического либерального хозяйства. Предприниматели, пытающиеся ссылками на тенденции современного хозяйственного развития оправдать картели, пребывают в своих рассуждениях на том же интеллектуальном уровне, что и те социалдемократы, которые обосновывают автоматизацией необходимость государственного планового хозяйства.

Из этого ясно, почему я считаю несравненно более важным добиться умножения благосостояния путем экспансии хозяйства, чем рассчитывать на то, что это благосостояние может возникнуть в результате бесплодных споров об ином перераспределении национальной продукции.

Это, конечно, не должно означать, что теперешнее распределение национальной продукции является единственно правильным и что оно должно оставаться неизменным. Но хочу пояснить мою мысль цифровыми примерами: С 1949 года – т. е. с того момента, как федеральное правительство начало проводить политику социального рыночного хозяйства, – до 1955 года национальная продукция – брутто повысилась с 47 млрд н. м. до 85, 8 млрд н. м. (в пересчете на цены 1936 года). В 1956 году зарегистрировано новое повышение на 7, 1%.

Национальная продукция – брутто с 1936 по 1955 г. (в перерасчете на цены 1936 года) в миллиардах н. м.

	1
19	9
36	4
	9
47	4
,9	7
	,1

(Источник данных – Федеральное бюро статистики)

Этот пример неоспоримого успеха экономической политики показывает, насколько важнее сосредоточить все усилия народного хозяйства на увеличении народнохозяйственного дохода, чем терять силы в борьбе за распределение дохода и, тем самым, уклониться от единственно плодотворного пути повышения национальной продукции. Куда легче дать каждому по более крупному куску от большего, все увеличивающегося в своих размерах пирога, чем получить выгоду из споров о распределении маленького пирога, ибо тогда каждая выгода должна быть компенсирована какой-либо другой невыгодой.

Соревнование вместо эгоизма

Нередко поругивали меня за то, что я отказывался понимать столь бесплодный ход мыслей. Успех подтвердил мою правоту. Немецкая экономическая политика дала возможность из года в год повышать доход, который все извлекают из экономики. Частное потребление выросло с 1950 до 1955 года (в пересчете на цены 1936 года) с 29 млрд. до 51 млрд. н. м. Этот рост, в сравнении с эволюцией за границей, вывел нас на первое место в мире. Согласно исследованиям Организации европейского экономического сотрудничества индекс частного потребления на душу населения (1952 год = 100) вырос в Западной Германии с 77 в 1949 году до 126 в 1955 году; за тот же период индекс вырос в США с 96 до 107, в Великобритании с 100 до 110, в Швеции с 96 до 110, во Франции с 88 до 113. Если даже принять за исходный уровень довоенное время, то западногерманское развитие далеко превосходит средний уровень развития всех стран, входящих в Организацию европейского экономического сотрудничества. Даже самая смелая реорганизация нашего общественного порядка никогда не смогла бы добиться повышения частного потребления тех или иных групп населения даже в малой доле того, что было достигнуто в действительности; наоборот, подобная попытка привела бы к застою народного хозяйства.

Мой скептицизм в отношении всех споров о «справедливом» распределении национальной продукции исходит из убеждения, что любые требования о повышении заработной платы, обосновываемые этой «справедливостью», стоят в той же плоскости, что и разнообразные попытки других заинтересованных групп и даже широких слоев народа, и сводятся к стремлению добиться для себя выгоды за счет других. При этом легкомысленно забывается, что предпосылкой любых требований должно быть увеличение производительности. Подобный, прямо-таки детский, подход в своем иллюзионистическом ослеплении ставит в конечном счете под угрозу основы нашего прогресса. И здесь признание принципа конкуренции может поставить преграду эгоизму. Как в здоровом, основанном на конкуренции, хозяйстве не дозволено, чтобы каждый отдельный участник его мог требовать для себя привилегий, так подобный способ обогащения недопустим и в отношении целых групп.

Мои постоянные настояния, направить все усилия на путь экспансии, не ставя под угрозу здоровые основы наших хозяйства и валюты, основываются как раз на убеждении,

что только этим способом можно гарантировать соразмерный, достойный жизненный уровень всем тем, кто без собственной вины, вследствие старости, болезни, или как военный инвалид двух мировых войн, не может принимать непосредственного участия в производственном процессе.

Рост социальных пособий за последние годы подтверждает правильность этого тезиса. Повышение государственных социальных пособий в Федеративной республике с 9, 6 млрд. в 1949 году до 24, 4 млрд. в 1956 году, равно как и новая реформа пенсий, стали возможны лишь благодаря хозяйственному прогрессу. Только экспансия дала возможность бедным приобщиться в возрастающей степени к подъему благосостояния. И если теперь федеральное правительство снова в состоянии значительно увеличить социальные пособия, то только потому, что экономическая политика позволяет предвидеть в будущем дальнейший рост нашей национальной продукции.

Ключ к понижению налогов

Политика экспансии – очевидная необходимость и с других точек зрения. Любой политик-реалист согласится, что перед современным государством стоят сегодня огромные задачи. Хотя, конечно, следовало бы сделать все возможное, чтобы добиться сокращения числа государственных функций, по существу своему посторонних в деле государственного управления, – и постепенным отказом от системы предписаний, принудительным образом регулирующих хозяйствование и ценообразование, я внес свою лепту в это дело – все же придется примириться с тем, что в середине XX века возможность существенным образом разгрузить государство от обязанностей мало вероятна. С другой стороны надо признать весьма справедливыми пожелания как всех граждан, так и хозяйственных кругов, направленные на снижение налогового бремени.

Этой цели можно достичь лишь в том случае, если нам удастся удержать государственные расходы хотя бы на теперешнем, и без того уже значительном, уровне. Удастся это, тогда в будущем налоговые облегчения гражданам и хозяйству при продолжающемся повышении национальной продукции, будут ощущаться как некое избавление. Открываются радужные перспективы! Подумать только, насколько легче будет налоговое бремя через 10 лет, когда наша национальная продукция превысит 250 млрд. н. м., в сравнении с 90 млрд. н. м. в 1949 году и 192 млрд. н. м. в 1956 году.

Трезвые факты из недавнего прошлого подкрепляют эти мысли. Никто не осмелится сказать, что индивидуальное налоговое бремя претерпело с 1949 года относительное повышение. И тем не менее общественные доходы (государства, земель и коммунальные) возросли с 23, 7 млрд. н. м. в 1949 году до 54, 45 млрд. н. м. в 1955/56 годах. Этот рост доходов идет исключительно за счет блестящего подъема нашей национальной продукции.

Если удастся добиться требуемой мною стабилизации расходов, и развитие производительности будет расти теми же темпами, легко себе представить и вычислить какое снижение налогов окажется возможным. Только таким путем можно добиться настоящего и реалистичного решения угнетающей всех нас налоговой проблемы.

Поднимая всеобщее благосостояние, экономическая политика в значительной степени способствует демократизации Западной Германии. И немецкий избиратель убедительным образом одобрил этот подчеркнутый отказ от классовой борьбы тем, как он голосовал при выборах в Бундестаг первого и второго созыва.

Через многолетние усилия красной нитью проходит желание добиться подъема всеобщего благосостояния. Единственный путь, ведущий к этой цели – последовательная отстройка хозяйства, основанного на свободной конкуренции. И эта экономическая политика ведет также к дальнейшему расширению традиционных гражданских свобод человека.

Основные хозяйственные права

В основные хозяйственные права входит свобода каждого гражданина устраивать свою жизнь так, как это отвечает – в рамках его финансовых возможностей – его личным желаниям и представлениям. Это основное демократическое право свободы потребления находит свое логическое дополнение в свободе предпринимателя производить и продавать те продукты, которые отвечают спросу, т. е. которые он считает соответствующими желаниям и потребностям покупателей, и производство которых поэтому необходимо и обещает ему успех. Свобода потребления и свобода хозяйственной деятельности должны в сознании каждого гражданина восприниматься как неприкосновенные основные права. Посягательство на них должно караться как покушение на наш общественный строй. Демократия и свободное хозяйство находятся в такой же логической связи, как диктатура и государственное хозяйство.

Осуществлять стремление к подъему благосостояния значит отказаться от недобросовестной политики, которая предпочитает кажущиеся успехи подлинному прогрессу. Тот, кто подходит к этому вопросу всерьез, должен быть готов энергично противодействовать любым посягательствам на устойчивость нашей валюты. Социальное рыночное хозяйство немислимо без последовательной политики сохранения валютной устойчивости. И только этим путем можно предотвратить обогащение отдельных кругов населения за счет других.

Подобные попытки неоднократно имели место как раз в недавние времена. Можно, например, упомянуть соглашения социальных партнеров, уже приведшие к тому, что рост заработной платы обогнал развитие производительности. Это нарушает принцип стабильности цен. Не в меньшей степени виновны и предприниматели, которые из-за роста заработной платы или из эгоизма ищут выхода в увеличении цен. Вина переходит в преступление, когда кто-либо сознательно захочет способствовать развитию инфляции, чтобы облегчить себе таким образом выплату полученных кредитов. Я далек от того, чтобы высказывать подобные подозрения. Тем более, что вряд ли кто-либо может усомниться в том, что подобная попытка привела бы к политической катастрофе.

Поэтому профсоюзы должны подумать, к чему ведет их «активная политика заработной платы», если она должна вызвать повышение цен; не играют ли они на руку безответственным спекулянтам. Реакция немецкого народа даже на незначительный рост цен в недавнем прошлом выразилась немедленно в резком падении сбережений. Так в июле 1955 года взносы превышали выплаты на 188, 1 млн. н. м., тогда как в июле 1956 года выплаты превысили взносы на 109 млн. н. м. И только энергичные мероприятия федерального правительства смогли остановить эту опасную эволюцию.

Подобная порочная эволюция таит в себе не только экономические опасности, но и социальные и политические. Продумав это до конца, мы должны были бы прийти к выводу, что устойчивость валюты следует включить в число основных прав человека и что каждый гражданин вправе требовать от государства ее сохранения.

Дорогостоящие Пирровы победы

Но эти принципы можно осуществить на практике только в том случае, если общественное мнение готово поставить их выше всех эгоистичных частных интересов. Нужно ли еще доказывать как опасны для демократии стремления действовать с позиций силы и добиваться таковых. Не надо даже быть пессимистом, чтобы признать, что многие демократии переживают в этом отношении серьезный кризис. Во всяком случае проблема места, которое должны занимать организованные групповые интересы в общей народной и государственной структуре, далека от удовлетворительного разрешения. Именно тот факт, что проблема эта не решена, приводит к тому, что все новые и новые группы требуют от народного хозяйства больше, чем оно в состоянии дать. Все достигнутые таким путем успехи обманчивы, это – Пирровы победы. Каждый гражданин платит за них в виде легкого повышения цен, платит ежедневно и ежечасно, буквально марками и пфеннигами.

Не утешение, а скорее позор, что эти сомнительные успехи достигаются, главным образом, за счет слоев населения, которые в силу социологических причин, не могут защищать свою точку зрения подобными же методами массового воздействия. Недавние повышения цен произошли почти исключительно потому, что повсюду люди действовали вопреки здравому разумению и пренебрегали предостережениями и увещаниями не терять чувства меры.

Думая о том, чтобы обеспечить нашему молодому демократическому государству твердое будущее, давно пора вернуться на путь нравственных ценностей. Когда мы выдвигаем такое требование, то в нем сливаются в некое единство как экономическая, так и общественная политика. В середине двадцатого века экономическое процветание теснейшим образом связано с судьбой государства, как и наоборот – признание каждого правительства и каждого государства непосредственно связано с успехом или неудачей их экономической политики. Такая взаимозависимость политики и экономики делает недопустимым мышление замкнутыми категориями. Творец экономической политики должен чувствовать свои обязательства по отношению к жизни демократического государства, человек политики должен признавать огромное значение экономики народов и поступать в соответствии с этим.

Социальное рыночное хозяйство, которое имеет место в ГФР, может требовать того, чтобы политики считались с ним, как с важным фактором, который определяет и выражает строительство нашего демократического государства. Эта экономическая политика сумела в кратчайший срок провести беспрецедентную в истории восстановительную работу. С помощью этой политики нам не только удалось дать работу и пропитание населению, которое увеличилось на одну четверть, но и поднять благосостояние этих людей на такой уровень, который превосходит уровень лучших предвоенных лет. Социальное рыночное хозяйство пошло трудным, но честным путем восстановления. Но именно благодаря этому ему удалось заново завоевать доверие всего мира.

Глава II. Рождение рыночного хозяйства

Каково же было исходное положение, когда 2 марта 1948 года я был избран директором Хозяйственного управления в Экономическом совете Объединенной экономической зоны во Франкфурте? Этот период перед денежной реформой я охарактеризовал, много лет спустя, в моем выступлении в Антверпене 31 мая 1954 года:

«Это было время, когда большинство людей не хотело верить, что опыт валютной и экономической реформы может удался. Это было то время, когда мы в Германии занимались вычислениями, согласно которым на душу населения приходилось раз в пять лет по одной тарелке, раз в двенадцать лет – пара ботинок, раз в пятьдесят лет – по одному костюму. Мы вычисляли, что только каждый пятый младенец может быть завернут в собственные пеленки, и что лишь каждый третий немец мог надеяться на то, что он будет похоронен в собственном гробу. Последнее казалось действительно тем единственным, на что мы еще могли надеяться. Мысль о том, что на основании подсчетов сырья и при помощи других статистических данных можно определять судьбу народа на многие годы вперед, свидетельствовала лишь о бесконечной наивности и ослепленности тех, кто был рабом экономического планирования. Эти сторонники механистичности и дирижизма не имели ни малейшего представления о том прорыве динамической силы, который должен был проявиться у народа, как только он смог заново осознать свое собственное достоинство и высокую ценность свободы».

Я неизбежно испортил бы читателю настроение, если стал бы дотошно воссоздавать картину положения до валютной реформы. Поэтому я ограничусь лишь несколькими указаниями для уяснения нашего исходного положения. Первый индустриальный план, который был выработан на основании Потсдамских решений от 2 августа 1945 года, стремился свести объем немецкой промышленности к уровню, который составил бы всего

50-55% уровня 1938 года, или примерно 65% уровня 1936 года, притом для оценки этого плана следует еще учесть, что количество населения тем временем значительно возросло за счет потока беженцев. Но этот план не смог быть осуществлен уже потому, что оказалось невозможным создать экономическое единство Германии.

Второй промышленный план, который был введен английским и американским военными управлениями для их зон оккупации 29 августа 1947 г., давал так называемой двойной зоне право восстанавливать свою промышленность в полном объеме 1936 года, но и этот план был связан с различными, касающимися частностей, ограничениями. Но тем временем производственная мощность промышленности, которой мы могли еще располагать, упала настолько, что составляла лишь 60% ее мощности 1936 года.

Инфляция при замороженных ценах парализует экономику

И действительно, общая промышленная продукция Объединенной экономической области достигла в 1947 г. лишь 36% ее объема в 1936 году. Эту мрачную картину можно было наблюдать также и по отдельным секторам хозяйства. Достаточно себе представить, к примеру, что в свое время текстильное производство составляло лишь одну седьмую сегодняшней продукции.

Промышленное производство Объединенной экономической области (1936 г. = 100)

	1946 г.
Вся промышленность	33
Уголь	51
Железные изделия	21
Целлюлоза	11

ве ст ны е ме тал лы	8
Х и м ич ес ки е пр од ук т ы	4 3
Н ер уд н ы е ис ко па е м ы е	3 1
Т ра нс по рт н ы е ср ед ст ва	1 7
Э ле кт ро те хн	3 6

ика	
Точная механика и оптика	30
Текстильные изделия	20
Кожаные изделия	26
Качественные изделия	34
Целлюлоза и	20

(Источник: «Экономическое управление», издание Экономического управления Объединенной экономической области, июнь 1948 г.)

Несостоятельность попытки остановить в послевоенные годы инфляцию путем замораживания цен и направляемого хозяйства становилась все более очевидной. Инфляция была вызвана теми в высшей степени сомнительными методами, при помощи которых проводилось финансирование военной промышленности с 1933 до 1939 года, а также военными расходами, которые обошлись примерно в 560 миллиардов рейхсмарок. Мы переживали явление инфляции при замороженных ценах. Всякое административное управление хозяйственной жизнью становилось невозможным ввиду переизбытка денежных знаков. Товарообмен осуществлялся, минуя обычно нормальный путь регулярной оптовой и розничной торговли. Все увеличивающиеся запасы товаров задерживались заводами для хранения на складах, поскольку они не могли служить – путем обмена («компенсации») – дальнейшему поддержанию сокращенного в своем объеме производства. Мы вернулись к состоянию примитивного натурального обмена. Общий индекс производства (не считая строительства) достигал в первом полугодии 1948 года лишь примерно 50% производства 1936 года. Это дало повод проф. Репке заявить в начале 1948 г., что Германия уничтожена и приведена в хаотическое состояние в такой степени, что никто, не будучи очевидцем происходящего, не может себе этого представить.

Естественно, что подобный разгром вызвал оживленный спор о методах, при помощи которых следовало преодолеть возникший хаос. В этом споре проявилось все, что угодно, кроме пресловутого единения, о котором принято говорить, что в нем заключается сила. В Западной Германии шла ожесточенная борьба между сторонниками планового и свободного рыночного хозяйства, приковывавшая внимание не только немцев, но и западных союзников. Одна из следующих глав этой книги «Рыночное хозяйство побеждает плановое хозяйство» – дает представление о ходе этой борьбы. Немецкие сторонники планового хозяйства склонялись в данных условиях к тесному сотрудничеству с оккупационными властями британской оккупационной зоны, которые должны были следовать указаниям тогдашнего лейбористского правительства, переживавшего в то время расцвет своих экспериментов в области планового хозяйства. Либеральные же политики Западной Германии скорее тяготели к «американцам». Поэтому отнюдь не случайно, что Виктор Агартц руководил в Миндене Центральным управлением хозяйства, в то время как я принял, по специальному желанию американских оккупационных властей, должность министра хозяйства в созданном в октябре 1945 года баварском правительстве.

Исключительно благоприятная возможность

В середине 1948 г. немцам представилась, наконец, исключительно благоприятная возможность – увязать валютную реформу с решительной реформой всего хозяйства, прекратить бессмысленное перенапряжение человеческих сил, которое было вызвано хозяйственным администрированием, чуждым пониманию реальной действительности. Эта система, одинаково вредная как для промышленности, так и для каждого потребителя – заслуживала лишь того, что быть бесславно похороненной. Лишь немногие еще сознают сегодня, сколько потребовалось мужества и готовности принять на себя ответственность, чтобы сделать этот шаг. Некоторое время спустя двумя французами – Жаком Рюефф и Андрэ Пьетр – об этом единстве хозяйственной и валютной реформы было высказано следующее суждение:

«С совершенной неожиданностью исчез черный рынок. Витрины были забиты товарами, дымились фабричные трубы и улицы были заполнены грузовиками. Вместо

мертвой тишины развалин повсюду раздавался шум стройки. Уже размер восстановления вызывал удивление, но еще большее удивление вызывала его неожиданность. Это восстановление началось во всех отраслях хозяйственной жизни точно в день валютной реформы. Только очевидцы могут рассказать о том мгновенном действии, которое оказала валютная реформа на заполнение складов и богатство витрин. Со дня на день стали наполняться товарами магазины и возобновлять работу заводы. Еще накануне немцы бегали бесцельно по городу, чтобы разыскать дополнительно какие-нибудь жалкие продукты питания. А на следующий день мысли их уже концентрировались лишь на том, чтобы заняться производством этих продуктов питания. Накануне на лицах немцев была написана безнадежность, на следующий день целая нация с надеждой смотрела в будущее». (*Из книги «Хозяйство без чудес» – «Wirtschaft ohne Wonder», 1953, Eugen-Rentsch-Verlag, Erlenbach/Zurich*)

В самом деле, введение рыночного хозяйства в Германии, это почти единственное в своем роде историческое событие, было осуществлено при помощи нескольких немногих законов и ценой бескомпромиссной решимости. Воля к созданию чего-то совершенно нового нашла свое выражение в «Вестнике законов и распоряжений Экономического совета Объединенной хозяйственной зоны» от 7 июля 1948 г. На плохой, ныне уже пожелтевшей бумаге «дореформенного» качества был отпечатан «Закон о принципах хозяйственной структуры и политике цен после валютной реформы» от 24 июля 1948 г. Этот закон давал директору Хозяйственного управления право одним махом выбросить в мусорный ящик сотни всяких предписаний, которые регулировали экономическую жизнь и цены. Мне было поручено, в рамках указанных принципов, «провести необходимые мероприятия в области экономической жизни» и «определить в отдельности те товары и те виды труда, которые следует освободить от действия предписаний по регламентации цен». Для меня это означало: как можно скорее устранить возможно большее количество предписаний по регламентации народного хозяйства и цен.

Уже на следующий день было опубликовано «Распоряжение, касающееся образования цен и контроля цен после валютной реформы», в связи с чем десятки предписаний, регулировавших цены, потеряли свою силу. При этом мы прибегли к единственно возможному методу – мы отказались от перечисления всего того, что теряло силу и точно обозначили лишь все то, что еще должно было оставаться в силе. Таким образом, был сделан огромный шаг в направлении к цели, которой является освобождение хозяйства от непосредственного воздействия бюрократии. Выступая на партийном съезде Христианско-демократического союза британской зоны в Реклингхаузене 28 августа 1948 года, я пояснил эти мероприятия следующими словами:

«Дело совсем не обстояло так, что поступая разумно, мы располагали возможностью свободного решения. То, что мы должны были сделать при тогдашних условиях, это – снять оковы. Мы должны были быть готовы к этому, чтобы наконец снова возродить нравственные принципы в нашем народе и положить начало оздоровлению нашего общественного хозяйства.

Тот поворот в экономической политике, который был совершен переходом от принудительно-направляемого хозяйства к рыночному, означает много больше, чем экономическое мероприятие в узком смысле этого слова. Нет, мы поставили нашу общественно-экономическую и социальную жизнь на новые основания и указали ей путь вперед. Мы должны были отречься от нетерпимости, которая через духовную несвободу ведет к тирании и тоталитаризму. Мы должны были прийти к такому порядку, при котором устремленность к целому была бы осмысленной, органической, основывалась бы на добровольном подчинении и руководилась сознанием ответственности».

Широкая общественность так никогда полностью и не осознала, что разыгрывалось за кулисами этого перехода к свободному рыночному хозяйству. Приведу лишь один пример: строгие предписания американских и английских контрольных инстанций предусматривали необходимость предварительного разрешения для каждого изменения предписаний,

касающихся цен. Союзники, правда, не учли того, что кому-нибудь может придти в голову не изменить, а отменить распоряжения, регулирующие цены. Союзники не ожидали, что немец сможет проявить столько смелости через столь короткий срок после окончания войны, – это не укладывалось в категории мышления оккупационного управления вскоре после одержанной полной победы. Мне помогло то, что генерал Клей, пожалуй, самая сильная личность среди членов Верховной комиссии, поддерживал меня и прикрывал своим авторитетом мои распоряжения. Ценообразование немецких потребительских товаров и важнейших продуктов питания было таким образом изъято из-под контроля союзников. Правда, этот первый успех еще не означал, что в дальнейшем союзники откажутся от попытки оказать влияние на восстановление немецкой экономики согласно их представлениям. Именно в последующее время один конфликт сменял другой. Расхождения касались демонтажей, сокращения налогов, свободы промыслов, ценообразования при перепродаже, устройства профессиональных центров, реорганизации по-новому нашей внешнеторговой политики и т. п.

Эти критические замечания, однако, не могут и не должны умалить то чувство благодарности, которое испытывает федеральное правительство и весь немецкий народ к США и его гражданам за помощь по плану Маршалла. Эта широкая и даже великодушная помощь, оказанная в рамках плана Маршалла и смежных с ним программ, превысила за время с апреля 1948 г. по конец 1954 г. сумму в полтора миллиарда долларов. К этому следует прибавить те существенные поставки, которые мы получали еще до начала плана Маршалла из средств GARIOA и размер которых с 1946 по 1950 год выражается в сумме в 1, 2 миллиарда долларов.

Всеобщая забастовка против рыночного хозяйства

В истории немецкой экономики одной из самых драматических эпох было в особенности второе полугодие 1948 года. Происходила борьба между идеей освобождения рыночного хозяйства и упорствующими силами принудительно-направляемого хозяйства. Правда, некоторые обстоятельства экономического положения и не способствовали тому, чтобы вызвать решительное и безусловное доверие к правильности такого прорыва к экономической свободе. В первые месяцы после реформы индекс цен повсеместно значительно возрос. Почти бесполезно было повторно напоминать, что несмотря на то, что 18 июня 1948 года и существовали официально установленные, сравнительно низкие цены, но товаров по этим ценам тогда не было, и что ныне уплачиваемые цены в немецких марках представляли собой лишь незначительную долю размера соответственных цен в рейхс-марках, которые уплачивались на черном рынке в месяцы перед валютной реформой.

Самой важной задачей было не дать себя смутить этой бурной неразберихой и остаться твердым даже тогда, когда профсоюзы призвали – 12 ноября 1948 г. – ко всеобщей забастовке, чтобы при помощи такой решительной меры покончить со свободным рыночным хозяйством. В Экономическом совете царило смятение. Почти во всех письменных столах Хозяйственного управления – руководитель которого так решительно боролся против направляемого хозяйства и предписанных цен – тайком лежали наготове новые варианты только что отмененных распоряжений. Само Хозяйственное управление усомнилось в правильности положений, которые защищал его руководитель.

В конце августа 1948 года я заявил следующее:

«Я остаюсь при своем мнении и будущее покажет, что я был прав. Маятник цен сейчас повсюду нарушил границы нравственного и допустимого. Это произошло под давлением факторов, которые увеличивают себестоимость продукции, и под влиянием опьянения, вызванного теми деньгами, которые были выданы на каждого человека при валютной реформе в обмен на старые деньги. Но скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние, – а именно, к тому, которое обеспечивает наилучшее взаимоотношение между заработками и ценами, между номинальным доходом и

уровнем цен».

Казалось, что мое тогдашнее заявление совершенно не соответствовало положению вещей, и я получил репутацию неисправимого оптимиста. Когда же несколько месяцев спустя факты доказали, что я был прав, – меня «произвели» в современного экономического пророка.

Оправдало ли развитие жизни то, что я предвидел?

После реформы казалось, что наша экономика столкнулась с такой готовностью покупателя к потреблению, которая, казалось, никогда не кончится, – царило поистине безграничное желание восстановить утраченное. Столь же сильной была потребность восстановить и восполнить утраченное и недостающее и во всех отраслях хозяйства. В жилищном строительстве накопились требования, которые, казалось, невозможно будет удовлетворить, принимая во внимание военные разоружения, а также необходимость разместить восемь миллионов беженцев. Если в первые дни после валютной реформы казалось, что спрос и предложение взаимно выравнены, то очень скоро эта картина изменилась. Припрятывание товаров, нравственно предосудительное, о котором так много говорилось, в кратчайший срок отошло в прошлое. Как для предпринимателя, так и для потребителя деньги снова приобрели свое прежнее значение. В этом отношении оказалось правильным, что снабжение предприятий деньгами было подвержено сознательному ограничению. Торгово-промышленные предприятия были вынуждены спешно предлагать покупателю текущую продукцию и ликвидировать имевшиеся на складах товары.

Борьба за крепкие нервы

Все больше разрасталось тогда возмущение против припрятывания товаров, которое уже стало для всех очевидным, хотя вдумчивые люди давно уже знали об этом. И нужно было иметь некоторое мужество для того, чтобы высказать то, что экономически было разумно:

«Вы знаете, что меня упрекают в том, будто я – „ангел-хранитель“ тех, кто припрятывает товары. Подобная клевета меня не затрагивает. Припрятывание, как индивидуальное мероприятие, вызывает мое презрение. Но я считаю себя обязанным указать на то, что радикальное опустошение складов нашей экономики с необходимостью привело бы к тому, что освобожденная валютной реформой покупательная способность натолкнулась бы на пустоту. В таком случае валютная реформа с первого же дня оказалась бы обреченной на провал, или нам пришлось бы снова закабалить народ под проклятие экономической бюрократии с помощью государственного направляемого хозяйства и устанавливаемых государством цен. Ведь необходимо учесть, что „припрятывание“ как таковое, то есть как явление народного хозяйства, было неизбежным феноменом в проведении самой валютной реформы, с которым надо было считаться, когда мы ее задумывали. Нечестно возмущаться, когда нам доподлинно известно, что если бы у нас не было этих запасов в результате „припрятывания“, то всей валютной реформе, быть может, суждено бы было провалиться».

Трудности имели ясно различимую причину. Текущие заработки, как и те деньги, которые были выданы при реформе на каждого человека, так и сбережения, которые были переведены из рейхсмарок в немецкие марки (последние две суммы вместе достигали 3,5 миллиардов нем. марок) – все это хлынуло немедленно и исключительно в потребление. Безвременно умерший в 1950 г. близкий мой сотрудник Леонхард Микш отмечал в октябре 1948 г., что для наступившего после валютной реформы развития характерно значительное увеличение количества денег, на которое немецкие инстанции не имели никакого влияния. Вот что он писал:

«Пора обратить внимание общественности на этот факт, который находится в резком противоречии с ожиданием решительного оздоровления, купленного исключительно тяжелыми жертвами тех, кто делал сбережения. Если после стабилизации 1923 г. в течение ближайших месяцев общее денежное обращение возросло примерно на 90% – с 1488

миллионов на 30 ноября до 2824 миллиона на 31 марта 1924 года – то в 1948 году оно возросло за три с половиной месяца – 30 июня по 15 октября – на 156%: с 2174 миллиона на 5560 миллионов» [2].

Количество денежных знаков, бывших в обращении, возросло к 31 декабря 1948 года даже до 6,641 млрд. марок (включая Берлин). Естественным последствием такой текучести денег было то, что спрос должен был расти быстрее предложения – тем более, что ввиду недостатка импортного сырья предложение не было еще достаточно гибким. К тому же с возрастающей текучестью средств побуждение ликвидировать запасы складов уже не было столь велико. Даже то обстоятельство, что освобождения хозяйства было достаточно для того, чтобы производство возросло с середины до конца 1948 г. в среднем на 50% – это само по себе уже удивительный успех рыночного хозяйства – не могло помешать тому, что цены осенью 1948 г. поднялись довольно сильно.

Многие поэтому склонялись к тому, чтобы отречься от тех свобод, которые мы себе незадолго перед тем снова завоевали. На такой соблазн можно было ответить лишь следующим образом:

«Или мы потеряем нервы и поддадимся злобной, демагогической критике и тогда мы снова окажемся в состоянии рабства. Тогда немцы снова потеряют свободу, которую мы им столь счастливым образом вернули, тогда мы снова вернемся к централизованному экономическому планированию, которое постепенно, но неотвратимо приведет нас к принудительной хозяйственной системе, к хозяйству бюрократических учреждений и, наконец, к тоталитаризму» [1].

Развитие цен, действительно, внушало беспокойство. К концу года все цены, сравнительно с июнем 1948 года, значительно возросли.

Общий индекс цен промышленных товаров Стоимость жизни (1938 = 100)

19	1
48	9
	4
	9
	=
	1
	0
	0
)
И	9
ю	1
нь	
С	1

ен	0
тя	1
бр	
ь	
Д	1
ек	0
аб	4
рь	

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Но, как часто бывает в экономике, то, что было непопулярно, а в данном случае даже то, что было отрицательным в социальном отношении, имело, с точки зрения экономической, свою положительную сторону. Весьма возможно, что эти исправления цен частично превысили меру необходимого в смысле приспособления к изменившейся себестоимости – в результате чего производители естественно получили значительный доход. Это вызвало раздражение и привело к искажению в оценке социальной перспективы. Но эти доходы были лишь в самой незначительной доле использованы на личные нужды производителей – они заменили капитал, который должны были бы дать новые сбережения и который в то время еще не мог быть полностью реализован. Капитал же из старых сбережений был в весьма значительной степени уничтожен валютной реформой. Можно, конечно, критиковать такой способ капиталообразования, но в свое время он послужил фундаментом для воссоздания потерянных или уничтоженных капитальных ценностей.

Ложный курс в налоговой политике

Вынужденность такого развития все же привела к тому, что в этот первый период после реформы продукция смогла значительно возрасти, и что население могло поместить свой возрастающий доход в товары. Эта необходимость инвестировать средства, которая проводилась через соответствующее установление цен, нашло свое отражение и в налоговой политике. Вместо действительного снижения налогов закон военного управления за №64 от 20 июня 1948 г. предусматривал относительно широкие возможности списывать налоги и пользоваться целым рядом других послаблений.

Когда налоговая политика снова была передана в немецкие руки, это общее направление налогового законодательства было сохранено. Постоянно выдвигались новые мероприятия, которые должны были побудить людей к участию в капиталовложениях. Законодательство стремилось также побудить людей к сверхурочной работе – заработок за сверхурочную работу оставался свободным от налогового обложения. Эти мероприятия представляли собой прекрасное добавление к тому радостному чувству, которое люди, наконец, снова стали испытывать при мысли о работе, так как вознаграждение, которое они получали за свой труд, давало им возможность приобрести что-то реальное и устраивать жизнь свободно, по своему желанию.

Достаточно просмотреть статистику, показывающую, по категории рабочих в промышленности, количество рабочих часов за неделю, чтобы убедиться в последствиях происшедших перемен. Появившаяся вновь радость труда очень скоро привела к удлинению рабочего времени – лишь совсем недавно мы отметили некоторую тенденцию к его сокращению. За период с 1949 г. производительность экономики выросла более, чем на 60%, что позволило приступить к сокращению рабочего времени, которое, несомненно, желательно с социальной точки зрения. Но такое сокращение должно происходить спокойно и постепенно, чтобы с этой стороны не возникло угрозы для общего показателя продуктивности народного хозяйства и для стабильности валюты.

Недельное рабочее время (выражено в часах, работа в шахтах не принята в расчет)

Г од	М у ж ч и н е
19 47	3 9 , 8
19 48	4 3 , 0
19 49	4 7 , 3
19 50	4 9 , 1
19 50	4 9 , 0
19 52	4 8 , 5
19 54	4 9

	5
19	4
56	9
	0

(Источник: Федеральное статистическое бюро. Цифры, включая первые данные за 1950 год, относятся к Объединенной экономической зоне, начиная со вторых показателей за 1950 год – ко всей территории Германской Федеративной Республики)

Казалось бы, что здесь налоговая политика является правильным восполнением всей системы экономики. Но в действительности развитие налогового законодательства пошло по пути, который в дальнейшем нередко приводил и к конфликтам с экономической политикой: иными словами, налоговая система подчас становилась средством, при помощи которого государство часто предоставляло преимущества и льготы или же которым оно пользовалось нежелательным образом, чтобы оказать влияние на экономику.

Возвращаясь еще к вопросу о повышении цен, нужно отметить, что значительную опасность для того времени представляло собой сокрытие денег. Количество денег, находившихся в обращении, все время пополнялось из непрекращающегося потока государственных денежных выпусков. После 8 августа 1948 г. был отменен, ощущавшийся как очень тягостный, запрет предоставления кредитов из текущих банковских счетов, благодаря чему краткосрочный банковский кредит снова получил возрастающее значение.

Это указание не носит характера критики, ибо необходимость этих мероприятий для народного хозяйства стала несомненной. Таким путем объем кредитов тем временем возрос с 1,4 миллиарда в конце июля 1948 г. до 3,8 миллиарда в конце октября и до 4,7 миллиарда немецких марок к концу года. В течение последующего года краткосрочные ссуды возросли еще на 5,1 миллиарда. Открывшаяся возможность получения кредитов способствовала, естественно, тому, что появилось желание придерживать товары на складах, так как частным предприятиям это казалось выгодным в связи с намечавшимся повышением цен. Такою была ситуация осенью 1948 года, и она была далеко не благоприятной.

Цены понижаются

Оптимизм, над которым сначала смеялись, оказался, однако, вполне оправданным реализмом: в первом полугодии 1950 г. уровень цен в розничной торговле был на 10,6% ниже, чем в первом полугодии 1949 г. В силу этого Западная Германия перестала принадлежать к числу тех государств, которые, казалось бы примирились с политикой непрерывно растущих цен. Сравнение международных данных о дальнейших изменениях в стоимости жизни показывает, что эту «твердую» политику можно было продолжать и в последующие годы (1954-1956 гг.), несмотря на вызванный корейской войной кризис и высокую конъюнктуру:

Индекс стоимости жизни (1950 = 100)

	И
Г	С
Ф	Р
Р	В
	.

С	1
ре	1
д	0
ня	
я	
за	
19	
52	
г.	
С	1
ре	1
д	3
ня	
я	
за	
19	
56	
г.	
И	1
ю	1
нь	5
19	
57	
г.	

(Источник – Федеральное статистическое бюро).

Совершенно очевидно, что экономическая политика взяла тогда курс, влияние которого явно ощущается по сей день. Наряду с преимущественно положительными последствиями этого курса, он оказал также влияние на изредка появлявшиеся переизбытки платежных балансов. Но каким образом осуществился этот поворот, многим казавшийся сенсационным, основы и начала которого были заложены той политикой, которая была принята на стыке 1948-1949 годов?

Существенным элементом стабилизации была, несомненно, политика в области зарплаты; эта политика первоначально – несмотря на значительную еще безработицу – не следовала по пути, по которому шло повышение цен. Ограничение зарплаты оставалось еще в силе, хотя этот принцип и несовместим со свободным рыночным хозяйством. Вполне последовательно было поэтому издание закона об отмене ограничений зарплаты от 3 ноября 1948 года. Лишь благодаря этому закону профсоюзы снова получили свободу действия. Между прочим и это было бы немислимо, если последовательная отмена направляемого хозяйства не имела бы места.

Политика в области заработной платы, которую проводили профсоюзы, была относительно сдержанной, несомненно, также в силу того, что попытка сорвать и ликвидировать новую экономическую политику путем всеобщей забастовки 12 ноября 1948 года полностью провалилась. В этот день общественное мнение дало понять руководству профсоюзов, что последнее находится на ложном пути, пытаясь вести непримиримую борьбу со свободным рыночным хозяйством.

Трудящиеся уже поняли, разобравшись в сложности происходившего, в сколь сильной степени начавшееся тогда развитие, несмотря на некоторые тягостные затруднения, все же в конечном итоге идет им на пользу.

Все обвиняют друг друга

Нужно признать, однако, что не одни только профсоюзы в то время выступали с резкой

критикой. Достаточно заглянуть в газеты того времени, чтобы убедиться в этом. Страну как бы захлестывал пессимизм. Вот всего несколько газетных заголовков в качестве примера: «Цены невозможно догнать». «Эрхард исчерпал свою мудрость». «Хаотическая картина цен». «Специалисты-экономисты – за возврат к направляемому хозяйству» и т. п.

Быть может, еще более опасным было то положение, что даже в среде самих участников хозяйственной жизни начались взаимные обвинения. Каждый пытался приписать вину своему партнеру – промышленность обвиняла торговлю, торговля – промышленность, городские жители обвиняли сельское население и наоборот. Тут могла быть только одна линия поведения – во что бы то ни стало оставаться стойким! Эту исключительную историческую ситуацию стоит запечатлеть, ибо на основании всего опыта можно по справедливости утверждать, что ни одно правительство и ни один парламент позже не смогли бы проявить необходимую выдержку, чтобы ввести и сохранить систему свободного рыночного хозяйства.

Тем временем заработная плата всех рабочих за один рабочий час поднялась с 0,99 нем. марок в июне 1948 года до 1,13 нем. марок в декабре 1948 года. Это было, конечно, значительное повышение, но оно не выходило за рамки общего повышения производительности. Ни на каких других соотношениях нельзя более убедительно показать все благотворное действие реформы, как на росте продукции за один рабочий час. Показатели производства поднялись с 62,8% (базис 1936 г.) в июне 1948 г. до 72,8% в декабре и до 80,6% в июне 1949 г. – то есть примерно на 30% в течение одного года с момента начала валютной реформы (см. таблицу).

**Валютная и экономическая реформы повышают продуктивность
Показатель продукции за рабочий час, 1936 = 100**

1948*	
Июнь	= 62,8
Сентябрь	= 72,4
Декабрь	= 72,8
1949	
Март	= 78,5
Июнь	= 80,6
Сентябрь	= 82,1
Декабрь	= 82,7
1950	
Март	= 87,7
Июнь	= 90,0
Сентябрь	= 98,0
Декабрь	= 93,6
1951	
Март	= 100,2
1950=100	ежегодный прирост
1949=90,3	
1950=100,0	+ 10,7%
1951=108,2	+ 8,2%
1952=112,3	+ 3,8%
1953=119,2	+ 6,1%
1954=126,0	+ 5,7%
1955=133,8	+ 6,2%
1956=139,1	+ 4,0%

* Только британская и американская зоны.

(Источники: Федеральное правительство и Федеральное статистическое бюро).

Поздней осенью 1948 г. Банк немецких земель посчитал возможным применить впервые традиционные мероприятия эмиссионных банков. Банк одновременно повысил минимальный резерв с 10 до 15% и ограничил переучет теми случаями, когда банковский акцепт служил финансированию внешней торговли или закупке сырья, или же когда это было необходимо в порядке следования установленной правительством продовольственной политики. В ходе этих мероприятий, начавшихся 1 декабря 1948 г., кредитным учреждениям было предложено сократить объем кредитов по возможности до того размера, который они имели в конце октября 1948 г.

Кроме этих мероприятий Банка немецких земель, сдерживающее влияние стали проявлять также еще и другие факторы: в связи с выплатой в конце сентября 1948 года причитающейся на душу населения второй квоты новых денег (немецких марок) кончился приток денег, выпускаемых в порядке финансового суверенитета государства. Переключение старых вкладов в рейхсмарках закончилось к концу года. Новое обстоятельство в то время оказало нам помощь (оно и до сих пор занимает наше внимание): официальные государственные бюджеты впервые могли показать в последнем квартале 1948 года некоторые излишки, что имело положительные последствия в смысле противодействия инфляционным тенденциям.

Из того духа свободы, который нашел свое наиболее ясное выражение в отказе от принудительно-направляемого хозяйства, родилось также и стремление привести в порядок государственный бюджет путем систематического сокращения расходов. 28 июня было издано постановление об обеспечении валюты, упрочении государственных и общественных финансов. Согласно этому постановлению администрации было запрещено набирать новых служащих и повышать оклады, служебные поездки были сведены до минимума. Это распоряжение, несомненно, отражало благие намерения, но нужно сказать, что его предписания были осуществлены только в Хозяйственном управлении, которое в то время обслуживалось весьма многочисленным персоналом. Когда я принял руководство Хозяйственным управлением, расположенным в городе Хёхст, в этом учреждении, вместе с его специальными отделами, было две с половиной тысячи служащих. К 1949 году удалось сократить количество служащих до 1647 человек.

Каталог уместных цен и программа широкого потребления

Попытки Хозяйственного управления стабилизировать цены нашли свое отражение в периодической публикации каталога уместных цен. Этот каталог, выработанный совместно с торгово-промышленными кругами и профсоюзами, должен был определять, какие цены, при правильной калькуляции, должны были почитаться уместными для отдельных предметов потребления. Первый каталог цен, опубликованный 11 сентября 1948 г., указывает, в частности, цену мужских полуботинок в размере от 24.50 до 30.00 нем. марок. В это же время вступила в действие и «программа широкого потребления», в процессе которой, к примеру, в августе 1948 года было произведено 700.000 пар обуви по особо точно исчисленным ценам.

Наконец нужно упомянуть «закон против произвольного завышения цен», который вошел в силу 7 октября 1948 г. и до сих пор является объектом оживленных споров в парламенте. Но, если утверждать, что этот закон был одной из подлинных причин, приведших к наступившему впоследствии изменению цен, то это едва ли соответствует действительности, а скорее даже прямо противоречит ей.

Этот счастливый поворот наступил благодаря достигнутому экономическому равновесию. Этому повороту способствовало и то, что с конца 1948 г. на мировом рынке наметилась тенденция к падению цен. Значение имело также то, что благодаря помощи по плану Маршалла значительно улучшилось снабжение сырьем. И, действительно, с начала 1949 г. сырье и машины стали усиленно поступать на предприятия. В то время, как,

например, за первое полугодие 1948 г. стоимость коммерческих и некоммерческих импортных товаров достигла уровня 1,2 млрд. нем. марок, в те же месяцы 1949 г. стоимость этих товаров повысилась уже до 3 миллиардов немецких марок. Все эти факторы значительно способствовали успеху всего начинания. Таким образом первый период восстановления немецкого хозяйства прошел под знаком уже упомянутой бурной неразберихи в области цен и одновременно значительного повышения ставок реальной заработной платы и огромного роста производства.

Быстрый рост производства после денежной реформы

(1	2
93	-
6	с
=	й
10	к
0)	в
	а
	Р
	т
	а
	л
	1
	9
	4
	8
	г
	.
В	5
ся	2
пр	,
о	1
м	
ы	
ш	
ле	
н	
но	
ст	
ь	
(б	
ез	
ст	
ро	
ит	
ел	
ьс	
тв	
а)	
П	4

ро м ы ш ле н н ы е то ва р р ы	6 , 4
С ре дс тв а пр ои зв од ст ва	4 6 , 6
Т ов ар ы ш ир по тр еб а	4 3 , 4
П и щ ев ая и п и щ ев ку со ва я пр о м ы	5 5 , 0

Ш
ле
н
но
ст
ь

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Такое корректирование цен в сторону достижения равновесия на изменившемся номинальном уровне оказалось нужным и было даже неизбежно. Расхождение же («ножницы») между ценами и покупательной способностью потребителей стало, наоборот, все сильнее сокращаться в пользу потребителей. В течение нескольких недель картина резко изменилась. Потребитель уже не соглашался платить любую цену; увеличивалось количество заказов, отмененных из-за недостатка денег. В газетах появлялись заголовки вроде «Тревожные сигналы в секторе товаров ширпотреба» и т. п.; при этом было характерно, что пессимистические прогнозы склонны были теперь обернуться в противоположном направлении.

Второй период

В первый период после денежной реформы многие думали, что рост цен будет продолжаться. Затем с такой же страстностью высказывались опасения, что наступит падение цен, которое лишит экономику возможности покрывать свои расходы. Падение цен, которое наблюдалось до начала корейского кризиса, во всяком случае ясно показало потребителю несомненное преимущество рыночного хозяйства по сравнению со всеми формами государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Это сознание было бы, конечно, еще более сильным, если бы «средний человек» имел возможность провести сравнение цен в Германии с ценами в других странах. В то время, когда в Западной Германии цены понижались, в других странах наблюдалось значительное повышение цен:

Стоимость жизни (1950 = 100)

	1
	9
	4
	9
Г	1
Ф	0
Р	7
Ф	9
ра	0
н	
ц	
ия	
А	9
вс	1
тр	
ал	
ия	
Н	9
и	2
де	
рл	

ан	
д	
ы	
В	9
ел	7
ик	
об	
ри	
та	
н	
ия	
К	9
ан	7
ад	
а	
С	9
Ш	9
А	
И	1
та	0
ли	1
я	
Ш	1
ве	0
ц	1
ия	

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Примечательно для этого периода общей стабилизации цен то, что к середине 1950 г. большинство наиважнейших показателей вернулись к исходному уровню середины 1948 года. Индекс стоимости жизни для рабочей семьи, состоящей из четырех человек, в последнем квартале 1948 года был равен 166, средний годовой индекс за 1949 год снизился до 160, а в июле 1950 года упал до 149. Показательное впечатление, вызванное снижением цен, было тем более убедительным, что за тот же отрезок времени зарплата повысилась.

Правда, этот процесс начался уже во втором полугодии 1948 г., но именно 1949 г. представляется в особо сильной мере периодом решительного повышения реальной заработной платы. Но, в отличие от последующих периодов, когда заработная плата начала усиленно расти, для 1949 года характерно сочетание повышения номинальной зарплаты с понижением цен, что влекло за собой решительное улучшение реальной зарплаты. Именно в этом проявляется особенность этого второго периода после валютной реформы середины 1948 года.

Часовая заработная плата промышленных рабочих-мужчин возросла с 1,22 нем. марки в декабре 1948 года до 1,33 нем. марки в декабре последующего года. В июне 1950 года она была равна 1,36 марки. За тот же период индекс стоимости жизни (при индексе 100 за 1938 год для территории Федеративной республики по потребительской схеме 1949 года) упал со 168 в январе 1949 года до 151 в июне 1950 года. Таким образом реальная зарплата промышленных рабочих (то есть соотношение между недельным заработком – брутто и индексом стоимости жизни) возросла в 1949 году на 20,5%.

Эти противоположные тенденции зарплаты и цен подчеркивали самую сущность социального рыночного хозяйства. В то время я постоянно указывал общественности на это развитие, желая разъяснить здесь на конкретных жизненных примерах внутренние законы рыночного хозяйства, оптимальным или идеальным выражением которого является увеличение заработка при понижающихся ценах.

Но и этот период не был вполне свободен от трудностей. Кратко были уже отмечены факторы, определявшие собой это развитие: приспособление уровня цен к наличной покупательной способности потребителей при одновременном увеличении производства товаров, однако одновременное сдерживание конъюнктуры при помощи излишков казначейства; затем – тормозящее влияние распространявшегося в США спада, а также необходимость приспособливаться в связи с тем, что с осени 1948 года началась либерализация и усиление ввоза.

Эти силы, которые, правда, были пущены в ход сознательно, привели к тому, что впервые за полтора десятилетия, на внутригерманском рынке стало снова заметно ощущаться давление международной конкуренции. В этот столь значительный послереформенный период развития промышленность впервые была вынуждена пересмотреть свои производственные планы. Эти планы возникли в изоляции от других стран и носили на себе еще слишком явные следы идеологии автаркии – промышленность должна была снова обратить свое внимание также и на возможности сбыта.

«Король-покупатель»

Давление понижающихся цен привело к явлению, знакомому немецким потребителям лишь из воспоминаний далекого прошлого. Покупатель снова стал «королем», у нас появился рынок, лицо которого определял покупатель. Но насколько неумелыми, неловкими, были первые попытки покупателя в этой новой обстановке, которую внезапно создала немецкая экономическая политика! Потребитель стал сдержанным, ибо он, естественно, ожидал, что быть может завтра или послезавтра он сможет закупить еще дешевле. Покупатель снова научился старательно взвешивать любую покупку. Эта новая установка потребителя была совершенно необходима для нашего дальнейшего хозяйственного развития. Без этой суровой школы нам было бы трудно изгнать из сознания людей столь крепко укоренившуюся психологию «рынка продавцов», для которой стали совершенно чуждыми понятия, характерные для свободного рыночного хозяйства.

Этот заново возникший «рынок покупателей» вызвал естественно определенные последствия. Заметна была несомненная сдержанность в готовности к капиталовложениям, целью которых было лишь расширение производственной мощности предприятий. Мышление предпринимателей проделало эволюцию в том смысле, что оно определялось уже не только соображениями производственной экономики: на первое место стали выдвигаться соображения, связанные с требованиями рынка. Главную роль начали играть капиталовложения, направленные на рационализацию производства. Многие представления, которые почитались нерушимыми в эпоху «рынка продавцов», оказались теперь неверными и необоснованными.

Статистика роста производительности ясно отражает этот период. С декабря 1948 г. по июнь 1950 г. в Западной Германии производительность рабочего часа возросла с 70,3 до 89,0 процентов (по отношению к 1936 году). Особенно основательная рационализация проводилась, главным образом, в тех отраслях хозяйства, где давление конкуренции становилось особенно ощутимым. Если сравнить, к примеру, результаты роста производительности труда в первом и втором полугодии 1949 года, то за этот короткий промежуток времени можно отметить повышение в текстильной промышленности с 82,2 до 95,7, в обувной промышленности с 69,0 до 75,8 и в строительстве транспортных средств с 49,1 до 65,7 процентов. Показательно, что угольная промышленность, которая в то время еще целиком оставалась вне рыночного хозяйства, могла показать улучшение производительности лишь с 61,5 до 62,5%. (100 – показатель производительности одного рабочего часа в 1936 году. Источник: Федеральное статистическое бюро).

Едва ли нужно еще указать на то, что только благодаря этим большим успехам в деле рационализации оказалось возможным провести упомянутое повышение заработной платы, не подвергая опасности устойчивость цен.

Наследие обманчивой всеобщей занятости

В связи с этим необходимым развитием безработица неизбежно вылилась в очень серьезную проблему. Это последствие, конечно, очень малоотрадное, зачастую стало служить поводом для того, чтобы проклясть новую экономическую политику.

Однако, такая реакция в то же время весьма показательна для недостатка терпения, проявляемого многими людьми по отношению к развитию, которое по необходимости должно быть длительным. Я постоянно подчеркивал, что обеспечением простой, фактической занятости немецкому рабочему и всему немецкому народу в целом еще не будет оказано настоящей услуги. Для обеспечения существования народа нужно было создать верные, постоянные, то есть рациональные места работы.

Безработица того времени выросла из призрачной всеобщей занятости, наблюдавшейся перед денежной реформой, и к концу 1948 года достигла цифры в 760.000 человек. Безработица продолжала расти в течение всего 1949 года и увеличивалась даже в летние месяцы. Число безработных росло из месяца в месяц – с 960.000 в январе до 1,56 миллионов к концу года. Какое это было трудное время для деятеля экономической политики, обремененного ответственностью! И, как всегда, снова стали предсказывать крушение моей экономической политики.

Рост количества безработных не был бы так велик, если бы не появлялись все новые рабочие руки, особенно из потока беженцев, которые требовали работы. В пылу полемики мои критики забывали, – скорее всего по соображениям партийной политики, – что сами они перед валютной реформой уверенно предсказывали возникновение армии безработных в размере от 4 до 5 миллионов человек. А после денежной реформы они нападали на меня за количество безработных – несравненно меньшее их собственных прогнозов. Безработица была почти исключительно результатом притока новых рабочих рук. Лучше всего это видно из статистики работающих, которая с конца 1948 года по конец 1949 года отметила сокращение лишь в размере 150.000. В то же время высшая «точка» безработицы, обусловленная «мертвым» сезоном, в феврале 1950 года показала на 1,2 миллиона больше безработных, чем в конце 1948 года. В глазах специалистов этот огромный приток рабочих рук был свидетельством несомненно скорее в пользу свободной экономической системы, чем против нее. А именно этот приток доказывал, какому множеству жителей в Западной Германии работа снова казалась стоящей, хотя, конечно, и необходимой.

К тому же времени относится и другое чреватое последствиями мероприятие, которое по своему значению, пожалуй, не уступает реформам середины 1948 года. Это был переход к совершенно иной политике во внешней торговле; эта политика сознательно вела немецкую экономику к соприкосновению с международной конкуренцией. Для того, чтобы картина была полной, нужно напомнить в этой связи и о проведенном снижении стоимости немецкой марки. 19 сентября 1949 года была проведена девальвация на 20% и одновременно был установлен новый паритет по отношению к доллару – 4,20 НМ (вместо 3,33). Это снижение ценности марки нашло свое отражение в развитии внешней торговли.

В заключение необходимо подчеркнуть то особенно значительное обстоятельство, что Федеративная Республика проявила мужество – в процессе начавшегося вслед за Великобританией снижения ценности почти всех европейских валют – провести меньшее снижение, чем Великобритания и Франция и принять на себя, таким образом, отрицательные последствия в предстоящей экономической конкуренции.

Как решительно изменилось положение за те пятнадцать месяцев, которые прошли с момента, когда первое федеральное правительство приняло бразды правления! С октября 1949 года до декабря 1950 года нам удалось утратить экспорт.

Внешняя торговля и девальвация НМ.

	С Р е д н и е к м е с я Л
	Н М
19 49 1- 3 кв ар та л	3 2 6 , 4
19 49 4 кв ар та л	3 9 9 , 3
19 50 1 кв ар та л	5 0 2 , 3
2 кв ар та л	5 9 6 , 3
3 кв ар	7 2 7

та	,
л	3
4	9
кв	6
ар	3
та	,
л	5

(Источник: Отчет федерального правительства по плану Маршалла за 1949-51 гг.).

Однако, как и следовало ожидать, либерализация внешней торговли привела к столь сильному росту импорта, что, несмотря на увеличение экспорта, баланс внешней торговли оказался пассивным. При этом ввозимые товары предназначались не только для удовлетворения растущего потребления, – они были также необходимы в качестве сырья для изготовления продуктов, которые впоследствии можно было бы снова экспортировать. Этот процесс требовал времени и – крепких нервов. К затруднениям, связанным с безработицей, присоединились, таким образом, заботы, вызванные пассивным балансом нашей внешней торговли. Чисто коммерческая (в узком смысле слова) внешняя торговля в 1949 году закончилась пассивным сальдо в размере 158 миллионов долларов, а в 1950 году в размере 243 миллионов долларов; общий же внешне-торговый баланс показал пассив: в 1949 году 1,114 миллиардов долларов, а в 1950 году – 0,723 миллиарда долларов.

Усиленное предоставление кредитов – универсальное средство от всех бед?

При таком положении вещей министр хозяйства не мог дольше оставаться бездейственным наблюдателем. Мой диагноз был – внутреннее хозяйство стеснено и испытывает затруднения, наличные средства производства не использованы оптимальным образом. Правда, индекс промышленной продукции возрос с 75,2 в декабре 1948 года до 96,1 в декабре 1949 года (1936 = 100). Принимая во внимание безработицу, можно было думать, что положение внутреннего хозяйства требовало широкого размаха кредитной политики, которой должны были сопутствовать другие мероприятия, направленные на расширение производства. Действительно, повсюду раздавалась критика моей экономической политики, якобы направленной на борьбу с обесценением денег, все требовали расширения кредитов. Но при этом обнаружилось с предельной ясностью, что эти критики все меньше думали о сохранении стабильности валюты.

Скоро, таким образом, возник единый хор критиков, который охватывал круги, начиная от политической оппозиции и кончая западными союзниками, которые в бесчисленных меморандумах также пытались показать преимущество полной занятости перед сохранением стабильности нашей валюты. Этот спор возник в середине декабря 1949 г. и продолжался несколько недель. Поводом для этого спора послужил меморандум федерального правительства, в котором намечались основы дальнейшего развития плана Маршалла.

Сторонники английского тезиса о полной занятости, основанного на идеологии национализированного хозяйства, и приверженцы «дешевых денег» и «политики лишений» заключили неожиданный союз с американскими чиновниками Верховной Комиссии, которые, будучи встревожены тем, что импорт значительно превышал экспорт, озабоченно задумывались о приближавшемся конце помощи по плану Маршалла. Таким образом, почти все силы пошли в атаку на немецкое рыночное хозяйство. При этом они забывали, что мы можем достаточным образом укрепить наше положение на мировом рынке только при условии повышения производительности и путем свободной конкуренции при одновременном обеспечении стабильности валюты. Только при таких условиях могли быть созданы основы для обеспечения снабжения значительно возросшего населения Западной Германии.

Я решительно выступил против принудительного и искусственного расширения объема

производства. При этом я должен был примириться с тем, что меня будут обвинять в бездействии – это было тем более забавно, что до сих пор меня постоянно упрекали в чрезмерной активности. Однако для меня не могло быть сомнения в том, что легкомысленная политика роста производства в дальнейшем поставила бы под угрозу не только завоеванную нами устойчивость валюты, но и возможность выравнить наш платежный баланс. Мы, таким образом, поступили бы нечестно уже в самом начале того пути, который должен был привести нас к цели – стать честным партнером в мировой торговле. Учитывая всю жизненную важность нашей внешней торговли, нужно было во что бы то ни стало предотвратить такую беду.

Из моих речей того времени явствует, в какой сильной мере я сознательно стремился ориентировать нашу экономику на экспорт. Это было время перед корейским конфликтом. Как один из многочисленных примеров, я приведу то, что мною было сказано на годовом собрании Союза немецких судовых верфей 20 сентября 1950 года:

«Политика внешней торговли, которой мы следуем примерно уже три четверти года, невзирая на частую критику и различные опасения, руководствуется убеждением, что мы не можем выполнить стоящую перед нами народнохозяйственную задачу – иными словами, не можем обеспечить работой и снабжением население, которое по сравнению с довоенным временем возросло на 12 миллионов, но задохнемся в нашем узком пространстве, если мы не обеспечим себя воздухом за счет внешней торговли...

Мы особенно не имеем права добиваться мнимых успехов таким способом, чтобы через растущее обесценение нашей валюты, которую тем временем нам удалось снова укрепить, выйти на путь инфляционных тенденций: это означало бы еще раз незаметным образом опорожнить карманы вкладчиков и лишит их честно ими заработанных денег. Это был бы, действительно, наиболее омерзительный метод, который можно себе представить».

Оставляя без внимания все несерьезные советы, мы старательно дозировали активность западногерманской экономической политики, чтобы ограничить вред массовой безработицы, не подвергая опасности достигнутые успехи, в особенности обеспечение внутренней ценности нашей валюты и ставшее благодаря ему возможным возвращение Германии на мировой рынок. В эти трудные дни необходимо было сохранять мужество и не делать всего того, что рекомендовали мне подлинные и мнимые друзья. Мне приходилось даже прибегать к «военным хитростям», чтобы противостоять слишком сильному политическому давлению, требовавшему применения опасных и бьющих далеко мимо цели мероприятий.

Средства против спада

Я стремился не уклоняться, таким образом, от того узкого пути, который ведет между дефляцией и инфляцией. Перечень тех случаев, когда министерство народного хозяйства и эмиссионный банк оказывали действенную поддержку предприятиям, показывает, что современное рыночное хозяйство вполне способно действительно противостоять тенденциям спада, не подвергая опасности стабильность валюты.

Мероприятия, которые мы тогда проводили и которые были вызваны политико-экономическим положением страны, были, таким образом, старательно продуманы. В конце марта 1949 года Банк немецких земель (государственный банк) отказался от суровой кредитной политики, согласно которой кредиты могли предоставляться только в том же размере, что и в конце октября 1948 года. С 11 июня 1949 года обязательный минимум финансовых резервов был снижен с 15 до 12%, или соответственно с 10 до 9%. 27 мая 1949 года последовало снижение ставки учетного процента на 1/2% и затем 14 июля того же года еще на 1/2%, то есть всего с 5 на 4%. В конце лета 1949 г. банкам была предоставлена специальная дотация в размере 300 миллионов немецких марок; эта сумма должна была быть использована для предоставления долгосрочных кредитов промышленным предприятиям. 1 сентября было повторно проведено снижение обязательного минимума финансовых резервов, а также снижение ставок по срочным и

бессрочным вкладам. Зимой, под влиянием массовой безработицы, мы принуждены были пойти еще дальше в направлении политики расширения производства. Была обещана помощь для финансирования программы по изысканию новых возможностей для применения рабочей силы, а также финансовое вспомоществование жилищному строительству. В итоге на эту особую акцию было предоставлено все же 3,4 миллиарда немецких марок. Краткосрочные кредиты, которые в конце 1948 года достигли 4,7 миллиарда марок, возросли в 1949 году до 5,1 миллиарда марок и увеличились в первом полугодии 1950 года еще на 2,3 миллиарда. Размер сумм, которые банки могли предоставить в качестве средне и долгосрочных кредитов, включая и ссуды Кредитного установления содействия восстановлению, достиг к концу 1949 г., 2,6 миллиарда; за первое полугодие 1950 года эта сумма увеличилась еще на 2 миллиарда.

В апреле 1950 года федеральное правительство приняло решение провести снижение налогов и допустить возвратную выплату уже уплаченных по завышенным налоговым ставкам сумм. Это была одна из мер, которые должны были способствовать усилению потребления и облегчению экономических затруднений. Отметим одно противоречие: в «войне меморандумов» западные союзники критиковали немецкую бездейственность, однако на проведение реформы налоговой системы они первоначально отказались дать свое разрешение. В этой связи уместно вспомнить, сколько энергии было потрачено на споры с союзниками – независимо от того, шла ли речь о размере производства стали, или о разумной политике демонтажа и разукрупнения предприятий, или об использовании так называемых компенсационных средств, или о наиболее целесообразных методах по ликвидации нехватки долларов, или, наконец, о том, как проводить дальнейшую ликвидацию направляемого хозяйства. Едва ли нужно еще указывать на то, что эта фаза в развитии «рынка покупателей» пришлось мне весьма кстати, – я смог ликвидировать ставшие нереальными остатки мероприятий и предписаний, касающихся направляемого хозяйства и регулирования цен.

Оценивая положение за истекший год, я заявил в выступлении по Баварскому радио 27 декабря 1949 года:

«Отходящий в прошлое 1949 год прошел под знаком укреплявшегося хозяйства, которое, однако, одновременно еще набирало силы и расширялось. Я поручился, и именно в истекшем году, что таким путем нам удастся успешно справиться также и с социальной проблемой. И никто не сможет сейчас отрицать, что реальная покупательная способность, а следовательно, и жизненный уровень немецкого народа не переставали улучшаться, и что это было достигнуто частично благодаря увеличению номинальных доходов, но главным образом путем постоянного улучшения качества предлагаемых товаров при одновременном снижении иен»

В корейском конфликте не было нужды...

Ликвидацию тех трудностей, которые мы преодолевали путем осторожного взвешивания применяемых мер, нельзя приписать исключительно вызванному событиями в Корее бурному оживлению. Утверждать противное означало бы извращать исторические факты. Неуступчивость по отношению ко всем требованиям отказаться от борьбы за устойчивость валюты уже до этого дала положительные результаты. Индекс производства поднялся с 90,9 в январе 1950 г. до 107,6 в июне того же года, причем это почти двадцатипроцентное увеличение было гораздо более значительным, чем соответственное повышение в те же месяцы предыдущего года.

В самой Германии продолжалось снижение цен и соответственно этому расширялся рынок покупателей, что делало экспорт вдвойне привлекательным. Экспорт в соответствии с этим вырос с 485,5 миллионов немецких марок в декабре 1949 г. до 651,9 миллионов в июне 1950 г. За эти шесть месяцев превышение импорта над экспортом сократилось с 532,7 миллионов в январе 1950 г. до всего лишь 138,6 миллионов марок в июне того же года. За это

полугодие число безработных сократилось на 360.000 человек; число работающих увеличилось еще сильнее.

Сегодня мы располагаем всеми статистическими данными и знаем: для дальнейшего подъема германской экономики или для того, чтобы темпы этого подъема были ускорены – для этого в корейском конфликте не было нужды. Правильнее будет противоположная оценка – «бум» корейского конфликта принес германской экономической политике больше трудностей, чем полезных стимулов.

Достаточно представить себе, сколь благоприятный для потребителя период оказался прерванным: в сентябре 1950 г. т. е. к тому времени, когда стало сказываться связанное с корейскими событиями повышение цен, индекс цен на жизненно необходимые товары значительно снизился – с 168 в январе 1949 г. до 148, в то время как ставки зарплаты сохраняли тенденцию к повышению (1938 год равен 100). К тому моменту, когда в связи с началом корейского конфликта мир был охвачен чувством страха, самым сильным за весь период после 1939 г., германская экономика как раз успела создать предпосылки для своего дальнейшего развития. Здоровое и естественное развитие было, таким образом, самым чувствительным образом нарушено.

Глава III. Последствия корейского кризиса и их преодоление

Война в Корее вызвала беспокойство и ощущение неуверенности, что повлекло за собой значительное увеличение спроса. Надежды на то, что потребитель будет спокойно реагировать на создавшееся положение, оказались обманчивыми. Но следует отметить и тот положительный факт, что со времени денежной реформы были сделаны довольно большие капиталовложения; правда большая часть этих капиталовложений, вследствие отсутствия достаточного рынка капиталов, оплачивалась по завышенным наценкам. Такую практику можно весьма по-разному оценивать, в зависимости от того, подходить ли к ней с точки зрения морали или руководствоваться только интересами разумно ведущегося народного хозяйства. Все же не следует забывать, что за первые пять месяцев корейского конфликта увеличение спроса повлекло за собой и увеличение продукции, определяющееся изменением индекса с 107,6 в июне до 133,3 в ноябре 1950 года. Одновременно, однако, повысился и индекс цен на промышленное сырье (1938 = 100) с 218 до 265, а индекс фабричных цен на готовые товары со 178 до 195. Несмотря на такую тенденцию бурного подъема, рост цен у нас, благодаря поразительной эластичности производства, был все же более слабым, чем в других западноевропейских странах.

К сожалению, не удалось избежать того, что и потребителю пришлось почувствовать это повышение. Индекс стоимости жизни упорно повышался с низшей точки (148) в сентябре 1950 г., до 151 в конце 1950 года и даже до 170 в конце 1951 года (1938 = 100, по потребительской схеме 1949 года). В этих изменениях индексов ясно отражаются как повышение цен на мировом рынке, так и состояние нервной напряженности потребителя и покупателя.

Лишь немногие были склонны верить тому, что «свобода потребления», которая для меня является одной из самых существенных основных человеческих свобод, сможет пережить этот кризис. В своем выступлении 6 февраля 1952 года в Цюрихе, оглядываясь на прошедшее время, я отмечал:

«Естественно и понятно, что такое событие, как война в Корее, особенно чувствительно отразилось на немецком народе, испытавшем на себе столько инфляции. Иначе говоря, все как-то заколебались и несколько вышли из равновесия. Одни стремились запастись сырьем по любой цене и любыми путями, что вполне понятно в такой бедной сырьем стране, как Германия. С другой стороны нужно было считаться с наученным горьким опытом потребителем, который был обеспокоен тем, будет ли вообще завтра достаточно товаров для удовлетворения насущных нужд, и опасался того, что, может быть, опять придется вернуться к системе планового хозяйства или карточной системе нормированного снабжения товарами.

Немецкий потребитель был поэтому готов скорее заплатить сегодня высокую цену за плохой товар, чем остаться завтра вообще без ничего. И все это происходило в такой обстановке, которая в области денежной и валютной политики предоставляла довольно ограниченные возможности для маневрирования».

Взвинченная атмосфера в Бонне

Действительно, в то время в Германии царило напряженное нервное оживление. Во многих отношениях обстановка напоминала конец 1948 года. Противники рыночного хозяйства блокировались с вечно колеблющимися и выжидающими кругами. Даже разбирающиеся в вопросах экономики люди считали, что возврат к принудительному хозяйству неизбежен. Не вызывало, конечно, удивления, что оппозиция – Социал-демократическая партия Германии – предпринимала все возможное лишь бы устранить нежелательную ей хозяйственную политику. Но и в среде собственного правительства и коалиции политика рыночного хозяйства встречала лишь частичную поддержку; сплошь и рядом приходилось бороться даже со скрытым и явным противодействием, что представляло собой уже явление чрезвычайно тревожное, а также и опасное для дальнейшего здорового развития хозяйства.

В 1951 году правительственный и коалиционный лагерь представлял собой картину удручающего отсутствия единства с проистекающей из этого неспособностью проводить необходимые мероприятия. И только присущая социальному рыночному хозяйству внутренняя сила спасла эту систему свободного хозяйствования и пронесла ее через все тогдашние невзгоды. Нет надобности напоминать читателю все подробности дискуссии того времени, – это вышло бы за рамки данного описания событий. Все же не следует упускать из виду, насколько эти дискуссии парализовали многие начинания, необоснованно увеличивали многие существовавшие затруднения и затягивали смягчение их.

С какими только представлениями не приходилось бороться в то время министру народного хозяйства? Какие только планы ни обсуждались: желание министерства финансов скопировать английскую систему налога на закупки; предложения назначить специального комиссара по валютным вопросам с целью ограничить в этой области полномочия министра народного хозяйства. Проектировалось создание особого «хозяйственного кабинета» под постоянным руководством доктора Эрнста, а к концу 1951 года возникла даже мысль об учреждении сверхминистерства, в котором министр народного хозяйства был бы лишен возможности проявлять плодотворную активность.

При наличии таких заблуждений и замешательства становилось все труднее и труднее добиваться проведения правильных идей. Так, потерпел крушение мой проект проведения размораживания цен, необходимость которого давно уже назрела для преодоления узких мест в области сырьевого хозяйства. Потребовались многие месяцы для того, чтобы провести в жизнь план вложения капиталов в сырьевую промышленность сначала при помощи «сбережений на восстановление хозяйства», а затем, после ряда изменений, приступить к проведению закона о помощи капиталовложениями; этот закон, в конце концов, был принят парламентом 31 декабря 1951 года. Ко всем этим трудностям следует добавить нападки и вмешательство американских инстанций, сокративших помощь по плану Маршалла; они противодействовали также оказанию Германии надлежаще уместной первоначальной поддержки при основании Европейского платежного союза; они же затягивали ассигнования из «фонда эквивалентов». В то время можно было услышать и весьма странные заявления (например, что немецкая налоговая система является «самой несоциальной в мире»). Следует упомянуть и о том, что представители США упорно добивались введения предписаний, имеющих характер принудительного хозяйственного планирования, чтобы на их основании иметь право на приобретение важных рационированных товаров.

Борьба с международным Управлением по делам Рурской области за важнейший дефицитный товар – «уголь» – не сходила с повестки дня. Доходило до исключительно

резких столкновений с Германским объединением профсоюзов, федеральное руководство которого, после многомесячных препирательств, постановило прекратить сотрудничество во всех инстанциях, занимающихся вопросами экономической политики.

Перечень подобных фактов можно было бы продолжить по желанию; данные такого перечня заполнили бы весь период времени вплоть до начала 1952 года, то есть до того момента, когда необходимость и возможность системы рыночного хозяйства стала очевидной даже для невежд. Два факта особенно ярко характеризуют этот перелом. В конце 1951 года Германии не только больше не угрожала опасность превысить установленный предел кредитования со стороны Европейского платежного союза, а наоборот. Западная Германия впервые становится кредитором Европейского платежного союза. Одновременно наступило и успокоение в области цен.

Эти полные бурных событий недели нашли отражение во всех моих выступлениях [12].

«Вероятно потому, что я считался в Германии с правилами экономической разумности и со здравым смыслом людей, обращенное ко мне требование гласило: теперь – либо твердые цены, либо отставка. Однако я не подал в отставку и не распорядился о введении твердых цен. Конечно, я не мог быть в претензии на то, что мои противники из социалистического лагеря смотрели на вещи через призму своих партийных концепций. Хуже было то, что и добрые друзья были сбиты с толку и считали, что от моей экономической политики не приходится ждать добра для Германии. Я возражал на это советом сохранить хоть немного спокойствия, что в конце концов и оправдало себя».

Сделанный мной краткий обзор событий того времени показывает, как важно было сохранить крепкие нервы. Выше уже отмечалось распространившееся во второй половине 1950 года стремление покупать во что бы то ни стало, которое весной 1951 года привело к «уродливому росту оборота». Так, за 1 год торговый оборот по обуви повысился на 90 процентов. Развитие оборота розничной торговли показывает, каких громадных достижений добилось в то время немецкое хозяйство, в сколь сильной степени оправдала себя одновременно система рыночного хозяйства. Ограничимся лишь одним примером: показатели оборота розничной торговли по одежде и белью возросли следующим образом:

Рост оборота во время вызванного событиями в Корее повышения цен

Первое полугодие 1949 г. = 86	Второе полугодие 1949 г. = 114
Первое полугодие 1950 г. = 109	Второе полугодие 1950 г. = 152
Первое полугодие 1951 г. = 136	Второе полугодие 1951 г. = 157

Ряд факторов благоприятствовал этому обусловленному политическими событиями закупочному психозу. Имевшее место перед возникновением корейского конфликта падение цен побудило как предпринимателя, так и конечного потребителя придерживаться осмотрительной тактики складского хранения и обзаведения запасами. Но затем на мировом рынке обозначился перелом, сопровождавшийся резкими скачками цен. Сопоставление нормального уровня цен до «корейской конъюнктуры» со средними данными за 1951 год дает представление о размерах этого процесса. Несколько примеров повышения оптовых цен на важные товары мировой торговли дает следующая таблица:

Значительные повышения цен на товары мировой торговли

Ртуть, в долл. за бутылку, Нью-Йорк	с 71 до 210,15
Резина, в центах за фунт, Нью-Йорк	с 17,60 до 60,54
Шерсть в центах за фунт, Нью-Йорк	с 130,8 до 220,8
Свинец в фунтах за англ. тонну, Лондон	с 97 до 162,0
Чугун в долл. за англ. тонну, Нью-Йорк	с 49,9 до 57,0
Индекс Рейтера для Соединенного Королевства на предметы потребления	с 465,3 до 605,9

(18.9.1931 = 100)	
Индекс Муди, США (массовые товары) (31.12.1931 = 100)	с 346 до 488,6
Индекс «Фольксвирта» на мировые товары (1936 = 100)	с 225 до 312,9

По данным Берлинского Банка, февраль 1956 года.

В процессе этого оживленного конъюнктурного подъема пределы производственной мощности находившейся еще в стадии своего восстановления западногерманской промышленности были скоро достигнуты в отдельных ее отраслях, и – что важнее – явственно обнаружены. Значительную роль в этом процессе сыграло и то, что прекратилось хранение населением наличных денег, накопленных из различных побуждений и разными путями и притом, возможно, что чуть ли не со времен валютной реформы. Ко всему этому прибавилось новое осложнение, а именно: мероприятия для оживления хозяйства, проведение которых так настоятельно требовалось всего лишь несколько месяцев тому назад, начали сказываться как раз в это время, т. е. в самый неподходящий момент. Также и закон об изменении подоходного налога от 23 апреля 1950 года (в конце концов все же одобренный союзниками), принесший в общем желательное снижение налогов, был разработан и принят, исходя из совершенно иной хозяйственно-политической перспективы. В довершение всего оказалось, что потребитель, под влиянием «закупочного психоза», стал в своем стремлении обзаводиться запасами черпать для этого средства не только из обычно расходуемой на закупки части своего дохода, но также и из той части его, которая в предыдущие годы служила ему для пополнения своих сбережений. Теперь и эта часть дохода почти полностью пошла на приобретение товаров широкого потребления. В течение нескольких месяцев почти полностью прекратился рост вкладов по сбережениям.

Узкие места в результате роста производства

Показатели производства отражают это лихорадочное развитие: общий индекс промышленного производства (1936 = 100) возрос с 107,6 (в июне 1950 года) в течение одного года до 130,9 и даже достиг 147,8 (кульминационная точка в ноябре 1951 года). Этот «корейский» конъюнктурный подъем оказался особенно выгодным для отраслей, производящих средства производства, индекс которых поднялся за указанный период времени со 108,4 до 164,1. На секторе товаров широкого потребления в первой половине 1950 года сильно отразилась общая пассивность покупателей; можно, пожалуй, сказать, что тут царил полный застой. Индекс по этому производству, затем все же показал резкое повышение – с 101,9 до 148,4 (за период июнь 1950 – ноябрь 1951).

Неизбежным и естественным следствием такого бурного развития было появление узких мест, которые способствовали еще большему увеличению общего нервного напряжения и к тому же и материально оказывали непосредственно тормозящее влияние. Эти узкие места были особенно ощутимы там, где быстрому увеличению производственной мощности были поставлены пределы естественного или структурного характера.

После развала 1945 года удалось, правда, в результате различных усилий и мероприятий, значительно повысить западногерманскую добычу каменного угля. В то время как общий промышленный индекс к моменту денежной реформы достиг 51 процента индекса 1936 года, добыча угля, благодаря упомянутым поощрительным мероприятиям, могла уже показать 76,4 процента. Но уже в июне 1950 года угольная промышленность значительно отстала от общего развития производства. Несмотря на то, что к концу 1950 года все же удалось добиться дальнейшего подъема на 15 процентов, угольная промышленность продолжала все больше отставать из-за столь отличных от других отраслей промышленности условий, в которых она развивалась. То же самое можно сказать и о секторе чугуна и стали.

Но было ли это действительно следствием недостатков рыночного хозяйства? Имелись

ли, по этой причине основания отказаться от нашей системы свободного хозяйствования? В газете «Хандельсблатт» от 31 декабря 1951 года я пытался дать ясный ответ на этот вопрос:

«На рыночное хозяйство, при перечислении имеющихся недостатков, пытаются взвалить как раз те грехи, которые следует отнести за счет уцелевших еще остатков планового и принудительного хозяйствования, от которых рыночное хозяйство вынужденным образом еще не могло до сих пор отделаться. Идет много горячих споров об узких местах в сырьевой промышленности, но в то же время старательно замалчивается тот факт, что именно в этих отраслях бюрократия справляла настоящую вакханалию, и что там были полностью выключены функции рынка, в особенности свободное образование цен».

Естественно, что наличие узких мест не позволяло сидеть сложа руки. Выше уже отмечалось, что разного рода противодействия помешали осуществить основательное и органическое урегулирование проблемы цен. Но, прежде всего, следует отметить многочисленные препятствия, стоявшие на пути при выработке закона о помощи капиталовложениями от 7 января 1952 года, принятого после длившихся многие месяцы прений в парламенте 13 декабря 1951 года (12 июля того же года обсуждение этого закона в парламенте дало повод к ожесточенным прениям, когда на отказ парламента принять этот закон до летних каникул федеральный канцлер ответил угрозой отсрочки парламентских каникул). Хотя этот закон о помощи капиталовложениями и подвергался впоследствии многим нападкам, все же он представлял собой достойную внимания попытку преодолеть возникшие трудности путем применения принципа самопомощи в хозяйстве, и в истории экономики он в свое время найдет более справедливую оценку и признание. В результате применения этого закона находившееся в затруднительном положении сырьевое хозяйство получило не только кредит в размере 1 миллиарда нем. марок, из которого было уделено

296 млн. нем. мар. черной металлургии

228 млн. нем. мар. угольной промышленности

242 млн. нем. мар. энергетике

77 млн. нем. мар. водному хозяйству

50 млн. нем. мар. федеральным железным дорогам

Эта помощь позволила также выполнить план капиталовложений в общей сложности в размере 4,745 млрд. нем. марок. К кредитам по закону о помощи капиталовложениями добавились собственные средства предприятий в размере 2,227 млрд. нем. марок и 1,518 млрд. нем. марок прочих кредитов.

Торговый баланс вновь становится пассивным

Тенденция роста цен на мировом рынке и неизбежная необходимость удовлетворить растущий спрос повлекли за собой значительное увеличение импорта; этому способствовала также новая значительная либерализация торговли со странами ОЕЭС (с 1 сентября 1950 года на 60 процентов). Заметным образом при этом быстро ухудшался торговый баланс. Во второй половине 1950 года пассив достиг 535 млн. нем. марок. С платежным балансом дело обстояло еще хуже. Уже после 4 месяцев со дня образования Европейского платежного союза кредитная квота Германии в размере 320 млн. долларов была исчерпана.

Следует, однако, отметить, что этот рост импорта вполне отвечал интересам защиты рыночного хозяйства, т. к. в данных условиях было как раз необходимо как можно сильнее расширить предложение товаров. Поэтому позволительно употребить следующую формулировку: борьба против сторонников планового хозяйства в Германии, то есть против тех, кто снова хотел выбросить за борт свободу хозяйствования, стала одновременно борьбой с Европейским платежным союзом, причем имелось ввиду, что можно на время примириться с дефицитом в германской внешней торговле, в уверенности, что за этим наступит органическое оздоровление.

Из мероприятий, которые мое министерство в это время провело или поддержало, следует в первую очередь отметить те, которые преследовали цель снизить импорт до

политически допустимых размеров. Было разработано положение о лицензиях (разрешениях на ввоз). Прежде всего было установлено требование депонировать наличными деньгами в нем. марках сумму в размере 50% эквивалента иностранной валюты, затребованной для импортных операций. Право на выдачу импортных лицензий было изъято из компетенции частных банков внешней торговли и передано центральным банкам земель. 21 февраля 1951 года пришлось даже прибегнуть к временной отмене либерализации импорта из стран Европейского платежного союза – после того, как обострение корейского конфликта вызвало в начале 1951 года новую значительную волну спроса. Наряду с этим были проведены денежные мероприятия, как, например, повышение минимального резервного фонда 1 октября 1950 года в среднем на 50%. Одновременно право переучета векселей, принятых банками к платежу, было ограничено и предоставлено лишь определенным учреждениям (31 октября 1950 года); учетная ставка для векселей была повышена с 4 до 6%, а процентная ставка по закладам – с 5 до 7% (27 октября 1950 года), – между прочим, в то время это было проведено вопреки противоположной точке зрения чисто политических правительственных инстанций. 1 ноября 1950 года центральным банкам земель было предложено сократить на 10% учетные кредиты, предоставленные ими коммерческим банкам.

Все же положение с валютой продолжало пока что оставаться критическим. Представленный Европейским платежным союзом специальный кредит в размере 120 млн. долларов также не смог сразу же выправить положение с невыравненным платежным балансом. После отмены либерализации удалось, правда, устранить опасность внезапно наступающих балансовых затруднений; однако, это было сделано ценой резкого ограничения импорта, проведенного административным порядком. В течение этих критических месяцев Банк немецких земель, в полном единодушии с министром народного хозяйства, все же продолжал придерживаться своей прежней политики ограничительных мер.

В начале 1951 года были установлены еще более строгие директивы для кредитных операций; в январе 1951 года всем коммерческим банкам было предложено избегать в дальнейшем какого бы то ни было расширения объема краткосрочных кредитов, а 28 февраля 1951 года последовало предписание сократить объем краткосрочных кредитов приблизительно на 1 млрд. нем. марок.

Параллельно с этими мероприятиями проводились и другие начинания. В федеральном министерстве народного хозяйства была создана специальная комиссия по вопросам сырья. Генеральный директор Отто А. Фридрих принял на себя обязанности советника по вопросам сырья при федеральном правительстве, а несколько позже и руководство федеральным бюро по вопросам товарного обращения. В начале 1951 года был издан так называемый закон об охране хозяйства, предоставляющий правительству возможность вмешиваться в дела производства и дальнейшее обращение товаров. Случаи такого вмешательства, последовавшие на основании данного закона, имели место, правда, в пределах очень скромных рамок; они сводились, главным образом, к статистическому учету в области сырьевого хозяйства, как, например, в металлообрабатывающей промышленности, в области снабжения металлическим ломом и в строительном секторе.

Эти мероприятия были проведены, главным образом, под давлением и по настоянию американцев, которые соглашались предоставить сырье лишь при условии, что правительство ГФР будет располагать соответствующими полномочиями. Должен, однако, сознаться, что я лично никогда особенно не принимал всерьез эти предписания, да и вообще не особенно высоко расценивал их народнохозяйственное значение.

Возможно ли вооружение и без инфляции?

Война в Корее представляет собой важную дату в том смысле, что она впервые дала повод к возникновению идеи снова вооружить Германию. Поучительно восстановить в памяти первые реакции на это. С самого начала я считал своим основным долгом предостеречь от искушения избрать путь инфляции. Этим я сразу же выступил против

широко распространенного мнения о том, что все связанное с вооружением автоматически означает инфляцию. 15 сентября 1950 года я заявил:

«Возможно, что это приведет к необходимости установления некоторых мер направляющего характера, которые, однако, не должны никоим образом мешать или даже угрожать системе рыночного хозяйства. Большая опасность, которая может возникнуть и появление которой я предвижу почти с уверенностью, грозит с другой стороны. Если для участия Западной Германии в деле обороны Европы наше государство будет вынуждено произвести крупные расходы, то иные лица, а также некоторые партии, будут считать, что эти расходы нельзя будет, покрыть из государственного бюджета, но понадобится в той или иной степени мобилизовать кредит эмиссионного банка. Правда, не будет предложено в точности подражать системе „Мефовекселя“ или бесконечных отсрочек платежей по государственным облигациям, но по сути дела все манипуляции такого рода означают одно и то же, а именно – становление на путь инфляции».

В кульминационный момент «корейского» конъюнктурного подъема, состоявшийся в то время партийный съезд Христианско-демократического союза в Госларе (22 октября 1950 года) дал мне повод выступить и высказаться без обиняков о проблемах тех дней. Это было в то время, когда международная общественность уже начинала склоняться к тому, что следует примириться с банкротством Западной Германии. Так, тогдашний председатель Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), нидерландский министр иностранных дел д-р Штрикер, заявил: Европа считается с наступлением «банкротства Западной Германии». Германское федеральное правительство, в результате своей «несчитающейся ни с чем импортной политики, израсходовало в течение четырех месяцев» предоставленный ему Европейским платежным союзом кредит в 320 миллионов долларов. Будущее Западной Германии поэтому-де весьма сомнительно; а наступление инфляции, как это было после Первой мировой войны, следует, по его мнению, ожидать со дня на день.

В этом вопросе внутригерманская оппозиция как бы сливалась с иностранной критикой – одни, надеясь на мою отставку, а другие, – предвидя банкротство. Моя точка зрения, высказанная на партийном съезде Христианско-демократического союза, была такова:

«Экономика и хозяйственный прогресс не знают абсолютных шаблонов. Поэтому представляется совершенно ошибочным выдвинутое недавно с социалистической стороны требование, согласно которому на каждое повышение цен следует ответить соответственным увеличением заработной платы. Мы, правда, придерживаемся того мнения, что при повышающейся производительности понижение цен может одновременно сочетаться с увеличением заработной платы и даже должно сочетаться с таковым, чтобы реализовать сущность социального рыночного хозяйства. Защита рыночного хозяйства – высшая заповедь. И не из догматических соображений, а ради немецкого народа. Руководствуясь этим, федеральное правительство провело обширную программу ввоза, обеспечившую на ближайшие 3-4 месяца снабжение продовольственными продуктами и сырьем, которые необходимы для сохранения занятости и уровня производства и для обеспечения народа продовольствием. Федеральное правительство отдавало себе отчет в том, что для осуществления этой программы оно должно использовать все находящиеся в его распоряжении средства. Но только смелая политика могла обеспечить успех в таком положении».

Успокоение вместо кризиса

Только в сознании правильности рыночного хозяйства можно было отважиться на подобные высказывания в момент, когда цены поднимались изо дня в день, когда внешнеторговый баланс становился все более неблагоприятным. Правда, прошли еще месяцы, пока не наступил перелом, зато тем основательнее проходил процесс оздоровления.

В 1950 году внешнеторговое сальдо было пассивным и достигало в среднем

ежемесячно 250 млн. н. м. Еще в первом квартале 1951 года не было чувствительного улучшения, но во втором квартале наступил перелом и сальдо стало активным, дойдя почти до 3 50 млн н. м. Это было поворотным моментом, после которого началась фаза постоянного положительного баланса во внешней торговле.

Таким образом, 1950 год был, пожалуй, периодом наибольшей напряженности в молодой истории рыночного хозяйства. В последующие месяцы 1951 года перелом в сторону успешного преодоления трудностей обозначился еще отчетливей. Знаатоки народного хозяйства понимали, что мы вышли из полосы затруднений. Тем не менее споры о рыночном хозяйстве и нападки на федерального министра хозяйства достигли апогея именно в 1951 году. В то время можно было услышать в Бонне, что в отношении экономической политики и ее руководителя не обойтись без «хирургической операции»!

Окончание корейского «бума» принесло в этом году первый ответ на важный вопрос – являются ли взлеты и падение конъюнктуры неизбежными или современное рыночное хозяйство может преодолеть этот цикл.

Предложение и спрос во многих отраслях стали успешнее выравниваться, и это не привело к приостановке экономического прогресса. Начавшийся повсюду осенью 1950 года рост цен заметно спал во второй половине 1951 года. Сначала упали цены на сырье, позже – в начале 1952 года – наметилось понижение также в области общей стоимости жизни. Так, например, индекс цен на одежду с мая 1951 года до конца года упал с 212 до 205 (1938 год = 100).

Этот перелом проявился, наконец, и в секторе продукции. Во второй половине 1950 года промышленность товаров широкого потребления должна была увеличить продукцию на 40%. Обычный сезонный спад продукции в декабре оказался в то же время и переломом. Индекс упал с высшей точки в ноябре 1950 года – 141,0 до 112,6 в июле 1951 года. Но продукция была все же на 15% выше, в сравнении с тем же периодом предыдущего года. Таким образом, ни о каком кризисе не могло быть речи; разве что считать нормальным истерический ажиотаж периода «корейской» конъюнктуры.

Поводов к беспокойству не было и потому, что уже к концу 1951 года мощное оживление довело индекс продукции до 150, превысив все прежние рекорды. Последовали месяцы легкого спада конъюнктуры, до середины 1952 года. Но цифры подтверждают, – в противовес к распространенному в те дни мнению, – что корейский «бум» в области товаров широкого потребления закончился к началу 1951 года.

В этот период наметилась и новая интересная тенденция нашего хозяйственного развития. До конца 1950 года производственное оживление в секторе средств производства и в секторе товаров широкого потребления проходило с поразительным параллелизмом. Впоследствии в этом направлении обнаружились значительные изменения. В секторе средств производства капиталовложения не прекращались. В этом секторе индекс поднялся с 141,3 в ноябре 1950 года до 164,1 в ноябре следующего года и продолжал возрастать почти без перерыва еще и в 1952 году. В результате этого развития продукция превысила здесь на 30 пунктов выработку в промышленности товаров широкого потребления.

Это неравномерное развитие определяло – с коротким перерывом в конце 1953 года – положение и в следующие годы. Как мало были обоснованы опасения кризиса, показывают лучше всего общие цифры продукции. Индекс общей промышленной продукции показал в этот период следующее движение:

Индекс всей промышленной продукции (1936 = 100)

	9
19	9
50	,
1-	7
е	

по лу го д ие	
19 50 2- е по лу го д ие	1 2 1 , 7
19 51 1- е по лу го д ие	1 2 7 , 7

В то время, как в секторе товаров широкого потребления, как уже упоминалось, «корейская» конъюнктура спала к концу 1950 года, избыточный объем заказов в секторе средств производства долго еще не уменьшался. Это привело к тому, что «узкие места» в

снабжении углем и сталью не исчезли. Следует отметить это как историческую дату, что с тех пор, в результате этих переменявшихся структурных отношений, импорт угля из США стал насущной проблемой и приобретал все большее значение.

Узкое место в снабжении углем обнаруживалось все яснее вследствие традиционных экспортных обязательств Западной Германии, но также и в результате особенно упрямой позиции, занятой международным Управлением угольной промышленности Рура. Ввоз угля (каменного, бурого, антрацита, кокса, брикетов) возрос с 5,3 млн. тонн в 1950 году до 10,4 млн. тонн в следующем году. Это привело к тому, что за тот же период активное сальдо вывоза снизилось с 20,1 млн. тонн на 14,4 млн. тонн. Эволюция видна из следующей таблицы:

Внешняя торговля углем

В	1
м	9
лн	4
.	9
то	
н	
н	
В	2
ы	2
во	,
з	4
В	5
во	,
з	4
П	1
ре	7
в	,
ы	0
ш	
ен	
ие	
в	
ы	
во	
за	
на	
д	
вв	
оз	
о	
м	

(Источник: Федеральное бюро по делам промышленного хозяйства, отделение в Эссене)

Оживленная хозяйственная деятельность этого периода нашла свое отражение в изменениях числа безработных, вернее числа занятых в производстве. Средний годовой уровень занятости поднялся с 13,83 млн. в 1950 году до 14,56 млн. в 1951 году и до 15,0 млн. в 1952 году. Этот прирост в 1,2 млн. за кратчайший срок свидетельствует о хозяйственном подъеме лучше, чем статистические данные о безработице, ибо число безработных

постоянно пополнялось притоком новых лиц, ищущих работы ¹, что представляло – если оставить в стороне возникающие в связи с этим временные затруднения – необычайное обогащение западногерманских производственных возможностей. Как раз в последующие годы высокой конъюнктуры выяснилось, что мои стремления к постоянной экспансии без этой помощи не могли бы быть реализованы в той мере, как это удалось осуществить на деле. За три года, с 1950 по 1952 год, число безработных уменьшилось с 1,58 до 1,38 миллионов.

Возврат к либерализации

Несмотря на заметное охлаждение конъюнктурного климата, ограничительные валютные и кредитные мероприятия оставались пока еще в силе. Оснований для перемены направления в сторону более экспансивной экономической политики не было, поскольку в тенденции повышения цен еще не чувствовалось значительного послабления. Во всяком случае, падение цен в отдельных отраслях не могло в достаточной мере нейтрализовать рост цен периода высокой конъюнктуры.

Вот некоторые экономические мероприятия того времени:

1. В финансовой политике в конце июня 1951 года, в качестве тормозящей меры, были повышены налог на оборот и налог на корпорации (акционерные общества и т. п.), отменены важные льготы в подоходном налоге. В результате, одно только изменение закона о подоходном налоге означало для хозяйства дополнительную нагрузку в размере около 1 млрд. н. м.

2. В валютно-денежной политике было сначала проведено только умеренное смягчение постановлений о верхнем пределе для кредитов. Только в октябре 1951 года последовали решительные облегчения. Обязанность депонировать при ввозе 50% суммы наличными, которая в конце декабря 1950 года была сокращена до 25%, теряла все больше свое значение на практике и была к концу 1951 года совершенно отменена.

3. Но наибольшее значение имело постепенное восстановление либерализации ввоза из стран, входящих в Организацию европейского экономического сотрудничества в январе 1952 года. Первый список (от января 1952 года) товаров, с которых были сняты ограничения, охватывал 57% всего ввоза из стран, входящих в ОЕЭС (исходя из ввоза в 1949 году); уже с 1 апреля 1952 года список был расширен и охватывал 77% ввозимых товаров.

4. Минимальные резервные фонды банков впервые были 29 мая 1952 года снова снижены на 1%, а впоследствии снижены еще больше. Банк немецких земель все больше совершенствовал в этот период свои методы кредитной политики. Так, например, были введены квоты переучета для отдельных банков, более подробно разработаны директивы кредитной политики, чтобы начать с осени 1951 года операции на открытом рынке.

В ходе этой сложной и очень динамичной перестройки, наряду с развитием производительности и оборота, осуществлялось значительное повышение заработной платы. 1951 год – так же, как и 1949 год – ознаменовался сильным повышением номинальной заработной платы.

Валовой часовой заработок промышленных рабочих поднялся в этом году на 14,8%, валовой еженедельный заработок – на 13,3%. Но, в противоположность к 1949 году, повышение заработной платы в 1951 году частично уравновешивалось дороговизной; таким образом, реальная заработная плата повысилась на самом деле только на 5,4%, тогда как в 1949 году повышение достигло 20,5%. Сравнение этих цифр наглядно подтверждает, что повышение заработной платы, выходящее за пределы роста производительности, бессмысленно и вредно, и что как раз широкие массы потребителей должны быть заинтересованы в сохранении стабильности цен.

¹ Прим. переводчика: автор имеет в виду постоянный приток беженцев из советской зоны Германии.

Идеальная триада

В начале 1952 года рост цен, вызванный корейским «бумом», прекратился. Третья фаза развития социального рыночного хозяйства завершилась – фаза испытания этой экономической системы на годность и прочность. Однако события обнажили также невралгические пункты нашего народного хозяйства. Следующая фаза охватывает 1952, 1953 и, частично, 1954 годы. Она, в свою очередь, сменилась периодом высокой конъюнктуры.

Чем же характерна четвертая фаза? В ходе ее удалось осуществить тройное сочетание, которое должно было бы стать идеалом каждого, вполне современного в своих взглядах, сторонника рыночного хозяйства: при растущей производительности и продукции, и повышающейся в связи с этим номинальной заработной плате, цены стабилизируются или же падают, что ведет к повышению благосостояния всех. Можно даже по справедливости предположить, что социальная гармония этой счастливой триады, этого трезвучия, определила в значительной мере удачный для партии федерального министра хозяйства исход выборов 6 сентября 1953 года. Я тогда говорил:

«Наша экономическая политика служит потребителю; он один – мерило и арбитр хозяйственной деятельности. Политика социального рыночного хозяйства доказала всему миру, что ее принципы – свободная конкуренция, свободный выбор предметов потребления, как и вообще свобода раскрытия и процветания личности – ведут к лучшим экономическим и социальным успехам, чем любой вид направляемого властями или принудительного хозяйства» [10].

Промышленное производство 1952 и 1953 годов – если не принимать во внимание обычных сезонных колебаний – ознаменовалось непрерывным ростом. После низкого зимнего уровня в феврале 1952 года – 128,6 (1938 год = 100), в ноябре оно достигло апогея – 160,8. Последовавшее сезонное падение в январе 1953 года до 134,0 не могло, однако, прервать динамики роста; в ноябре 1953 года производство достигло уровня в 175,6. 1954 год был затем годом особенно сильного подъема; в ноябре этого года был достигнут уровень производства, почти вдвое превышавший индекс 1936 года и тем самым одновременно и индекс весны 1950 года.

Этот мощный подъем был доказательством не только внутренней силы немецкого хозяйства и динамичной экономической политики, но и неустанной работоспособности всех слоев немецкого народа. Утверждение это тем более оправдано, что расширение объема производства, достигнув уровня вдвое превышающего довоенный, еще не закончилось. Несмотря на всю проблематичность сравнения производительности в международном масштабе, нельзя оспаривать, что темпы развития немецкого хозяйства превысили темпы развития почти всех других стран. Это утверждение остается в силе и в том случае, если за исходную точку взять не первый послевоенный период, когда немецкое хозяйство было совершенно разрушено, а примерно 1950 год. Через довоенный уровень и Западная Германия перешагнула уже в 1950 году. (Индекс 1950 года = 110,9% по отношению к 1936 году).

Сравнение международных данных общего промышленного производства (1950 = 100)

	1938
Германия	100
Франция	70

Ф ед ер ат ив на я Ре сп уб ли ка	
Ф ра н ц ия	8 1
Н ор ве ги я	6 5
К ан ад а	4 8
С Ш А	4 3
В ел ик об ри та н ия и С ев . И рл ан д ия	7 5
Д ан ия	-

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

За этим развитием скрывается характерное для этих двух лет перемещение центра тяжести народнохозяйственной энергии в сторону усиления промышленности товаров

широкого потребления – эволюция, дающая право назвать 1953 год «годом потребителя».

Ранее говорилось уже о том, что в промышленности развитие сектора средств производства и сектора товаров широкого потребления в предыдущие годы осуществлялось на разных путях. В последнем, в июле 1952 года, индекс понизился до 111,5 (в то время, как сектор средств производства показал индекс, равный 155,6). Это беспокоило как потребителей, так и экономистов. Но спад означал и поворот: он был не результатом случайностей, а последствием сознательно направляемых импульсов. Сильный подъем в секторе товаров широкого потребления привел снова к повышению индекса производства до 164,5 в ноябре 1952 года и до 180,4 в ноябре 1953 года. Таким образом, впервые, после долгого периода, был снова достигнут уровень продукции сектора средств производства.

Рост массового дохода

Этот 60-процентный рост производства всего лишь за полтора года в значительной мере явился результатом роста дохода широких народных масс. Повышение жалования чиновникам и служащим проходило наряду с повышением заработной платы рабочим, увеличением пенсий и разных выплат по компенсации убытков и потерь. Малая налоговая реформа от 24 июля 1953 года принесла в дальнейшем уменьшение тарифов на 15%.

При падающих ценах рынок реагирует особенно чувствительно. В этот период, впервые за два десятка лет, удалось осуществить переход к количественной конъюнктуре. Потребительский спрос выражался не только в росте покупок обычных товаров широкого потребления. В основном увеличивался спрос на «долговечные» хозяйственные товары. Стремление к более высокому уровню жизни, выражавшееся, между прочим, и в росте туризма, обретало под собой все более реальную почву.

Каков же был баланс этого «послекорейского периода» для западногерманского населения?

Между концом 1951 и серединой 1954 года число лиц, имеющих постоянную работу, увеличилось почти на два миллиона. Одновременно число безработных снизилось с 1,214 млн. в момент сезонного затишья в октябре 1951 года до 820.000 в октябре 1954 года. Валовая недельная заработная плата промышленных рабочих поднялась с 68,52 н. м. (средняя цифра 1951 года) до 74,00 н. м. в следующем году и до 80,99 н. м. в 1954 году.

В то время, как в результате корейского конфликта индекс стоимости жизни (средняя потребительская группа 1938 года = 100) вырос в 1951 году, в сравнении с предыдущим годом, на 7,7%, впоследствии вновь наступило отрадное успокоение. Правда, в 1952 году индекс поднялся еще на 1,8%, но в 1953 году он снова упал на 1,8%. Но за этими средними цифрами скрывается весьма интересное и дифференцированное развитие. Так, например, индекс цен на одежду с 111 в 1951 году упал до 98 в 1953 году и до 97 в 1954 году.

Выше я упоминал уже о том, что в области капиталовложений в секторе средств производства наметилась сдерживающая тенденция. Это объясняется тем, что желание проводить рационализацию отодвинуло на задний план стремление к наращиванию производственной мощности. Предпринимательская инициатива тормозилась также неустойчивой политической ситуацией, неизвестностью о будущем Европейского объединения угля и стали и Европейского оборонительного сообщества. Зато инвестиционная помощь пришла к сектору средств производства, равно как предыдущий рост цен улучшил возможности самофинансирования добывающей промышленности. Цены на уголь поднялись с 1950 по 1953 год от 32.92 н. м. до 52.08 н. м. за тонну (без транспортных расходов). Цены на полосу сталь – с 227.35 н. м. до 400.62 за тонну.

В этом росте цен отразилась необходимость освободить добывающую промышленность от пут насильственного государственного управления и дать ей возможность устанавливать цены, соответствующие рыночному спросу.

Строительная деятельность 1952-53 годов также значительно способствовала общему

хозяйственному подъему. Это было результатом первого дополнения к закону о строительстве жилых домов, предусматривавшего облегченные возможности финансирования. Количество новых квартир за период 1953-54 годов выросло с 443000 до 518000. Интересно заметить, что в середине 1953 года 10% общего числа рабочих и служащих были заняты в строительной промышленности.

В эти годы строительный сектор в возрастающем объеме справляется с задачей предоставления нормальной жилплощади миллионам беженцев и пострадавших от бомбардировок. Количество построенных квартир поднялось с 215000 в 1949 году до 441000 в 1951 году. С 1953 года квартирный прирост выражается ежегодно в более, чем полумиллионе квартир. За последние три года было отстроено ежегодно 540000 новых квартир. Для сравнения можно упомянуть, что в 1929 году было отстроено 197000 квартир. Финансирование квартирного строительства после 1954 года выражается ежегодно в суммах от 9 до 11 млрд. н. м., при этом около 30% средств поступает от государства, земель, местных самоуправлений и т. п., а 40-50% дает рынок капиталов.

Картина цветущего, растущего хозяйства нашла отражение и в цифрах внешней торговли. В то время, как импортно-экспортный баланс еще в 1949 и 1950 годах казался «неизлечимо» пассивным, достигая суммы в 3 млрд. н. м., пассивное сальдо 1951 года резко упало до 149 млн. н. м. А в 1952 году удался переход к «активному» сальдо, при излишке товарного торгового баланса в 705,9 млн. н. м.

Так началась продолжительная фаза активизации, которая в последние месяцы дала повод к преисполненным озабоченностью дискуссиям «в противоположном направлении». В 1953 году активное сальдо достигло 2,5 млрд. н. м. При этом активизация никоим образом не была результатом торможения импорта. Ввоз даже значительно возрос, – с 11,37 млрд. н. м. в 1950 году до 14,7 млрд. н. м. в 1951 году и до 16,2 млрд. н. м. в 1952 году. Лишь в 1953 году уровень импорта не изменился. В 1954 году он снова возрос до 19,3 и в 1955 до 24,47 млрд. н. м. В 1956 году импорт достиг 27,96 млрд. н. м. Эта ситуация породила проблему, которая становится все более серьезной и которой должны были заняться экономисты: повышение ликвидности в результате этих излишков торгового баланса, этого постоянного активного сальдо. Тот факт, что проявляющаяся здесь столь очевидно проблематика этого вопроса за истекшее время почти не осознана во всем ее значении, следует приписать главным образом нейтрализующему влиянию оставления в бездействии денежных сумм, представляющих собой кассовые излишки государственных и коммунальных учреждений; это изъятие из оборота финансовых излишков представляет собой тезаврирование, которое по своему объему и по своей длительности едва ли имеет примеры в прошлом.

Заблуждения хозяйственников-плановиков

Действие Плана Маршалла, по которому еще на его четвертом году была оказана помощь размером в 106 млн. долларов, закончилось 30 июня 1952 года. Его сменила экономическая помощь MSA², оказавшая нам в последующие два года (т. е. до 30 июня 1954 года) кредит размером в 98,6 млн. долларов. Я уже раньше высказал, что я всегда скептически относился ко всем попыткам предсказать и вычислить будущее и уложить хозяйственный круговорот в рамки твердых планов.

Завершение помощи по Плану Маршалла позволяет оглянуться на исходную планировку, нашедшую свое оформление в так называемом Long-Teian-Plan (План далекого прицела) (ЛТП). В этом ЛТП, игравшем в начале 1949 года значительную роль во всех экономических дискуссиях, были зафиксированы основы экономического и финансового развития до 1952 года. Намеченные, в результате совместной кропотливой работы немецких и американских экономистов, цели воспринимались тогда многими немецкими экспертами, мыслившими в категориях планового хозяйства, как нереальные и недостижимые. Несколько

² Хозяйственный совет. – Прим. перев.

примеров показывают, насколько действительность опровергла этот пессимизм:

1. На 1952/53 годы ЛТП намечал уровень промышленного производства в размере 110% по сравнению с 1936 годом. На самом деле был достигнут уровень в 145,5%.

2. Уровень жизни на 1952/53 годы должен был находиться по плану на 20% ниже уровня 1936 года. В действительности же частное потребление на душу населения в 1936 году равнялось 768 н. м., а в 1952/53 годах – 827 н. м. (в пересчете на цены 1936 года).

3. ЛТП намечал к концу плана Маршалла достижение немецким экспортом размера в 2,818 млрд. долларов. В действительности же экспорт 1952 года = 4,04 и 1953 года = 4,42 млрд. долларов.

4. Типично для условности и относительности подобных планировок и следующее:

Считалось, что всеми средствами нужно добиться повышения добычи угля, ибо от этого зависит рост общего немецкого производства. Поэтому для 1952 и 1953 года ежедневная добыча угля в размере 425000 тонн считалась абсолютно необходимой. Несмотря на то, что намеченные ЛТП цели были значительно превышены во всех отраслях хозяйства, дневная добыча угля осталась все же значительно ниже намеченной цифры, достигнув только 408000 тонн.

Уравновесившееся хозяйственное положение позволило отменить еще ряд принятых во время корейского кризиса ограничений. 29 мая 1952 года высокая учетная ставка в 6% была понижена на 1%. Последовавшие четыре дальнейших понижения привели к тому, что 20 мая 1954 года был достигнут очень низкий для немецких хозяйственных условий уровень в 3%.

Эволюция учетного и ссудного процента

Д ей ст ви те ле н с	
19 48	1
	и н л я
	1
	с е н т я б

	Р
	я
	1
	5
	д
	е
	к
	а
	С
	Р
	я
19	2
49	7
	м
	а
	я
	1
	4
	к
	н
	л
	я
19	2
50	7
	с
	к
	т
	я
	С
	Р
	я
19	2
52	9
	м
	а
	я
	2
	1
	а
	в
	г
	у
	с
	т
	а
19	8

53	я н е а р я
	л л н н я
19 54	2 0 м а я
	л н л я
19 55	4 а е г у с т а
19 56	8 м а р т а
	л с м а я
	6 с е

	Н т я б Р я
19 57	1 1 я н в а Р я
	1 с с е н т я б Р я

В эти месяцы постепенно были понижены также и достигшие во время корейского кризиса высокого уровня ставки для минимальных банковских резервов.

«Прорыв вперед»

В эти годы во что бы то ни стало нужно было показать преимущества «количественной конъюнктуры», популяризировать «прорыв вперед». Приведу в качестве примера выдержку из речи по случаю открытия Технической ярмарки в Ганновере в конце апреля 1953 года:

«Не буду даже касаться болтовни о том, будто спрос удовлетворен и потребительский рынок насыщен. Это прямо кощунство. Скажу о новых веяниях. За последние четверть года я не раз говорил, что мы должны стремиться вырваться из примитивности узко математических понятий о потреблении как об удовлетворении насущных потребностей. Это означает, что „долговечные“ товары, как-то холодильники, стиральные машины, пылесосы и т. д. должны находить все большее распространение в немецком домашнем хозяйстве. И, главным образом, я имел в виду рабочие семьи.

На это мне возражали, что пенсионеры получают слишком мало, чтобы вообще помышлять о подобной роскоши. Само собой разумеется, что не с пенсионеров может начаться переход к более высокому уровню потребления. В Америке в свое время автомобили покупали вначале также не самые бедные. Но мы снова и снова констатируем: то, что сегодня считается роскошью, завтра становится предметом, спрос на который уже довольно широк, а послезавтра – товаром широкого потребления.

Если мы не сумеем преодолеть социальную неприязнь, если мы не сможем потерпеть того, что появляющиеся на рынке, в ходе развития техники, новые товары станут вначале достоянием только одних, – иногда даже незаслуженно, – а не сразу всех, тогда мы все законсервируемся в искусственной бедности... Если мы не будем стремиться постоянно улучшать жизненные возможности нашего народа, мы подорвем этим основу для

технического прогресса, а тем самым выйдем из круга цивилизованных народов. Только расширив потребление, мы сможем и впредь участвовать в счастливом и здоровом мировом развитии».

Было ли это теорией или трезвым взглядом на будущее? Пусть об этом свидетельствуют кое-какие статистические данные:

Производство холодильников

	У
	и
	с
	л
	с
19	С
49	т
	а
	т
	и
	с
	т
	и
	ч
	е
	с
	к
	и

	М
19 50	Г У Т Е М
19 51	Н Е У Ч Т Е Н С
19 52	2 1 4 С С С

Во время 2-ой Международной велосипедной и мотоциклетной выставки во Франкфурте-на-Майне 17 октября 1953 года я воспользовался случаем, чтобы выступить против распространенного в то время аргумента, что нужно бороться против перегрузки улиц и дорог в результате возросшего моторизованного движения путем применения ограничивающих моторизацию мер:

«... Я считаю, что не дело государства вмешиваться в то, как каждый гражданин тратит свои деньги; т. е. государство не должно выступать в роли учителя морали. Пусть каждый будет счастлив по-своему... Далее я считаю, что и проблема транспорта и движения может быть решена только путем экспансии. Развивая моторизацию, нужно расширять старые и строить новые дороги».

Производство мотоциклов, мотороллеров и веломоторов повысилось с 143 800 в 1949 году до 290 800 в 1951 году и до 524 400 в 1953 году.

Ожидавшееся в этой области производства расширение можно было с еще большим основанием предвидеть в секторе легковых автомобилей. Уже тогда стал намечаться приток покупателей легковых автомашин из среды рабочих и служащих. В дальнейшем производство развивалось здесь еще более заметным образом; в то время, как в 1949 году выпуск показал цифру в 104 055 автомобилей, в настоящее время ежегодная продукция превышает 850 000 автомашин.

О пессимистах

В начале 1954 года распространилось мнение, будто годы подъема приходят к концу. Возникали опасения, и приводились даже доказательства тому, что экспансивные силы и способности немецкого хозяйства начинают ослабевать. Все это подкреплялось учеными анализами положения. Я посчитал необходимым выступить против этого мнения:

«Темпы развития немецкого хозяйства по-прежнему опережают темпы развития народных хозяйств прочих европейских стран. Чтобы эта динамика не иссякла, надо заново оживить движущие силы конъюнктуры – стремление к рационализации, к капиталовложениям, а также готовность к расширению потребления».

Нет никаких логических причин, на основании которых должно было бы последовать ослабление этих движущих сил. Несмотря на достигнутые успехи в повышении жизненного уровня нашего народа, нельзя делать заключения, будто наступило насыщение в области потребления.

Следовательно, все сводится к тому, что необходимо и дальше повышать производство, ибо только увеличив производство – и только этим путем – можно повысить народный доход, а, следовательно, и покупательную способность, которая обеспечит сбыт ...» [22].

Далее, подводя итоги 1954 года, я говорил:

«Если по ряду причин невозможно добиться оптимальной пропорции между капиталом, образуемым из вкладов по сбережениям, инвестиционными нуждами народного хозяйства и потреблением, тогда я считаю, что в теперешней ситуации выгоднее сохранить потребительскую конъюнктуру, идя при этом на риск затруднений в области капиталовложений, чем, наоборот, пытаться за счет сокращения потребления увеличить вклады по сбережениям, но иметь тогда дело с затруднениями в области сбыта» [22].

Глава IV. Овладение высокой конъюнктурой

Тот, кто смотрел вперед, уже в 1954 году видел намечающийся переход к следующему, пятому периоду в непродолжительной истории рыночного хозяйства. Я имею здесь в виду переход к фазе высокой конъюнктуры. Выдвигалась новая задача, не так легко разрешимая. В первую очередь возникал вопрос эффективного противодействия опасности инфляционного перенакала высокой конъюнктуры.

Разрешение этой задачи оказалось настолько трудным, что многие были склонны видеть одну лишь эту проблематику, забывая о том, какие огромные успехи были достигнуты во всех областях хозяйственной и общественной жизни. С середины 1956 года во все возрастающей мере удалось совладать с угрозой хозяйственной деградации. После заторможения экономического подъема переход к спокойному и постоянному прогрессу можно считать обеспеченным.

Ко второй части этой задачи – совладание с легкой инфляцией цен – мы еще вернемся.

Совершившийся в 1954 году переход к высокой конъюнктуре наглядно виден из индексных показателей промышленной выработки на этой фазе.

Продукция периода высокой конъюнктуры

19	1
53	9
	5
	4
	1
	-
	с
	е
	г
	с
	л
	у
	г
	с
	д
	и
	е
В	1

ся	4
пр	5
о	,
м	6
ы	
ш	
ле	
н	
но	
ст	
ь	
С	1
ре	6
дс	7
тв	,
а	6
пр	
ои	
зв	
од	
ст	
ва	
С	1
ы	3
рь	2
е	,
и	3
по	
лу	
ф	
аб	
ри	
ка	
т	
ы	
П	1
ре	4
д	2
м	,
ет	2
ы	
по	
тр	
еб	
ле	
н	
ия	

1936 = 100, – продукция за рабочий день.

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Из приведенной таблицы явствует, что 1954-1955 годы можно охарактеризовать, как период усиленного роста капиталовложений. В течение этого периода развитие в двух секторах – секторе производства и секторе предметов потребления – шло весьма по-разному.

Никто, однако, не станет отрицать, что это было время особенно большого оживления в смысле мероприятий, направленных на расширение производства.

Этот своеобразный экономический подъем поначалу можно было только приветствовать, тем более, что в то время имелись еще неиспользованные резервы рабочей силы (во втором квартале 1954 года было 1,15 млн. безработных). Сознавая взаимосвязь между экспансивной экономической политикой и повышением жизненного стандарта общества, я приветствовал эту экспансию: никакая государственная власть, но и никакая организация профессиональных союзов, не в состоянии что-либо сделать для социального прогресса, если из экономики «взять нечего». Дело в том, конечно, что для того, чтобы можно было распределить какие-либо хозяйственно-социальные блага, необходимо, чтобы эти блага были заранее заготовлены.

Именно в этой первой фазе высокой конъюнктуры попытался я пояснить разницу между развитием конъюнктуры в секторе предметов потребления и в секторе средств производства.

«Естественно, что в связи с приближающейся нехваткой рабочей силы, которую дальновидные люди могли предугадать уже несколько лет тому назад, уже в течение последних двух лет чрезвычайно усилилось стремление к повышению производительности и к рационализации. Однако надолго потребление не смеет отставать. В задачу разумной экономической политики входит забота о том, чтобы по меньшей мере отдельные хозяйственные сектора поочередно могли пользоваться преимуществами высокой конъюнктуры. Однако это невозможно осуществить вполне параллельно для обоих секторов: у одного из них всегда непременно будет известное преимущество перед другим на каком-либо данном отрезке времени» [55].

Об оживлении роста продукции убедительно свидетельствует таблица, характеризующая развитие экономики в сравнении с соответствующим отрезком времени в предыдущем году.

Рост промышленной продукции

Изменение в сравнении с соответствующим месяцем прошлого года (в процентах)

	1953
Январь	+4,0
Февраль	+7,3
Март	+10,0

	7
А пр ел ь	+ 1 2 , 0
М ай	+ 1 1 , 1
И ю нь	+ 1 0 , 9
И ю ль	+ 1 4 , 7
А вг ус т	+ 1 0 , 9
С ен тя бр ь	+ 1 1 , 1
О кт яб рь	+ 9 , 3
Н оя брь	+ 9 , 2
Д ек аб	+ 1

рь	3
	8

(Источник: Сообщение федерального министерства народного хозяйства)

В середине 1954 года по существу нельзя было уже сомневаться в том, что нам предстоит пройти продолжительный период высокой конъюнктуры. Ожидания эти основывались, в первую очередь, на увеличении заказов. Объем полученных всей промышленностью заказов в первом полугодии 1954 года превысил объем их в первой половине 1953 года на 23,6%, а в области заготовки сырья даже на 33,3% и в промышленности по производству средств производства на 27,8%, в то время как в области производства предметов потребления можно было наблюдать прирост лишь на 6,6%.

Во втором полугодии 1954 года мы приблизились к полной занятости, которая со времени кризиса тридцатых годов представлялась политикам и экономистам-теоретикам своего рода идеалом. В 1954 году в течение пяти месяцев – от июня до ноября – число безработных впервые было ниже одного миллиона. Год спустя – 30 сентября 1955 года – было статистически установлено, что число безработных было ниже 500 000 (при почти 18 миллионах занятых). Это перестало быть экономической проблемой. Таким образом, во многих районах страны и отраслях экономики была достигнута «полная» занятость.

Эта констатация еще усиливается данными 1956 года: в сентябре количество безработных снизилось до 411 100, а число работающих возросло до 18,1 миллиона. Таким образом, в течение одного года 800 000 человек нашли себе новые заработки, причем лишь десятая часть их пришла из числа безработных, которых, отрядным образом, стало значительно меньше. Следовало бы полагать, что этот успех должен был бы найти признание даже в рядах противников моей экономической политики. В прилагаемой таблице, дающей обзор положения, начиная с 1948 года, все сказанное выше выступает еще более наглядно.

Занятость и безработица (в тысячах человек)

	Н
	а
	б
	с
	т
	а
	н
	п
	и
	е
30	1
.6.	3
48	4
	6
	8
30	1
.9.	3
48	4
	6
	3
30	1

.9. 49	3 6 0 4
30 .9. 50	1 4 2 9 6
30 .9. 51	1 4 8 8 5
30 .9. 52	1 5 4 5 6
30 .9. 53	1 6 0 4 4
30 .9. 54	1 6 8 3 1
30 .9. 55	1 7 8 0 7
30 .9. 56	1 8 6 1 0
30 .9. 57	1 9 0 0

(федерального министерства народного хозяйства)

Это развитие рабочего рынка характеризуется тем, что работу нашло значительно большее число людей, чем имелось безработных, согласно статистическим данным. За последние семь лет число безработных сократилось на 900 000, в то время, как число работающих возросло на пять миллионов человек. Осенью 1956 года число безработных составляло всего 2,2% общего числа трудящихся (мужчины – 1,4, женщины – 3,6%).

Охота на людей

Как уже отмечалось, эта непривычная для Германии проблематика, вытекающая из так называемой полной занятости, неподобающим образом отодвигала нередко на задний план осознание достигнутого. В силу этого я нашел уместным установить следующее 8 сентября 1955 года:

«У того, кто прислушивается к разговорам в стране, может подчас даже создаться впечатление, что вместе с полной занятостью, с высоким уровнем производства и возрастающим потреблением нас настигла какая-то беда, и что соответственно этому теперь следует приложить старания к тому, чтобы снизить снова народнохозяйственную продуктивность. Здравые человеческий рассудок восстает против такого положения. Он не может согласиться с тем, что то, что идет на пользу каждого, в общем народнохозяйственном плане является вредным и опасным» [59].

Беспомощность перед лицом этой новой ситуации привела постепенно к тому, что заинтересованные стали себе уяснять бессмысленность такой установки. Вначале некоторые полагали, что они смогут избежать последствий изменившегося положения на рабочем рынке путем переманивания к себе рабочей силы с других предприятий. Обращение к подобному неблагоприятному приему стало угрожать возможности проводить какую бы то ни было здоровую политику в области заработной платы. Об этом надо было заявить откровенно и во всеуслышание:

«Мне заявили со стороны профсоюзов: посмотрите, что творится на рабочем рынке, и скажите после этого сами, можем ли мы вообще еще вести ответственную политику по линии заработной платы, когда вербовщики от промышленности рыщут по всей стране, чтобы переманить рабочую силу с одного предприятия на другое? Я ни в коем случае не выступаю против свободы выбора профессии или против свободы выбора рабочим своего места работы. Однако то, что происходит, я никак не могу охарактеризовать иначе, как охоту на людей со стороны ловцов, занимающихся торговлей живым товаром.

Эти явления нужно порицать не только с экономической точки зрения; они заслуживают морального и общественного осуждения» [63].

Нет такого аргумента, который мог бы оправдать использование подобных приемов.

Недостаток рабочей силы все более вырисовывался в качестве серьезнейшей проблемы, стоящей перед народным хозяйством:

«Наилучшее решение вопроса, которое одновременно вызовет также благоприятные последствия как в экономической, так и в социальной области, заключается в увеличении продуктивности хозяйства. Следовательно, нам надлежит использовать все открывающиеся перед нами возможности рационализации. Мы должны применить все средства, ведущие к повышению производительности, чтобы качеством преодолеть недостающее нам количество, то есть компенсировать имеющийся у нас количественный недостаток повышением эффективности труда человека» [38].

Сколь бы мне, как министру народного хозяйства, ни приходилось беспокоиться о том, чтобы резкое развитие в области средств производства не привело к явлениям, нарушающим равновесие хозяйственной жизни, – я все же неустанно указываю на то, насколько необходимо и благотворно стремление к повышению производительности, сколь важно добиться повышения производительности при помощи рационализации и повысить

эффективность труда. Я неоднократно повторял, что в условиях полной занятости предпринимательские капиталовложения бесспорно послужат интересам рабочих.

Если я, тем не менее, в течение этих месяцев чувствовал себя обязанным несколько скептически высказаться по поводу конъюнктурной горячки в инвестиционном секторе, то это лишь потому, что на данном участке можно было все чаще и чаще наблюдать признаки невнимания и пренебрежения по отношению к существующим экономическим возможностям. 15 ноября 1955 года я поэтому заявил:

«Размер капиталовложений, которые теперь достигают 27 процентов валовой национальной продукции, достаточно наглядно показывает, что наши хозяйственники во время осознали возникающую перед ними проблему нехватки рабочей силы. Однако, теперь они должны также убедиться в том, что дальнейшее увеличение капиталовложений, перенапрягающее работоспособность соответствующих отраслей промышленности, и, следовательно, ведущее к перенакалу экономической конъюнктуры, не может быть пригодным средством в политике использования благоприятной конъюнктуры. Как в области потребления, так и в области производства средств производства следует придерживаться принципа хозяйственности» [67].

Действительно, капиталовложения в 1955 году достигли внушительного размера, который отражается не только в цифрах, характеризующих производство, но и в удельном весе капиталовложений в национальной продукции:

Использование национальной продукции в процентах

	1953
Частное потребление.	60,5
Государственное потребление.	20,8
Капиталовложения.	18,7

ие	
и	
в	
ы	
во	
з	
ка	
п	
ит	
ал	
ов	
л.	
за	
гр	
ан	
и	
цу	
10	1
0	0
	0

В ценах 1936 года

ч	6
ас	0
тн	,5
ое	
по	
тр	
еб	
л.	
Г	2
ос	0
уд	,8
ар	
ст	
в,	
по	
тр	
еб	
л.	
К	1
ап	8
ит	,7
ал	
ов	
ло	
ж	
ен	
ие	
и	

В	
Ы	
ВО	
З	
КА	
П	
ИТ	
АЛ	
ОВ	
Л.	
ЗА	
ГР	
АН	
И	
ЦУ	
10	1
0	0
	0

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Согласно приблизительным оценкам Банка немецких земель, в 1956 году частное потребление повысилось примерно на 8 процентов, для капиталовложения – брутто почти на 6%, в то время как государственное потребление осталось неизменным. В 1956 году общая валовая национальная продукция увеличилась на 7,1%. Все эти данные приводятся без учета изменения цен.

Если из общей суммы капиталовложений вычесть инвестиции в промышленные установки, то за последние годы можно наблюдать следующее развитие:

В миллионах марок

	1
	9
	5
	2
	г
	.
В	2
це	4
на	6
х	8
со	0
от	
ве	
тс	
тв	
у	
ю	
щ	
ег	
о	
го	
да	
В	1

це	0
на	
х	9
19	4
36	2
го	
да	

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Повышение заработной платы рабочих и служащих

Убедительная картина высокой конъюнктуры, которую дают вышеприведенные данные, находит свое отражение в эволюции доходов всех участников хозяйственного процесса, да и вообще всех слоев населения. Часовая оплата промышленных рабочих, которая в 1953 году в сравнении с предыдущим годом возросла на 4,6, а в 1954 году на 2,9%, – в 1955 году значительно повысилась, а именно на 6,8%. В 1956 году эта тенденция продолжала развиваться даже в усиленной степени и в первых трех кварталах этого года зарплата повысилась, в сравнении с соответствующими кварталами предыдущего года, на 8,5, 8,9 и 8,4%, хотя рост производительности не поспевал за повышением доходов трудящихся.

Значительный рост заработной платы привел к тому, что, согласно статистическим данным Банка немецких земель, плата рабочим и служащим с учетом налоговых и прочих вычетов, повысилась с 54,1 млрд. немецких марок в 1954 году, до 60,9 млрд. немецких марок в 1955 году. Такое повышение – почти на 7 млрд. марок – значительно превзошло темпы роста в предыдущие годы. 1956 год, согласно предварительным подсчетам Банка немецких земель, показывает повышение почти на 12%, и сумма, выплаченная трудящимся, достигла 67,9 миллиарда немецких марок. Параллельно с этим произошло повышение сумм, выплаченных в качестве пенсий и вспомоществований (с учетом налоговых вычетов), с 17,7 млрд. немецких марок в 1954 году, до 19,6 млрд. марок в 1955 году. И в этой области в 1956 году оказалось возможным еще более значительное повышение на 12% (по сравн. с предыдущим годом), в результате чего общая сумма пенсий и вспомоществований возросла до 22,0 млрд. немецких марок. Общий доход народных масс увеличился, таким образом, с 71,8 млрд. немецких марок в 1954 году до 80,6 млрд. марок в 1955 году. Этот рост с несомненной наглядностью свидетельствует о том, насколько улучшились условия жизни широких масс. В 1956 году, опять же по предварительным подсчетам Банка немецких земель, доход народных масс достиг суммы в 89,9 млрд. немецких марок и, таким образом, вдвое превысил соответствующую сумму в 1950 году.

Рост дохода народных масс, млрд. Н.М.

Г	Н
од	а
ы	л
	с
	в
	а
	я
	з
	а
	Г
	Г

	Л а т а р а б с ч и х и с л у ж а п и х
	И с с л е д с
1	2

19 50	3 9 , 3
19 52	5 3 , 5
19 54	6 3 , 8
19 55	7 2 , 2
19 56)	8 0 , 8
И зм ен ен ия в ср ав не н и и с пр ед ы ду щ и м го до м (в пр оц ен	

та х)	
19 55	1 3 , 1
19 56 1 -й КВ .	1 4 , 9
2- й КВ .	1 2 , 8
3- й КВ .	1 0 , 7
4- й КВ . *)	1 0 , 3

*) Предварительные данные.

(Источник: Банк немецких земель)

Это благоприятное развитие, равно как и осуществление намерения федерального правительства содействовать и дальше увеличению дохода народа, может продолжаться, понятно, лишь в условиях расцвета народного хозяйства.

Общий рост благосостояния становится особенно наглядным, если привести цифры, показывающие долю народного дохода на душу населения и выразить эти данные в ценах 1936 года.

Народный доход в пересчете на душу населения и в ценах 1936 года

19 36	1 9 4 9
В ре йх с м	9 9 2

ар	
ка	
х	
и	
не	
м	
ец	
ки	
х	
м	
ар	
ка	
х	
19	1
36	0
=	0
10	
0	
19	-
49	
=	
10	
0	

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Быстрая реакция населения в области накопления сбережений

Между тем, за эти годы удалось также и не только преодолеть последствия войны, но, учитывая достижения 1956 года, превысить уровень последних предвоенных лет на 45 процентов, а по сравнению с 1949 годом, добиться повышения его на 70 процентов. Эти цифры говорят объективному наблюдателю об успехе социального рыночного хозяйства больше, чем пространственные комментарии.

Среди экономических факторов, создающих высокую конъюнктуру, но которые, в свою очередь, подвержены обратному воздействию соответствующей конъюнктуры, следует особо указать эволюцию сбережений. Начало высокой конъюнктуры совпадает с чрезвычайно большим стремлением к накоплению сбережений. Поэтому 1954 год можно с полным основанием назвать не только годом капиталовложений, но и годом сбережений. Это совпадение наблюдалось и в следующем – 1955 году. Положение изменилось лишь в 1956 году. Наличная сумма вкладов по сбережениям возросла с начала 1954 года до начала 1955 года с 11,24 млрд. немецких марок до 16,72 млрд. немецких марок, а к началу 1956 года увеличилась еще почти на 4 млрд. марок, то есть составила сумму в 20,67 млрд. немецких марок. Вклады в жилищно-строительные сберкассы, естественно, на более низком уровне, показывают такое же благоприятное развитие.

Столь высокая готовность отдавать свои деньги на сбережение играла в то время немалую роль в качестве стабилизирующего фактора, в то время как последующее ослабление интереса к сбережениям дает все же повод к некоторому беспокойству. Уже упомянутая сумма сбережений в 20,67 млрд. немецких марок повысилась с января 1956 года по ноябрь того же года лишь до 22,495 млрд. марок, что говорит о сравнительно незначительном приросте. Можно отметить с удовлетворением, что в самое последнее время наметился явный поворот к лучшему: к концу 1956 года сумма сбережений достигла 23,374 млн. немецких марок.

Рост добровольных вкладов для накопления сбережений со времени проведения

валютной реформы показывает, к каким достижениям приводит вера населения в устойчивость валюты.

Наконец, начальная фаза высокой конъюнктуры была ознаменована еще одним важным событием. С выходом так называемого закона о поощрении рынка капиталов был открыт путь к тому, чтобы снова вернуть этому рынку ту функцию, которую ему надлежит выполнять в рыночном хозяйстве. Начиная с этого момента (31 декабря 1954 года) на рынке капиталов размер процентов и рентабельность разного рода процентных бумаг и иных ценностей стали снова взаимно согласовываться по правилам рыночного хозяйства. Вызванная этим одновременно тенденция к снижению процентов была, правда, временно прервана вследствие проведения мероприятий кредитной политики, продиктованных обстоятельствами конъюнктурного развития. Однако, можно тем не менее высказать предположение, что этот добрый почин не исчез навсегда. Улучшение положения на рынке капиталов вместе с накоплением сбережений по вкладам и по страхованию дают возможность удовлетворять во все возрастающей мере высокие запросы на капиталовложения, поскольку такие запросы вообще обращены к рынку капиталов. Этот обзор создавшегося благоприятного и выгодного положения на рынке капиталов показывает, что имеются основания ожидать в скором будущем возрождения рынка акций.

Особенно явственно отразилась высокая конъюнктура в области нашей внешней торговли. Как 1954, так и 1955 годы ознаменовались сильным ростом объема внешней торговли, причем более оживленный импорт в 1955 году вдвое сократил активное сальдо торгового баланса предыдущего года. В 1956 году, при неожиданно резком увеличении как импорта, так и экспорта, произошел новый поворот в этом развитии, в том смысле, что в торговом балансе вновь значительно повысилось активное сальдо. Стимулом к увеличению вывоза послужило некоторое послабление в немецком инвестиционном секторе в связи с чем какая-то доля производственной мощности промышленности высвободилась для работы над заготовлением поставок за границу. Нет сомнения в том, что это развитие пошло бы еще дальше, если бы федеральное министерство народного хозяйства не проводило в то время политику последовательного облегчения ввоза. Положение Германии на мировом рынке значительно укрепилось. По достижениям в области внешней торговли Германия оказалась на третьем месте после США и Великобритании.

Эти данные, характеризующие экономические успехи, можно было бы безоговорочно признать удовлетворительным, если одновременно оказалось бы возможным сохранить полностью устойчивость цен. Этот идеал, как показывает опыт, как раз на данном конъюнктурном этапе недостижим или, во всяком случае, осуществим с большим трудом. Правда, надо признать, что бурное развитие экспорта и спроса внутри страны сопровождалось сравнительно незначительным ростом цен. Во всяком случае, не было и нет оснований драматизировать события. Сильного роста цен можно было опасаться с тем большим основанием, что в период этой высокой конъюнктуры заказы постоянно превышали возможности производства. Что же касается экспорта, то это положение не изменилось и до сих пор.

Цены, до второй половины 1954 года, бывшие устойчивыми, стали впоследствии слегка подниматься. В течение двух предыдущих лет себестоимость промышленной продукции еще имела тенденцию к понижению; она снизилась (если принять цены 1950 года за 100) с 121 до 116, и этот наиболее низкий уровень сохранился до сентября 1954 г. В феврале 1956 года вновь был достигнут уровень 1952 года; он колебался затем до сентября этого года между 120 и 121. Лишь осенью 1956 года произошло новое повышение: так, в ноябре 1956 года уровень цен повысился на 2,9% в сравнении с ноябрем 1955 года и на 5,1% в сравнении с ноябрем 1954 года.

Себестоимость сельскохозяйственных продуктов начала повышаться несколько раньше, причем по своим масштабам это повышение было более интенсивным. Индекс 1953-54 хозяйственного года (с июля по июнь) показывает 112% по отношению к 1950 году, а в следующем хозяйственном году – 116%. В 1955-56 году индекс повышается до 123%, а в

первом полугодии 1956 года достигает даже 135%. Впоследствии он, правда, снова понизился. В декабре 1954, 1955 и 1956 годов индекс соответственно поднялся с 114 до 123, а затем до 126.

Принимая во внимание это колебание цен в течение последних двух-трех лет, можно считать, что эволюция индекса стоимости жизни была сравнительно спокойной. В 1954 году этот индекс оставался в среднем на уровне 1953 года (т. е. 108% по отношению к 1950 году), повысился в 1955 году до 110% и колеблется с января 1956 года между 112 и 114%. Таким образом, в 1955 году, по сравнению с предыдущим годом произошло повышение стоимости жизни (для средней потребительской группы) на 1.8%. К концу же 1956 года общий индекс, правда, был на 1,7% выше, чем в соответствующее время прошлого года, и превысил уровень конца 1954 года на 3,6%. Картину развития этих важнейших, с народнохозяйственной точки зрения, цен дает таблица №3 приложения.

В этой области федеративная республика может, как это видно из приведенной ниже таблицы, вполне выдержать сравнение с другими странами. Тем не менее я чувствовал себя обязанным постоянно выступать с предупреждениями и бороться с нездоровыми явлениями.

Индекс стоимости жизни в разных странах 1949/1951 = 100

С	1
т	9
р	5
а	3
н	3
ы	
За	1
па	0
д	3
на	
я	
Ге	
р	
м	
ан	
ия	
Бе	1
ль	0
ги	6
я	
С	1
Ш	0
А	9

Ф	1
ра	2
н	6
ц	
ия	
Д	1
ан	1
ия	5
*)	
Ш	1
ве	2
ц	0
ия	
В	1
ел	2
ик	0
об	
ри	
та	
н	
ия	
Н	1
ор	2
ве	9
ги	
я	
*)	

•) 1950 = 100

(Источник: Статистика Банка немецких земель и Федерального статистического бюро)

Основное требование: устойчивость цен

Тот факт, что покупательная способность и у нас слегка понизилась, относится к теневым сторонам высокой конъюнктуры. Поэтому я неоднократно указывал на то, что в перспективном плане никакой экономической прогресс, как бы велик он ни был, не может оправдать даже кажущееся первоначально безобидным ослабление валюты:

«Конъюнктурный вопрос ставится не в порядке альтернативы: должны ли цены оставаться устойчивыми или же в известных случаях допустимо их повышение? Уровень цен должен быть сохранен при всех обстоятельствах. Вопрос заключается лишь в том, какими средствами мы можем это обеспечить» [70].

Я категорически отрицаю также, что усиленное расширение производства естественно и закономерно должно быть связано со всеобщим повышением цен. Напротив, в интересах всего, получающего доходы и накапливающего сбережения населения, нужно стремиться к возрастающему и все более распространяющемуся благосостоянию, при одновременном сохранении устойчивости цен:

«Пусть многие иначе интерпретируют опыт прошлого. Я, во всяком случае, не вижу повода к отказу от моих усилий создать при помощи ответственной денежной, кредитной и валютной политики и упорядоченной хозяйственной и финансовой политики предпосылки для того, чтобы дальнейшее расширение производства могло бы осуществляться на основе

устойчивых цен» [64].

Наконец, в течение имевших решающее значение недель и месяцев мне приходилось снова и снова выступать против тех, кто думал и заявлял, что:

«лишь путем постоянного, хотя бы даже только незначительного, ослабления валюты можно вызвать к жизни те импульсы, которые надолго обеспечивают возможность экспансивного развития хозяйства. После того, как за последние десять лет жизнь опровергла, теоретически и практически, не одну ложную идеологию и не один догмат, наступила, мне кажется, пора, когда надлежит разрушить и эту последнюю и, может быть, даже самую опасную иллюзию» [64].

Если все мои мероприятия исходили из желания задержать постольку развитие конъюнктуры, поскольку вызванное ею искушение нарушить устойчивость валюты внушало все большие опасения, то не могло быть, однако, и речи о том, что я этим якобы отрекся от принципов и цели стремящегося к расширению хозяйства. Как раз в связи с необходимостью найти здесь правильную пропорцию в интересах дальнейшего непрерывного развития подъема, одно из моих высказанных в этом направлении заявлений заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным здесь:

«Вряд ли можно приписать мне репутацию человека, для которого ограничительная политика является самоцелью. Так же трудно предположить, что я могу признать стоящим труда делом насильственное снижение благоприятной конъюнктуры. Нет, ни в коем случае, ибо секрет успеха нашей экономической политики ведь именно в том и заключается, что мы никогда не отступали перед трудностями, но всегда искали и находили решения в динамическом порыве вперед, в расширении хозяйственных возможностей. Мы не намерены изменять этому принципу и в дальнейшем, хотя не следует закрывать глаза на то, – и это стало ясным отнюдь не только сегодня, – что некоторые „узкие места“ становятся все более явными» [63].

Непопулярные истины

Исходя из этой принципиальной установки, были приняты разнообразные меры, чтобы обуздать и направить по определенному руслу высокую конъюнктуру. Эти мероприятия должны были воздействовать как раз на те факторы, которые создавали помехи или вызывали новые опасности. В качестве примера таких мероприятий можно указать на разнообразные воздействия психологического характера, в основу которых было заложено убеждение, что подлинные опасности вытекают не столько из фактов, сколько, главным образом, из несоблюдения экономически допустимых пределов – повышения заработной платы рабочими и служащими и повышения цен предпринимателями. Мой исходный тезис, разумеется, гласил всегда: сохранение устойчивости валюты.

В течение этих месяцев я неустанно провозглашал непопулярную истину, что, вопреки всякому отрицанию этого и несмотря на все тактические маневры, заработная плата и цены находятся в неразрывной связи.

«Если заработная плата начнет повышаться хотя бы лишь в одной отрасли народного хозяйства, то это произойдет и в других. Из этого следует, что невозможно, а, следовательно, и недопустимо, чтобы в одной отрасли хозяйства зарплата была повышена на некую величину X, когда в других отраслях имеется возможность повысить зарплату в лучшем случае лишь на $1/2 X$ или даже только на $1/4 X$, если не прибегать к повышению цен. Было бы безответственно дать вольный ход повышению той цены какого-либо продукта, по которой оказывается возможным производить этот продукт уже в настоящее время. Столь же безответственным является и исходящее из ложно понимаемого предпринимательского духа желание использовать без остатка возможности, предоставляемые конъюнктурой. При настоящем положении дел такая политика побудила бы, естественно, всех следовать плохому примеру. А это означало бы положить начало инфляционной тенденции, пресечение которой в самом ее начале является нашим долгом» [62].

Такого рода соображения побудили меня в эти бурные месяцы к энергичным выступлениям против всякого повышения цен, которого как-то можно было бы избежать, – будь то в промышленности или в сельском хозяйстве, и это несмотря на разного рода сопротивление и скептическое отношение многих. Я старался противодействовать всякому повышению заработной платы, если оно не могло найти своего оправдания в увеличении экономической продуктивности. С другой стороны, повышение заработной платы оказалось таким образом санкционированным в довольно широких пределах, поскольку в деле повышения продуктивности были зарегистрированы значительные успехи.

В течение 1955 года, пожалуй, еще можно было говорить о соответствии между повышением заработной платы и успехами в деле повышения продуктивности. Однако в 1956 году уже нельзя было отрицать возникшего несоответствия между увеличением дохода широких народных масс и повышением продуктивности. Заработная плата рабочих и служащих (без вычетов), повысилась в 1956 году, согласно официальным данным, почти на 7%, валовой доход лиц, работающих не самостоятельно, возрос на 11,9%, в то время как производительность промышленности в 1956 году повысилась лишь на 4% (при исчислении продукции за один рабочий час) или только на 1,4% (при исчислении продукции на одного работающего). Никто не может сослаться на то, что, идя на повышение заработной платы, он якобы не предвидел последствий, ибо я буквально изъездил всю страну, чтобы разъяснить эти элементарные истины даже самым простодушным людям.

Ответственность за цены

Надо сказать, что как раз именно в этой фазе экономического развития нельзя не заметить взаимосвязи, существующей между повышением цен и тем фактом, что рост дохода широких народных масс, превышает достигнутое в области повышения продуктивности, т. е. превышает то, что вообще может дать народное хозяйство. Неизбежные последствия можно предвидеть почти с точностью до одного процента. Нельзя и не следует освободить от ответственности за повышение цен, за это легкое понижение покупательной способности населения, тех, кто соучаствовал в этом развитии. Ответственность лежит как на предпринимателях и рабочих, так и на правительстве и парламентариях, которые устанавливают государством гарантированные цены или определяют размеры доходов. Повторяю еще раз: у меня нет никаких возражений против изменений к лучшему, пока они не выходят из рамок экономических возможностей. Такие улучшения даже желательны, ибо они соответствуют принципам социального рыночного хозяйства.

Начатая мной психологическая кампания должна была быть дополнена и другими планами, которые, однако, удалось осуществить лишь частично. Мои предложения были направлены к тому, чтобы смягчить вредное влияние растущего положительного баланса внешней торговли и усилить предложение товаров на внутреннем рынке, преимущественно путем увеличения ввоза, чтобы с этой стороны оказать давление на цены. После многомесячных дискуссий в правительстве и парламенте было, правда, объявлено о снижении пошлин с 1 апреля 1955 года, хотя и не в том размере, который я считал желательным и необходимым. Вместе с тем постепенно проводилась дальнейшая либерализация по отношению к странам Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Одновременно с этим был значительно расширен перечень товаров, которые могли свободно поступать к нам из долларовой зоны.

Специальные мероприятия были направлены на то, чтобы способствовать успокоению на тех участках экономики, на которых обнаруживалось наибольшее напряжение. Ограничение помощи путем государственного финансирования было сопряжено с сокращением казенных капиталовложений в строительство.

Тот факт, что мне лишь частично и зачастую слишком поздно удавалось проводить в жизнь мои предложения, заставил меня в возрастающей мере оказывать поддержку Банку немецких земель и даже поощрять его к отказу от той очень либеральной финансовой и

кредитной политики, которую он стал проводить после преодоления «корейского» конъюнктурного подъема.

Между федеральным министерством народного хозяйства и Банком немецких земель в дальнейшем установилось все возрастающее единство взглядов в смысле оценки политико-экономического положения. 4 августа 1955 года низкая учетная ставка в 3%, установленная 20 мая 1954 года впервые была повышена до 3 1/2%. За этим повышением последовало 8 марта 1956 года следующее – на 1%, а 20 мая оказалось необходимым новое увеличение учетной ставки до 5 1/2%. К тому же эта последовательная политика сопровождалась еще и другими дополнительными мероприятиями Банка немецких земель. Так, с 1 сентября 1955 года были повышены минимальные ставки для запасных капиталов и ограничены возможности переучета векселей. Самое примечательное в политико-экономической ситуации этих месяцев заключалось в том, что мое тесное сотрудничество, вернее единство взглядов с эмиссионным банком, вовсе не находило полного признания.

Между тем, все эти усилия оказались небезуспешными. В середине 1956 года удалось повышение продуктивности снова ввести в реалистические рамки и придать ему здоровые масштабы. Темпы расширения производства приспособились к реально возможному развитию народного хозяйства. Годичное увеличение производительности, составлявшее в 1955 году 15% и более, понизилось до 8% и менее, но осталось все же на столь высоком уровне, что говорить о застое или тем более о кризисе не приходится. Проведенное 6 сентября 1956 года понижение учетной ставки с 5 1/2 до 5% и дальнейшее понижение на 1/2 %, проведенное 11 января 1957 года, может расцениваться как доказательство внутренней консолидации народного хозяйства.

Успех не замедлил последовать

Причины такой нормализации положения весьма разнообразны. Мне думается, что существенную роль сыграла психологическая кампания, совместно с мероприятиями Банка немецких земель. Осуществившееся все-таки увеличение импорта также не осталось без последствий и сказалось как раз в секторах, находящихся под наибольшей угрозой роста цен. Даже ввоз продуктов питания возрос как никак с 2,14 млрд. немецких марок в четвертом квартале 1955 года до 2,82 млрд. в соответствующем периоде 1956 года.

Все статистические данные говорят о том, что та фаза, в которой перенапряжение конъюнктуры грозило стать серьезной опасностью, может считаться законченной, и что на смену этой фазе наступает период спокойного роста и развития. Однако, при всем этом не следует забывать, что еще не до конца устранены последствия прошлого, и что нашей экономической политике придется ими серьезно заняться. Это относится в особенности к тому повышению заработной платы, которое превысило рост производительности. Следует здесь указать и на необходимое, с социальной точки зрения, повышение пенсий и вспомоществований из государственных средств, а также на увеличение пенсионных доходов по проведению социальной реформы. Лишь какая-то часть этих затрат покрывается увеличением взносов, но во всяком случае ежегодно на рынок будут поступать миллиардные суммы, – результат увеличившейся покупательной способности масс.

Такое же значение имеет и снижение налогов, поскольку оно также будет содействовать росту покупательной способности. Естественно, что эти изменения в структуре доходов заставляют также повысить оплату государственных служащих, что ведет к дополнительному повышению общего народного дохода по всем категориям заработной платы. В этот весьма общий обзор роста покупательной способности потребителей следует включить, для принятия в соображение, также и развитие стремления к накоплению сбережений.

Многое зависит от желания накапливать сбережения

От желания накапливать сбережения в значительной степени будет зависеть, вызовут ли какие-либо нарушения нормального течения хозяйственной жизни тенденции к расширению народнохозяйственного потенциала, могущие проявиться в результате такого увеличения дохода народных масс. В третьем квартале 1956 года прирост вкладов по сбережениям достиг только суммы в 90,7 млн. немецких марок, т. е. одну восьмую прироста в соответствующий период 1955 года. Можно с удовлетворением отметить наличие кое-каких признаков того, что недавние мероприятия федерального правительства вновь оживят стремление к накоплению сбережений. Можно также надеяться, что намечающаяся стабилизация политического положения вызовет и социальное успокоение, которое в свою очередь укрепит желание накапливать сбережения.

Эта эволюция показывает, как резко реагирует население на действительные или даже только мнимые изменения курса валюты. Простое указание на то, что едва ли можно говорить об обесценении нашей валюты и что, следовательно, нет причин для беспокойства, навряд ли сможет вызвать удовлетворительный психологический эффект. Для пояснения вышесказанного мне хотелось бы привести историю одного стомаркового кредитного билета, который был внесен на следующий день после валютной реформы. Развитие индекса стоимости жизни в тот же отрезок времени явно указывает на то, что сложнопроцентный рост этой суммы, внесенной в сберегательную кассу, был лишь в незначительной части аннулирован повышением цен:

Внесено 21.6.1948 года – 100 НМ Индекс стоимости жизни.

1-ое полугодие 1948 г. = 100

имеется в наличии на 31.12.1948 года – 101.22 НМ -

имеется в наличии на 31.12.1949 года – 103.75 НМ 1949 99

имеется в наличии на 31. 12. 1950 года -106.39 НМ 1950 92

имеется в наличии на 31.12.1951 года – 109.39 НМ 1951 100

имеется в наличии на 31. 12. 1952 года – 112.87 НМ 1952 102

имеется в наличии на 31. 12. 1953 года – 116.26 НМ 1953 100

имеется в наличии на 31. 12. 1954 года – 119.75 НМ 1954 100

имеется в наличии на 31. 12. 1955 года – 123.34 НМ 1955 102

имеется в наличии на 31.12. 1956 года – 127.45 НМ 1956 105

Чтобы с самого начала предупредить все возможные недоразумения, я хочу подчеркнуть, что это противопоставление накапливаемого по сбережениям капитала и индекса стоимости жизни ни в коем случае не следует понимать как попытку выступить в защиту гарантированного индекса для денежных сбережений.

Немалое значение будет иметь и дальнейшее развитие в области нашей внешней торговли. Те тенденции к экспансии, которые, возможно, обнаружатся при этом, могут приобрести в дальнейшем еще большее значение, ибо нейтрализующее влияние излишков государственных доходов будет далеко не таким сильным, как в предыдущие годы.

В последней фазе развития высокой конъюнктуры выявилось, несмотря на некоторое замедление темпов роста производства, повышение на несколько процентов уровня издержек по производству, заработков и цен. Можно было бы даже указать на целый ряд факторов, которые благоприятствуют усилению тенденции к повышению цен как раз в тех секторах хозяйства, которые более всего интересуют потребителя. Это и случится, если не будут услышаны мои повторные призывы повышать заработную плату лишь соответственно росту производительности.

Центральная проблема экономической политики сводится поэтому к устранению инфляционных тенденций в дальнейшем экономическом подъеме. Сохранение устойчивости валюты является непременной предпосылкой для гармонического экономического роста и подлинного и обеспеченного социального прогресса. Экономическая политика федерального правительства должна поэтому впредь в еще большей мере быть направленной на создание необходимых условий для сохранения финансовой устойчивости.

Разрешение вопроса о том, потребуется ли в будущем прибегнуть в отдельных случаях к ограничительным мерам, будет зависеть решающим образом от того, смогут ли, наконец, все слои нашего народа отказаться от пагубной попытки вырвать для себя побольше выгод в ущерб всему обществу.

Глава V. Рыночное хозяйство преодолевает плановое хозяйство

«Экономическая политика началась под лозунгом „свободного рыночного хозяйства“ и „либерализации“. Весной она закончилась введением импортных ограничений, олицетворяющих собой провал всей политики правительства, особенно в области внешней торговли... За что время... почти что все положения и теории, которые повторно нам преподносил федеральный министр народного хозяйства, а также и его догма, окончательно потерпели крах... Вы должны согласиться со мной, что господин федеральный министр народного хозяйства, который взялся было за устранение принудительно-направляемого хозяйства, теперь ... вот-вот готов снова ввести систему прямого хозяйственного регулирования, к тому же отвратительно функционирующую, и целиком увяз в этой заботе ... после того, как вся хозяйственная политика кончилась провалом ...»

Еще лишь недавно – это было 11 октября 1951 года, по время корейских событий – лидер самой крупной оппозиционной партии в германском Бундестаге произнес эти, сегодня кажущиеся невозможными, слова. Тем временем возможность свободно выбирать необходимые ему предметы потребления стала для западногерманского гражданина реальностью, каковой стала и возможность свободного ценообразования почти во всех секторах промышленности. Каждый предприниматель может и должен свободно производить и продавать то, что требуется рынку. Сверх того, он свободен в организации своего предприятия, в его рационализации и в решении вопроса капиталовложений, как это и должно быть в условиях конкуренции и свободы предпринимательского хозяйствования.

Вышеприведенная вводная цитата напоминает нам о том, сколь яростно оспаривались принципы рыночного хозяйства всего лишь несколько лет тому назад. Отвержение рыночного хозяйства было в рядах оппозиции более или менее единодушным. Правда, при этом отдельные критики несомненно исходили из разных соображений. Одни были склонны отрицать правильность самих принципов, другие считали, что в послевоенной Германии с ее разрушенными промышленными установками и миллионами беженцев осуществление этих принципов невозможно.

Эта борьба уже принадлежит прошлому, она стала историей. Отчеты тогдашних прений читаются в наши дни, как страницы из чрезвычайно увлекательного романа. Все-таки стоит рыться в страницах этого недавнего прошлого германской истории. Первый германский послевоенный парламент – Хозяйственный совет во Франкфурте, а позже и Бундестаг (парламент в Бонне) первого созыва были ареной яростных парламентских прений. В дальнейшем мы будем придерживаться официальных отчетов.

Крупнейшая партия оппозиции – СДПГ – дала ясно понять в дни валютной реформы, что она не стремится к освобождению германского народа от государственного вмешательства, к освобождению, которое я намерен был постепенно осуществить в отношении всех, в порядке проведения валютной реформы, производств, всех отраслей торговли и ремесел, но, прежде всего, в отношении потребителя. В отчете памятного XVIII пленарного заседания Хозяйственного совета, имевшего место 17 и 18 июня 1948 года непосредственно перед проведением валютной реформы (стр. 628 и след. официального протокола), мы можем прочесть запись заявлений докладчика СДПГ (Социал-демократической партии Германии) по вопросам хозяйственной политики д-ра Крейссига (являющегося членом Бундестага первого созыва, а также и в настоящее время; ныне его деятельность протекает преимущественно в рамках европейских парламентских органов):

«Во всех обоснованиях, приведенных профессором Эрхардом в подтверждение своих

положений, отсутствует, однако, одна главная предпосылка: на протяжении многих долгих лет у нас не было нормального народного хозяйства; мы увидим, что валютная реформа не принесет никакого чуда и что лишь после проведения валютной реформы будет создана почва для подлинно здорового восстановления народного хозяйства. Мы не ожидаем также чудес от влияния валютной реформы на нормальный ход первоначального развития народного хозяйства, в частности производства... Они (речь идет об обездоленных и бесправных) спросят, почему не проводится правильная хозяйственная политика, политика направляемого распределения и образования цен, чтобы люди в ближайшие месяцы и годы получили свою долю продукции? Ведь начиная с 1945 года они работали неизвестно ради чего, и почти ничего или вообще ничего от результатов своего труда не видели.

«Направляемое распределение» мы понимаем, как планомерное направление всех наиболее необходимых предметов и товаров в места и к людям, более всего в них нуждающимся. Иначе говоря, мы за направление распределения имеющихся налицо товаров широкого потребления. Моя партия вполне согласна с той точкой зрения, что следует допустить свободные цены при наличии здорового хозяйства; но это недопустимо в народном хозяйстве, в котором недостаток во всем столь безгранично велик... То, что здесь намечается, уже было однажды весьма ясно и метко охарактеризовано, как «стальной душ свободных цен» («Stahlbad der freien Preise»), – через этот душ германские предприниматели хотят заставить пройти немецкий народ ...

Все это не имеет никакого смысла. К катастрофе приведет стремление заниматься «политикой цен», ни разу не отдав себе отчета в том, как должно было бы протекать предстоящее повышение цен. Это недопустимо! Все, что вы до сих пор видели, ведет к тому, что немецкими предпринимателями будет проводиться политика в духе Моргентау, которая окажется еще опустошительнее того, чего в свое время хотел добиться Моргентау ...

Любой из нас хотел бы, чтобы система принудительно-направляемого хозяйства была устранена. Однако, нельзя в силу этого выдвигать положение, будто этим и покончено, наконец, с этой системой... Мы попрежнему стоим на точке зрения, что народное хозяйство могло бы быть пущено в ход лишь путем систематического планирования и при помощи столь же систематического распределения всех необходимых товаров широкого потребления в Германии».

Таково было содержание речи оратора оппозиции! Крейссиг этим внес ясность в то, что оппозицией уже было заявлено на 14 пленуме Хозяйственного совета (21 и 22 апреля 1948 года). На этом заседании при оповещении о предстоящей валютной реформе я установил следующее (стр. 441 официального протокола):

«При изложении всех моих соображений, я исхожу, разумеется, из желания не только количественно выправить диспропорцию между предложением товаров и спросом на них, но и побороть зло в самом корне. Всякая регламентация, которая заставила бы нас, из-за все еще существующих, хотя и более слабых разногласий, сохранить теперешнюю форму принудительного распределения, включая твердые цены, в качестве хозяйственной системы для будущего, всякая регламентация, которая не покончит решительным образом с призраком инфляции при твердых ценах, но наоборот, снова станет поощрять процесс нарастания излишней покупательной способности, либо потребует проведения новых мероприятий валютного характера, либо сможет даже способствовать продлению беды на вечные времена ...

Решительно отрицая этот экономический принцип, я, однако, ни в коем случае не проповедую необходимость возврата к либеральным формам экономики прежних времен и к безответственному предпринимательству прошлых лет.

Сегодняшняя система... должна либо принять форму более свободного рыночного хозяйства, либо повернуться в сторону абсолютного тоталитаризма. Это должен признать каждый, кто отдает себе отчет в принудительном характере нашего народнохозяйственного положения, вызванного хаосом в области валютной политики ...»

Совершенно различные мнения

Докладчик СДПГ, д-р Крейссиг, подчеркнул достаточно ясно, что он придерживается принципиально другого мнения. Однако, справедливость требует отметить, что многие, не будучи сторонниками СДПГ, думали так же. Это было неудивительно при наличии промышленного производства, достигавшего всего 50% уровня 1936 года, при возросшей на миллионы численности населения. Д-р Крейссиг продолжал (стр. 446):

«... Создается неприемлемое положение, когда приходят к выводу, что Германию можно поставить на ноги и привести в порядок ее народное хозяйство, независимо от размера помощи, которую Германия может получить, без планомерного вмешательства государства и хорошо продуманного планирования, и тогда, вместо того, чтобы вскрыть подлежащие выяснению проблемы, их затушевывают лишь потому, что этого требуют какие-то соображения или тенденции, которые хотели бы покончить с недавним прошлым и снова пойти по пути свободного предпринимательства».

Другой оратор СДПГ – Шеттле, сегодня председатель бюджетной комиссии парламента, поддержал Крейссига (стр. 452):

«Я думаю, что если мы не сумеем соединить мысль об экономическом оздоровлении Германии с мыслью о направляемой реорганизации, о перемещении отдельных секторов промышленности и определенной инициативы в другие, более важные области хозяйства, – если мы не проведем все это путем принципиальных политических решений и вытекающих из них мер, дающих направление экономике, то нам вообще ничего не удастся, ибо в порядке свободной инициативы все это, конечно, не может осуществиться ... Мы хотим хозяйственную свободу в другом смысле, чем вы этого хотите (то есть правительство). Мы имеем опыт, что так называемое свободное хозяйство означает свободу лишь для немногих, а для других – как раз противоположное».

Вернемся к памяtnому XVIII пленуму Хозяйственного совета за несколько часов до проведения валютной реформы. В ответ на пессимизм Крейссига я сказал (стр. 623):

«Я думаю, что существует полное единодушие в том, что необходимо сделать выводы из опыта системы государственного принудительного хозяйства, которое явилось результатом хаотической, более того, – просто преступной финансовой, хозяйственной и валютной политики. Надо отдать себе отчет в том, что крушение этого порядка или кажущегося порядка, на самом деле беспорядка, – означает не только крушение данной системы, но и крушение идеи всех форм государственного принудительного хозяйствования ...

Во всех слоях нашего народа существует только одно единственное стремление освободиться от этой смирительной рубашки ... Следовательно, может быть только один путь – вернуться к форме более свободного рыночного хозяйства, снова упразднить принуждение, которому был подвержен каждый в отдельности и которое мучило буквально каждый день всех – от потребителей до производителей».

При наличии многочисленных требований относительно государственного влияния на ценообразование я посчитал нужным высказать в Хозяйственном совете, еще до проведения валютной реформы, мое убеждение, что принудительное распределение и отсутствие свободы в ценообразовании нельзя отделить одно от другого. Тот, кто требует одно, должен отдавать себе отчет в том, что ему придется принять и другое (стр. 623):

«... Не будем сами себя обманывать – весь германский народ это знает, – что принудительное распределение, с одной стороны, и твердые цены, с другой, были признаком бесхозяйственности, под которой народ стонал 15 лет. Если мы не решили бы взяться за ликвидацию этих классических симптомов нашей бесхозяйственности, то никто в народе не поверит, что валютная реформа действительно приведет к оздоровлению экономики...

Невозможно одновременно направлять экономику с двух сторон. Нельзя совместить административное регулирование потока товаров (все равно, по каким распределительным признакам), с другим распределением, определяемым естественным спросом. Этот спрос

образуется в результате свободного выбора продуктов потребления каждым отдельным гражданином... Однако я лично самым категорическим образом отрицаю принцип планирования там, где это принудительное влияние государства должно привести к мучению с утра до вечера каждого отдельного гражданина, как потребителя, так и производителя».

Прыжок в холодную воду

На только что приведенные аргументы ответил опять Крейссиг (стр. 638):

«Аргументы, которые были нам только что представлены, как раз затрагивают вопрос, на который я хотел бы обратить внимание, когда говорил о „стальном душе свободных цен“ для предпринимателей. Мне кажется, что это весьма сомнительный способ – бросить в холодную воду смертельно больного человека, а ведь германское хозяйство является этим смертельно больным человеком уже в течение трех лет. Настоящий размер болезни и слабость пульса этого больного хозяйства мы четко сможем установить в день валютной реформы.

Я заявляю, что моя фракция в этом не намерена участвовать...

То «немножечко» в повышении заработной платы, которое отвоюют себе рабочие после валютной реформы, ограничится для каждого в отдельности, примерно, размерам лишней пары чулок или лишней рубашки ...»

Подтвердила ли практическая жизнь этот пессимизм, который ожидал лишь этого «немножечко» в повышении заработной платы?

Федеральное статистическое бюро сообщает следующее:

Данные о часовой заработной плате – брутто – рабочих-мужчин (без горной промышленности)

1948г. – 1.12 НМ	1954г. – 1.84 НМ
1950г. – 1.38 НМ	1955г. – 1.96 НМ
1952г. – 1.71 НМ	1956г. – 2.13 НМ
Февраль 1957 г. – 2.23 НМ	

Источник: Федеральное статистическое бюро)

СДПГ поспешила осудить первые проявления рыночного хозяйства, может быть, предугадывая, что в недалеком будущем ее резкую критику больше не будут принимать всерьез. Едва три недели после проведения валютной реформы оратор СДПГ – Зайферт (член Бундестага первого и второго созывов от СДПГ и специалист по финансовым вопросам) заявил на XIX пленуме Хозяйственного совета 8 и 9 июля 1948 года (стр. 700):

«Господин д-р Пюндер нам доложил, что люди с какой-то новой верой, с чувством внутреннего облегчения стоят перед витринами. Я думаю, настоящие чувства другие. То, что здесь произошло, вызвало раздражение, за немногие дни углубило социальные противоречия, что представляет собой опасность и является предостережением против дальнейшего следования по этому пути.

Какова же действительность?

Может быть и верно, что те или иные граждане, даже самые мелкие потребители, не без радости ощущают возможность купить снова то или другое, к улучшению снабжения это еще не привело...»

Перед лицом эволюции народного хозяйства в эти первые недели и месяцы после валютной реформы, СДПГ, которая, очевидно, не могла отойти от своей принципиально оппозиционной тактики, стала впадать во все большие противоречия. На XX пленуме Хозяйственного совета (17-20 августа 1948 г.) социалдемократический эксперт по вопросам права д-р Арндт констатировал (стр. 785):

«Если мы хотим остаться верными исторической правде, то мы не должны забыть об одном событии, которое было вызвано к жизни не профессором Эрхардом, а также и не нами

всеми, потому что мы его вызвать не могли, а именно, – о валютной реформе. Если улучшения наступили, то они наступили в результате валютной реформы» ...

Д-р Арндт забывает, что его коллега д-р Крейссиг еще 17 и 18 июня 1948 года (как только что упоминалось) заявлял:

«Мы увидим, что валютная реформа не принесет с собой никакого чуда, мы не ожидаем также чудес от влияния валютной реформы на нормальный ход первоначального развития народного хозяйства, и, в частности, производства. Новая валюта ничего не меняет в производственной базе Германии».

СДПГ не оставляла сомнений в том, что она стремилась низвергнуть инициатора социального рыночного хозяйства. Она все больше чувствует, насколько результаты экономической политики отразятся на ней, как партии. На этом XX пленарном заседании СДПГ вносит предложение, чтобы директор Управления по делам хозяйства был смещен со своего поста. Это предложение было отклонено после страстной дискуссии большинством 47 голосов против 35. Депутат СДПГ Шеттле произнес длинную и яростную обвинительную речь (стр. 786);

«... известно, что с самого начала мы не имели никакого доверия к политике господина профессора Эрхарда ...

Мы предостерегали от темпа, с которым господин директор Управления по делам хозяйства хотел пойти по пути отмены предписаний, касающихся принудительного распределения и твердых цен ...

Мы указывали на то, что мы против принудительного хозяйства, как мы его унаследовали от национал-социализма, и на то, что недостаток на протяжении ряда лет во многих областях нашего хозяйства будет постоянным явлением, и что ограничение свободы лежит в интересах справедливого снабжения широких масс нашего трудящегося населения, в интересах социального мира. Это необходимо на какое-то время. Мы без стыда признаем необходимость этого ограничения свободы».

Насколько было справедливо это предсказание, что недостаток будет в течение ряда лет постоянным явлением? Из обильного статистического материала возьмем некоторые данные:

	1
	9
	4
	9
О	4
бу	1
вь	3
ко	3
ж	4
ан	
ая	
в	
м	
лн	
.	
па	
р	
В	4
ы	3
ра	3
бо	9
тк	3

а ш ер ст . пр я ж и (в то н на х)	1 4 1 7 2 9
В ы ра бо тк а хл оп ч. -б у м а ж н. пр я ж и (в то н на х)	1 4 1 7 2 9
Д а м ск ие чу лк и (м лн . па р)	2 3 , 0 *
Ф	3

ар ф ор дл я до м а ш н. хо з. (в то н на х)	8 1 5 4
П ап ир ос ы (м лн · ш т.) (П от ре бл ен ие)	2 2 , 0 9
К о ф е (в кг) на ду ш у на се ле н ия (0 , 4 8

*) 1950, цифры за 1949 нет.

С 1955 на 1956 гг. производство товаров широкого потребления выросло еще на 8,34%.
(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Оратор фракции СДПГ Шеттле продолжает:

«Вы намечаете для значительной части нашего населения уровень жизни, который далеко ниже прожиточного минимума, и вы знаете, что это так. Мы предостерегали от прыжка в холодную воду . . .

Я вполне уверен, что вы будете верить в свои теории до тех пор, пока реальность вас не приведет к абсурду...

В Германии миллионы людей надолго не будут в состоянии принимать участие в каком-либо соревновании, если на основании рецепта господина профессора Эрхарда деньги будут единственным бонусом (бецугшейн) на получение товара»...

Это замечательное утверждение Шеттле приводит к единственному логическому выводу, что СДПГ хотела бы дать в руки потребителя иной бонус («бецугшейн»), нежели деньги, с тем, чтобы этот другой бонус, независимо от денег, давал бы окончательное право и возможность купить желаемый предмет. Здесь ясно, что СДПГ чувствовала, что ее постоянное отрицание свободного образования цен привело бы к карточной системе («бецугшейнов»). Шеттле продолжал:

«Вы пытаетесь в Германии делать политику, которая на самом деле является не чем иным, как материальной и психологической подготовкой широких слоев нашего народа к инфильтрации с востока. Практический результат вашей политики заключается в том, что вы доведете людей до отчаяния в результате того, что вы называете свободой . . .»

В объятия коммунизму?

Как в действительности обстояло дело с «отчаянием», которое должно было привести людей в объятия коммунизма? Коммунистическая партия получила на выборах в первый германский парламент 14 августа 1949 г. 1.362 тыс. голосов, или 5,7% всех голосов, при следующих выборах в парламент 6 сентября 1953 года только 2,2% (607.860) голосов. В связи с упомянутым утверждением казалось уместным повторно выразить мою приверженность к принципу рыночного хозяйства (стр. 797):

«Я представляю себе, что бы произошло, если бы мы не пошли этим путем, а действовали более осторожно, т. е. провели бы валютную реформу при помощи полумер – неполной отмены карточной системы и принудительного ценообразования. Какое учреждение было бы в состоянии давать бонусы („бецугшейны“) без знания рынка? . . .

Здесь было сказано, будто возможно отделить одно от другого принудительное распределение и образование цен, будто возможно ввести одно и опустить другое. При ближайшем рассмотрении и это оказывается полнейшей иллюзией. Принудительное распределение и политика установления цен связаны друг с другом как сиамские близнецы, но как и эти близнецы являются совместно не чем иным, как уродством».

На XXII пленуме Хозяйственного совета (27 сентября -1 октября 1948 года) эксперт СДПГ по делам сельского хозяйства – Герберт Кридемманн – поставил еще раз щекотливый вопрос:

«Разве что-нибудь улучшилось, что имело бы решающее значение?»

Он заявил (стр. 990):

«Профессор Эрхард сегодня снова преподнес свою теорию не считаясь с тем положением, что противоречия обостряются тем больше, чем дольше применяется эта теория. Мы находимся только в начале длинной цепи повышения цен...»

Получило ли это предсказание подтверждение в дальнейшем развитии цен? Индекс общей стоимости жизни (1938 = 100, по потребительской схеме 1949 года) показывает следующее развитие:

Сентябрь 1948 – 159

Декабрь 1948 – 168

Март 1949 – 167

Июнь 1949 – 159

Сентябрь 1949 – 155

Этот пленум Хозяйственного совета имеет и в другом отношении историческое значение: на нем был отменен запрет повышения ставок заработной платы. Эти ставки – типичное дитя военного и принудительного хозяйства. Принятие этого важного по своим последствиям закона потребовало всего лишь несколько минут. Д-р Ханс Велльхаузен, в то время один из видных членов ФДП (либералы), обратил внимание на следующее (стр. 976);

«Совершенно необходимо, чтобы за отменой твердых цен и принудительного распределения последовала бы также отмена запрета повышения ставок заработной платы».

На 24 пленарном заседании Хозяйственного совета 9 и 10 ноября 1948 года Кридеман повторил следующее (стр. 1110):

«То, что здесь называют свободным народным хозяйством, является не чем иным, как результатом такого рода соображения: каким образом нам удастся и после валютной реформы продолжать вести этим замечательным способом наши дела, при котором сильные обрастают жиром за счет слабых ...?»

Наше требование состоит в том, чтобы был установлен контроль за использованием тех видов сырья, которые идут на производство жизненно необходимых товаров. Столь же важным, как контроль поступлений сырья, является и контроль над его правильным использованием ...

Со всей настойчивостью во всяком случае мы предъявляем требование об учреждении независимого контроля цен».

В связи с повышением цен во второй половине 1948 года, отрицать которое не приходится, едва ли многие завидовали моему положению и моим задачам. Мой контрольный вопрос гласил (стр. 1115):

«Поскольку мы не хотели сразу же вызвать снова появление излишней покупательной способности, постольку мы должны были допустить выравнивание цен. Мы должны были придти снова к экономическому равновесию на новой основе. От этого мы никуда не уйдем. Может быть, вы мне скажете, каким образом какое-либо учреждение могло бы не ограничивать одну часть покупательной способности, а другую связывать, и для каких товаров оно должно было бы провести рacionamento?»

Бессмысленная всеобщая забастовка

Это заседание имело место непосредственно перед объявленной забастовкой, при помощи которой в первый раз и до сих пор в последний в германской истории была сделана попытка «сместить» социальное рыночное хозяйство при помощи забастовки. Мое мнение по этому поводу было следующим (стр. 1119):

«Я придерживаюсь мнения, что эта забастовка действительно не имеет никакого оправдания. Если она имела целью обратить мое внимание на то, что еще не все дела в порядке, что еще многое надо сделать, что на нас возложен социальный долг установить благоприятное соотношение между ставками заработной платы и ценами, то тогда она была излишней. Ибо и я тоже знаю, что мы должны делать... В этом вы можете быть уверены ...»

На XXVII пленарном заседании 2 и 3 декабря 1948 года экономический эксперт СДПГ

Крейссиг назвал проводимую мною политику катастрофической (стр. 1205):

«Экономическая политика, которая после проведения валютной реформы привела к социальным несправедливостям в чудовищной пропорции, была политикой, проводимой на основании закона о директивах. Этот закон (который дал мне возможность отменять предписания, регулирующие принудительное распределение и устанавливавшие твердые Цены)... был самым катастрофическим законом, который „правые“ провели в этом собрании. Экономическая политика, которая проводилась на его основании, была также катастрофической».

Борьба продолжалась и в последующие недели. Оппозиция теперь ухватилась за идею создания независимого ведомства цен. Это ведомство должно было, по мысли его сторонников, вырвать политику ценообразования из моих рук. На это требование я ответил на XXVIII пленарном заседании (стр. 1263):

«... Если проект создания независимого ведомства цен вообще может иметь какой-то смысл, то только тот, что такое самостоятельное ведомство сможет успешнее и лучше устранять с пути те экономические шероховатости, от которых мы страдаем. Я здесь часто уже указывал, что представляется совершенно ошибочным усматривать во многих явлениях в области цен последствия экономической политики. Тем временем стало ясно, что это выправление цен и нахождение нового уровня их были непрямым следствием валютной реформы.

Дело сводилось исключительно к тому, чтобы подогнать уровень цен к изменившемуся объему денежного обращения и этим самым к международному уровню цен ...

Это независимое ведомство цен стало бы проводить точно такую же политику цен ... или же, если оно повело бы другую политику, то это могла бы быть лишь политика возвращения к прошлому. Этот возврат привел бы к тому, что товары снова исчезли бы с рынка и восстановилась бы вся обстановка инфляции при запрете повышения цен ...»

С проведением валютной реформы в народное хозяйство была внесена та ясность, которая позволила снова понастоящему заняться калькуляцией. Кроме того, существовавшая при прежнем положении неясность скрывала за собой псевдозанятость. Еще до валютной реформы я указывал, что процесс перемещения различных факторов в социальной структуре будет связан со значительной безработицей. Это надо было принять как нечто неизбежное. Увеличение безработицы вызывало повсеместно большие заботы. Здесь требовалось сохранить крепкие нервы. На XXXVII пленарном заседании Хозяйственного совета (23-25 мая 1949 года) я заявил (стр.1663):

«... Мы должны сделать все, чтобы решить эту серьезную социальную проблему. Но не забывайте то, что я уже сказал: мы должны проводить кредитную политику „средней линии“. Мы не можем не оказывать давления на экономику, – это необходимо для преодоления многих дефектов в структуре народного хозяйства, которые постепенно накопились за 15 лет. Мы не смеем отказаться от попыток заставить экономику добиваться высшей степени рационализации, заставить ее выкорчевать все то, что не выполняет подлинную экономическую или социальную функцию.

Понижение цен, которое нами достигнуто с начала января, косвенно означает улучшение социального положения, повышение реальной покупательной способности. На это и была направлена наша кредитная политика. Если мы вдруг слишком быстро и резко переменим курс нашей политики, если мы допустим в широком масштабе послабления, то может оказаться, что этот социально здоровый процесс остановится скорее, чем это было бы желательно при имеющихся сегодня место условиях жизни народа...»

СДПГ использовала это без сомнения тяжелое положение в качестве повода для того, чтобы объявить о якобы «латентном (скрытом) кризисе рыночного хозяйства» (стр. 1750):

«... В Управлении по делам хозяйства все еще не пришли к сознанию того, что народное хозяйство после валютной реформы развивается совсем не так, как нам об этом возвещали в оптимистической форме. В известной степени мы находимся в состоянии более или менее скрытого кризиса, выхода из которого еще не видно...»

В противовес этой точке зрения я сказал (стр. 1753):

«Я думаю, что мы должны действовать живее. Последние три четверти года показали насколько вообще проблематично это плановое хозяйство. Цифрами можно все доказать, но только эти цифры могут быть сметены действительностью.

Это относится и ко всем программам, например, и к тем, которые следует выработать для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему росту безработицы, и для планирования капиталовложений, которое мы провели ... Я решительно отклоняю любое принуждение такого рода в целях капиталообразования. Все сводится к тому, чтобы капитал создавался органическим путем. Я убежден – безразлично, будут ли этому верить или нет, и в этом собрании мне уже во многом не верили, – что современный застой можно преодолеть при помощи средств рыночного хозяйства, в то время, как судорожная политика планового хозяйства нас несомненно приведет к тупику ...»

Исходило ли это утверждение из легкомысленного оптимизма, или в нем выразился реализм, который оправдан всем развитием хозяйства? Возьмем некоторые важные данные народного хозяйства за два следующих года:

	3 0 . 6 . 4 9
За ня т ы х (в м лн)	3 , 4 9
Бе зр аб от н ы х (в т ы с.)	1 . 2 8 3
И н де кс пр о м пр	8 7 , 4

1936 = 100

Безработица доставляет заботы

Обеспокоенная числом безработных (свыше 1,5 млн. человек в конце 1949 года), но не принимая во внимание рост занятых в народном хозяйстве рабочих рук и бурный рост промышленной продукции, СДПГ повторила на XXXVI пленарном заседании Бундестага (парламента) 9 февраля 1950 года свои нападки на рыночное хозяйство. Министр народного хозяйства земли Северный Рейн-Вестфалия, ныне покойный, д-р Нольтинг сказал от имени оппозиции (стр. 1141):

«... Я хотел бы, милостивые государыни и государи, чтобы мы все на короткий момент остановились на том, какого масштаба нужду, отчаяние и безвыходности эти цифры (безработицы) в себе содержат. Во всяком случае, после войны положение на рынке труда еще никогда не было таким тревожным, как в настоящее время, и всем успехам хозяйственной политики, весьма скромным успехам, которые могли быть достигнуты до сих пор, угрожает опасность, поскольку не удастся затормозить эту грозящую нам эволюцию, которая начинает подмывать наш фундамент ... (стр. 1142).

При этом, индекс ежедневной продукции, который в 1936 г. был равен 100, упал с 98 в ноябре до 95 в декабре. Данные для января мне еще не известны. Во всяком случае, мы еще очень далеки от нормализации хозяйственных условий. Западногерманскому хозяйству грозит остаться на уровне 90% – 95% 1936 года, причем мы не должны забывать, что численность населения увеличилось на 20%. Если же финансовые и хозяйственные циклы замкнутся на этом уровне, то тогда миллионы рабочих рук окажутся лишенными всякой возможности включиться в производственный процесс».

Конечно, министр Нольтинг на первый взгляд был прав, но только на очень короткое время сезонного развития: Индекс промышленного производства упал с 102,2 в ноябре 1949 года до 90,9 в январе 1950, но он поднялся к ноябрю 1950 года, – т. е. за год, – до 133,3, чтобы затем на протяжении 1951 года достичь уровня 147,8 (в ноябре). Нольтинг продолжал:

«Я не знаю, придерживается ли господин министр и сегодня своей теории „самоочищения экономики“. Я уже в то время указывал на процесс развивающегося худосочия в народном хозяйстве. Сам профессор Эрхард, который всегда излучал неистощимый оптимизм, как будто превратился в довольно робкого Геркулеса ... (стр. 1144).

Хозяйственная система с растущей безработицей без шансов на ее устранение дала довод против себя самой. Зданию германского хозяйства грозит обвал, если в порядке безыдейной пассивности предоставить вещи самим себе.

Социальный кризис грозит болезненно обостриться. Проблема нужды и обеднения не может быть разрешена путем применения принципов «лессе фер» (laisser – faire), принцип невмешательства государства.

Для нас, социал-демократов, решающим конъюнктурным барометром является эволюция численности занятых и безработных...»

Д-р Нольтинг здесь объявил, что для социал-демократов число занятых и безработных является решающим конъюнктурным барометром. Возникает вопрос, имеет ли это утверждение силу для СДПГ и сегодня, ибо оно дает лучшее подтверждение правильности рыночного хозяйства. Что говорит статистика?

	с
	р
	е
	д
	н
	е
	м
	з
	а
	1
	9
	4
	9
	г
	.
За	1
ня	3
т	.
ы	5
х	4
в	3
на	
р.	т
хо	в
з.	с
	.
Бе	1
зр	.
аб	2
от	3
н	0
ы	
х	т
	в
	с
	.

(Данные: Федеральное статистическое бюро)

Отклониться от тропы добродетели?

В связи с царившей тогда безработицей Нольтинг потребовал (стр. 1147):

«Следовало бы переключиться с проводившейся до сих пор антиинфляционистской политики защиты валюты на антидефляционную конъюнктурную политику, чтобы выйти из самоубийственной спирали нищеты: безработица, дальнейшее понижение покупательной силы, усиленное заторможение сбыта, повышение безработицы... Нужно действовать, даже при наличии известных, экономически опасных, моментов...»

Этим был подан совет, который я не мог обойти молчанием (стр. 1154):

«Кризис дефляции – это состояние, которое отличается тем, что в народном хозяйстве отсутствуют готовность и тяга к капиталовложениям; это состояние, которое приводит к

длительной „бездеятельности“ денег и к изъятию капиталовложений. Я констатирую: как раз противоположные признаки имеются в нашем сегодняшнем хозяйстве – явный голод в вопросе капитала... (стр. 1213)

Вы можете говорить, что вы хотите: в момент, когда вы грешите в деле валютной политики, когда вы хотите создать миллиарды, чтобы немедленно добиться полной занятости, вы можете достичь этого только, если допустите повышение цен. Но, поскольку вы говорите, что повышение цен вашей догмой не допускается, вам тогда придется снова организовать все те учреждения, которые должны будут искусственно предотвратить повышение цен и которые приведут нас снова к принудительному хозяйству, которое мы счастливо преодолели ...»

Баварский председатель профессиональных союзов и депутат СДПГ Вённер предостерегал на том же заседании министра народного хозяйства (стр. 1175):

«... Вы сегодня снова указали на то, что немецкий народ выразил свое доверие проводимой экономической политике, что это выразилось в результатах выборов 14 августа 1949 года. Я хотел бы вам сказать: вы должны были бы остерегаться стать жертвой психологического обмана. 14 августа дало оценку с точки зрения абсолютной нулевой точки, в сравнении с которой экономическое положение Германии улучшилось... Не думайте только, что люди психологически остановились на этой нулевой точке мая 1948 года ...»

Конечно, при суждении об экономической политике люди не остановились на нулевой точке. Но дальнейшие успехи не заставили себя ждать. ХДС (Христианско-демократический союз) получил 6 сентября 1953 года 12,44 млн. голосов против 7,36 млн. голосов 14 августа 1949 года, не в последнюю очередь вследствие успехов в области народного хозяйства и экономической политики!

15 февраля 1950 года депутат СДПГ д-р Фейт, являвшийся министром народного хозяйства Баден-Вюртемберга, дал следующее определение задач хозяйственной политики (стр. 1246):

«Целью политики должны быть: наличие экономического аппарата, который мог бы обеспечить работой всех желающих работать в стране, и производство, которое могло бы покрыть внутренние потребности, как непосредственно, так и путем внешней торговли, и, наконец, производительность, которая позволила бы германскому хозяйству с точки зрения качества и цен начать конкуренцию с другими странами на мировом рынке...»

Министр Фейт не оставляет никаких сомнений относительно того, что он считает социальное рыночное хозяйство непригодным для достижения этой цели (стр. 1250):

«Стремительный прыжок в так называемое свободное народное хозяйство, которое на практике все пронизано организацией картелей, привело к ряду последствий. Множество людей было ограблено в результате высоких цен в эпоху недостатка, что вызвало перемещение имущества, связанное с усилением социальных противоречий. Другое роковое последствие сводилось к тому, что капитал, которого и без того недоставало, не мог быть использован там, где в нем чувствовалась острая нужда.

Если рассматривать положение с этой точки зрения, то фирменная вывеска «социальное рыночное хозяйство» потерпит еще более сильный урон в правдоподобности этого обозначения. Положение очень серьезно, и никто, даже предприниматель, который в новых условиях мог упорядочить свое положение, не может от этого испытать никакой радости...»

Кроме этих нападок, в адрес министра народного хозяйства раздались резкие выкрики со стороны председателя СДПГ д-ра Курта Шумахера (стр. 1257). Я заявил:

«... Мы не собираемся применять средства, которые, скажем совсем ясно, могут лишь вернуть к принудительному хозяйству (смех и возгласы на скамьях СДПГ, одобрения со стороны правительственных партий). Дело не в том, можем ли мы продолжать либеральную политику как самоцель. Дело в другом: эта политика должна нас защитить от возврата к обстоятельствам, которыми характеризуется сущность и система принудительного хозяйства, а этот возврат осуществился бы путем дополнительного истощения кредитов,

путем увеличения спроса, который не может быть удовлетворен, путем восстановления рационализации и введения мер принудительного сокращения покупательной способности, путем чрезмерного закручивания налогового пресса и путем уничтожения рынка капиталов (голос из рядов СДПГ: А безработные?).

Вы не сократите безработицу в большей степени, чем это сделаем мы, но если бы это вам удалось, вы провели бы это ценой развала германского хозяйства и общественного порядка (одобрения на скамьях правительственных партий, смех и возгласы со стороны СДПГ).

Ваше враждебное отношение к экономической политике правительства объясняется в немалой степени еще и тем, что она разрушает бюрократию в нашем хозяйстве (оживленное одобрение правительственных партий. – Депутат Шеттле: «То, что вы говорите, это совершенная глупость!» Возгласы социал-демократов. Доктор Шумахер: Но ведь бюрократы заботятся о безработных, вы же нет!) – Вы так воображаете! (Овация на скамьях правительственных партий). Экономической политикой правительства разбивается ваша мощь, покоящаяся на бюрократии. И если до этого вы спросили, совместима ли наша экономическая политика с христианскими воззрениями,.. (д-р Шумахер: «Что вы об этом знаете!?»), то на это я могу сказать: христианской является та экономическая политика, которая помогает людям, помогает каждому в отдельности, и эту политику проводим мы! (Оживленные одобрения на правительственных скамьях – выкрики слева)...

СДПГ не отступает от своего настойчивого требования – преодолеть безработицу путем увеличения кредитов, которое в то время могло бы привести к росту цен, в результате чего наша валюта была бы поставлена под удар. 1 июля 1950 года депутат СДПГ Курльбаум, известный специалист по экономической политике своей партии, юрист и экономист, руководящий работник ряда значительных предприятий, заявил (стр. 2376):

«... Только тогда выполнимо расширение кредитов, действительно достаточное для преодоления безработицы, когда не срывают все плотины, которые еще сдерживают нежелательное развитие цен ...»

28 июля 1950 года СДПГ снова пыталась нанести удар; ее предложение об удалении министра народного хозяйства со своего поста было отклонено 187 голосами против 142, при 28 воздержавшихся. Я тогда заявил (стр. 3043):

«... Господа, вы хотите устранить человека, который с успехом оказывал вам сопротивление! (Оживленные одобрения на правительственных скамьях. Депутат Шумахер: „Мы вас еще никогда человеком не считали“). Господа, я кончаю и по поводу вашего предложения о моем удалении скажу только одно: эх, как это вас устроило бы! (Оживленные одобрения со стороны ХДС и Германской партии. Возбужденные возгласы депутатов СДПГ, большое движение слева)».

Патентованные рецепты не помогают

На 102-м заседании парламента начались широкие и страстные дебаты по поводу того, выдержало ли испытание рыночное хозяйство, а еще больше по поводу защиты этого хозяйства во время корейского кризиса и связанного с ним повышения цен.

В это критическое время многие депутаты Бундестага начали сомневаться, правильно ли придерживаться и дальше рыночного хозяйства и возможно ли это. На 102-м заседании парламента 15 ноября 1950 года, один из представителей СДПГ сказал в связи с имевшими место затруднениями в области снабжения сырьем (стр. 3733):

«... Тогда, как и сегодня, дело касалось снабжения углем. Сегодня мы, а с нами и миллионы немецких граждан, задаем вопрос правительству ГФР и, прежде всего, министру народного хозяйства, желают ли они сделать необходимые выводы из крушения экономической политики или же весь народ должен снова нести все тягостные последствия неудавшейся экономической политики? ...»

На заседании Бундестага 14 ноября 1950 года, касаясь снабжения углем, я старался

добиться трезвой постановки вопроса (стр. 4038):

«... Заявлять, что все происходящее (корейский кризис и его последствия) можно было предвидеть заранее – демагогия. Этого не могли предвидеть ни в одной стране. Во всем мире имеют место те же явления, которые мы наблюдаем в Германии, и я могу вам сказать, что все большее количество стран в Европе обращается к нам, чтобы узнать, каким образом мы добились того, что у нас цены остались более устойчивыми, чем во всей Европе .. .»

Конечно, не приходилось отрицать, что положение со снабжением углем стало затруднительным. Однако, угольная промышленность принадлежала к отраслям, где принципы рыночного хозяйства в наименьшей степени находили применение. Положение, без сомнения, было трудным, но давало ли это оппозиции право называть его в своей критике катастрофическим? Из следующего баланса снабжения каменным углем (включая кокс и брикеты) можно уяснить себе тогдашнее положение:

Баланс в миллионах тонн

	Д
	с
	б
	ы
	ч
	а
19	1
50	0
	3
	,
	0
19	1
51	0
	9
	,
	9
19	1
52	1
	3
	,
	6

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Не совсем легко было сохранить спокойствие, когда предлагались всевозможные патентованные рецепты. Стоит вспомнить 114 заседание Бундестага 25 января 1951 года, на котором я указывал (стр. 4320):

«...Что касается вопроса... экономии на освещении и использования этой экономии на

домашнее отопление, то я могу сообщить, что экономия на освещении составляет приблизительно 8.000-10.000 тонн. Если я дам каждому домашнему хозяйству в Германии по 1 центнеру угля, то потребуется 700.000 тонн. Я прошу сделать из этого сравнения полезные выводы!»

В момент наивысшего напряжения в корейском конфликте СДПГ снова предприняла попытку устранить социальное рыночное хозяйство. Об этом свидетельствуют парламентские отчеты за те месяцы. Они и сегодня еще дают представление о страстности этого спора.

На 126-м заседании парламента 14 марта 1951 года с наиболее резкими нападками выступил Нольтинг (стр. 4806):

«... Хозяйственная политика стоит сегодня в центре внимания общественности. Я думаю, однако, что это страстное участие и заинтересованность общественности наверняка не прибавляют славы господину Федеральному канцлеру и его министру народного хозяйства... Я думаю, милостивые государыни и милостивые государи, что это звучало слишком гордо, когда господин министр народного хозяйства определил свою речь, как программную (возгласы социал-демократов: „Очень хорошо“!). В действительности это была попытка пролепетать какие-то извинения (движение на правительственных скамьях, крики „Пфуй“, одобрения у депутатов СДПГ). Эта речь содержала много интересных слов, непривычных для уст, огласивших их. (Депутаты из СДПГ: „Правильно“!).

Господин профессор Эрхард! То, что вы сообщили сегодня с этой трибуны, было мумией вашего рыночного хозяйства (одобрения со стороны депутатов СДПГ).

Я хотел бы вас спросить, когда вы смотрите в зеркало, вы себя еще узнаете? (Смех, одобрения у СДПГ).

Когда прислушиваешься к рассуждениям рядового человека, узнаешь, что он встревожен безработицей, о которой господин министр народного хозяйства опять умолчал. (Возгласы: «Правильно!» на скамьях СДПГ). Безработица в 1,5 или 1,6 млн. воспринимается правительством почти как постоянная величина. Я говорю: помимо безработицы, упомянутые мной рассуждения простых людей касаются в первую очередь цен.

Этим затронута самая жгучая тема. Конечно, при повышении цен повышенные тенденции на мировом рынке, в результате обусловленной вооружением конъюнктуры, играют роль, которую нельзя отрицать. И мы также не предлагаем, чтобы мы полностью отгородились от этого повышения цен и чтобы цены замерли на определенной точке., но можно было принять больше мер предосторожности, чтобы натиск повышающихся цен не навалился на нас со всей своей стремительностью», в результате чего кирпичи стали бы падать нам на голову, как это наблюдается теперь...»

Верно ли, что рост цен с полной силой ударил по немецкому потребителю? Что дает нам сравнение международных данных?

Индекс стоимости жизни (1950 = 100)

С	А
Ш	н
А	г
	л
	й
	я
И	9
ю	9
нь	
19	
50	

С	1
ен	0
т.	2
19	
50	
Д	1
ек	0
.	4
19	
50	
М	1
ар	0
т	7
19	
51	
И	1
ю	0
нь	8
19	
51	

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Дилетантство и факты

Министр Нольтинг сказал в той же речи:

«Неверная политика цен, начавшаяся со слишком спешной ликвидации регулирования цен летом 1948 года, была также причиной того, что мы оказались и в другом отношении в бедственном положении, последствия чего мы ощущаем еще сегодня, – это те узкие места, которые тормозят дальнейший рост выпуска продукции ...

Видите ли, милостивые государыни и милостивые государи, если каждый может по своему усмотрению проводить инвестирование и расширять свое производство по собственному вкусу, то тогда такому предпринимателю потребуется в будущем больше угля, стали, электроэнергии, газа, т. е. всего того, чего у нас нет в достаточном количестве. Уже поэтому мы не можем согласиться с любым увеличением производства и мощности производственных установок, разве что хотя бы часть капиталовложений была перемещена в те участки, где имеются узкие места. Наконец, упомянутые узкие места все больше тормозят наш экспорт. Наши данные о вывозе – и это особенно огорчительно – отстают от наших цифр ввоза, и наша задолженность другим странам растет с каждым днем...

В сущности своей либерализация импорта является хорошей идеей, однако она не может рассматриваться вне времени. Конечно, большой вывоз, если он только достижим, и мы предпочитаем пониженному ввозу. На эти, само собой разумеющиеся вещи, не следовало бы вообще нам указывать.

Однако, мы утверждаем: также и по рельсам либерализации нельзя ехать без расписания. Господин профессор Эрхард сказал: надо побольше покупать у других, и тогда они тоже будут забирать у нас значительное количество товаров! Однако, при этом, к сожалению, имели место знакомые нам затруднения погрузочного порядка, и теперь перед нами растет угрожающая нам гора иностранных долгов. Мы слишком необдуманно и поспешно дали своего рода аванс, что не привело ни к какой ответной реакции у наших торговых партнеров («Правильно!» – возгласы на скамьях СДП)...

Нам, как слабейшему звену в цепи европейских хозяйственных стран, не пристала роль водителя; мы не можем изображать собой «бойкого пионера». Ведь обычно понятие «попучика» у нас так популярно. (Смех).

Бананы и калифорнийские фрукты, финики и фиги, лимоны, апельсины и грейпфрукты, белый и черный виноград из Болгарии, омары, икра и губная помада – никто против этого не возражает! Но здесь проявилось легковверное дилетантство, проявилась опасная и необоснованная мания величия, и со всеми нашими предостережениями не считались. («Правильно!» – возгласы на скамьях СДПГ) ...»

Подтвердили ли факты действительности правильность подобного суждения о «дилетантстве», о «мании величия»?

Когда министр Нольтинг рисовал эту мрачную картину, наш торговый баланс, правда, был еще пассивен по отношению к Европейскому платежному союзу (25,5 млн. н. м. в марте 1951 года), но уже Дальнейшие месяцы привели к весьма внушительной перемене в сторону активизации нашего торгового баланса. Банк немецких земель дает по этому поводу следующую сводку:

Торговый баланс в млн. немецких марок

А пр ел ь	И н н н
В во з	6 2 1 , 1
В ы во з	8 4 8 , 2
А кт ив но е са ль до	2 2 7 , 1

При наличии такого положения единственным правильным решением было не следовать совету Нольтинга ограничиться ролью попутчика. Продолжая свою речь, Нольтинг договорился даже до того, что потребовал вычеркнуть служебный оклад федерального министра народного хозяйства, и заявил далее:

«... Мы позволили себе больше роскоши, чем это допустимо при наличии индекса промышленного производства в 117 ... так можно кончить банкротством ... Там (т. е. в Англии) прошли ту стадию, которую мы должны будем еще пройти. Там, оздоровление пришло через голод, в то время как у нас тонкий верхний слой общества – господин председатель простит мне эти слова – обожрался от роскошного потребления. („Правильно!“ – возгласы на скамьях СДПГ)».

Было ли подтверждено фактами это страстное обвинение, которое, конечно, не могло не взбудоражить слушателей? В Англии, которую Нольтинг приводил в качестве примера, достойного подражания, в 1951 году обнаружился самый крупный дефицит внешней торговли за послевоенное время – 1.197 млн. фунтов стерлингов. Лейбористское правительство преждевременно вышло в отставку в октябре 1951 года, после полуторагодичного пребывания у власти, и должно было уступить место консервативному правительству.

Нольтинг продолжал:

«... Стоит лишь обратиться к происхождению и источнику концепции этой хозяйственной политики, чтобы всюду натолкнуться на абсурдность этой политики, которая в догматическом закоснении оказалась в безвоздушном пространстве и давно лишилась почвы под ногами ...

Я еще раз подчеркиваю: принудительное хозяйство – это искалеченное хозяйство эпохи нужды, оно никогда не желательно, но, к сожалению, иногда оно необходимо. Принудительная экономика является дополнением свободного хозяйства, вашего свободного хозяйства (аплодисменты на скамьях СДПГ), когда оно не в состоянии развиваться дальше. Поэтому, мы опасаемся, что скоро нам предстоит новое издание такой экономики. Министр народного хозяйства ГФР, который начал борьбу с принудительным хозяйством путем пышных речей, скоро придет к тому, что он к этому хозяйству вернется... Этим, господин министр народного хозяйства, замыкается круг, и этим очерчен путь, который зам суждено было пройти ...

Сегодня министр народного хозяйства сам говорит о планировании – тот самый, который недавно еще язвительно заявил нам: немножечко планового хозяйства не бывает, как и не бывает «немножечко» беременности (громкий смех слева). Поэтому мы думаем: в этом направлении всегда будет присутствовать «немножечко» от Эрхарда (одобрения на скамьях СДПГ)...

Господа, если компетентным министром этот вывод очевидно не делается, то этот вывод должен быть преподнесен ему парламентом, и преподнесен с той весьма неприятной ясностью, к которой нас, к сожалению, принуждает существующее положение. Таким образом, от имени моих политических друзей я вношу следующее предложение СДПГ:

Бундестаг благоволит постановить:

Оклад министра народного хозяйства ГФР вычеркивается (Продолжительные шумные одобрения на скамьях СДПГ, смех и возгласы на скамьях правительственных партий, звонок председателя)».

Дальнейшее развитие народного хозяйства дало лучший ответ на речь Нольтинга. Поэтому приведем здесь только немногие выдержки из моего выступления на том же заседании (стр. 4800):

«Я хотел бы констатировать, что именно наша экономическая политика привела к тому, что немецкий народ снова получил возможность жить, что были осуществлены основные демократические права – свободный выбор профессии и свобода в выборе товаров, что германский народ мог снова поверить в смысл труда только в результате этой политики, что на основании этой хозяйственной политики стала возможной стабилизация валюты, и что,

наконец, нам удалось снова возродить из развалин нашу внешнюю торговлю.

Эти основы нашей экономической политики остаются в силе и впредь ...

Таким образом, если мы твердо стоим за наши принципы, то мы готовы и к тому, чтобы при необходимости изменять наши методы и способы (в связи с эволюцией, имеющей место в результате корейского конфликта). Мы хотим сохранить за рынком его функцию. Но нам ясно, что кое-что в области свободного выбора местожительства и работы, кое-что в возможности действовать по свободному усмотрению должно быть заменено намеренным, планомерным и осмысленным регулированием. (Возгласы: «Слышите, слышите!» и смех на скамьях СДПГ. Крик слева: «Это же анекдот!»).

Мое положение в этой дискуссии было очень затруднительным, ибо всеобщее нервное напряжение в мире привело к принудительному распределению сырья в международном масштабе, притом в такой степени, что возможность получения многих видов сырья отдельными странами зависело от готовности этих стран применять подобные меры принудительного распределения. Международная конференция по сырью (ИМС) приступила к своей деятельности. Лично я считал такой метод мало плодотворным и, действительно, мы ограничились в этом отношении, не без некоторого лукавства, опубликованием статистических сводок. К этому у нас и сводилось все принудительное распределение. Несколько позже я к тому же получил удовлетворение в том отношении, что правильность моего понимания вещей была подтверждена международными авторитетами.

Развитие «корейской» высокой конъюнктуры вызвало заботы не только в лагере оппозиции. Несколько месяцев спустя – на 167-м заседании Бундестага 11 октября 1951 года – СДПГ высказала уверенность, что теперь рыночному хозяйству окончательно наступил конец. Доктор Крейссиг сказал по этому поводу (стр. 6822):

«... Экономическая политика ГФР началась под лозунгом „свободного рыночного хозяйства“ и „либерализации“. Эта политика кончилась весной этого года³ распоряжением от февраля о приостановке ввоза; это означает провал всей экономической политики, особенно в области внешней торговли. Тем временем, – конечно, в известной связи с тем, что происходило после возникновения корейского конфликта, – почти что все принципы и теории, которые здесь постоянно защищал федеральный министр народного хозяйства, а также и его догма, потерпели полное крушение ...

Мы повторно и постоянно заявляли и неустанно будем повторять это вновь, что при столь большой разрухе в стране народное хозяйство не может быть упорядочено без направляющего руководства и перспективного планирования.

Вы согласитесь со мной, что господин федеральный министр народного хозяйства, который взялся было за упразднение принудительного хозяйства, теперь сам по уши погряз в задаче по введению этого хозяйства, только худшего типа ...»

Правильно ли определяла СДПГ настроение населения? Д-р Крейссиг произнес свою речь 11 октября 1951 года. До этого в земле Северный Рейн-Вестфалия на последних выборах в местный парламент (ландтаг), состоявшихся 16 августа 1950 года, ХДС получил 2,29 миллиона голосов, а на последующих выборах в Бундестаг 6 сентября 1953 года уже 3,92 млн. голосов.

Можно указать еще на один пример: на выборах в Гессенский ландтаг, 19 ноября 1950 года ХДС получил 348.148 голосов, а 6 сентября 1953 года – 849.125. Эти цифры говорят сами за себя.

В это время – время бурных прений в парламенте – для министра народного хозяйства ГФР уже не было сомнений, что выросшие из «корейского» кризиса, скромные по своим масштабам зачатки принудительного хозяйства, впрочем имевшие скорее показное назначение, скоро можно будет просто «выбросить за борт». Поэтому я мог кратко установить следующее (стр. 6826):

«... Если д-р Крейссиг думает, что мы стоим на пороге введения принудительного

³ Хозяйственный совет. – Прим. перев.

хозяйства, то на это я хотел ответить: нет, я целиком ушел в заботу о том, как бы поскорее отделаться от мер принудительного хозяйствования, и переговоры и устремления, направленные к этому, идут полным ходом. Следовательно, пойдем как раз в противоположном направлении (одобрения на скамьях правительственных партий)».

Новый примирительный тон

На этом закончились последние крупные дебаты в германском парламенте по вопросу – быть или не быть рыночному хозяйству. На выборах 6 сентября 1953 года избиратели дали такой недвусмысленный ответ, что даже в рядах самой оппозиции почувствовали, что она стояла далеко не на правильном пути со своей непонятной народу и далекой от реальной действительности критикой. Правда, в следующие годы некоторые споры продолжались, однако, если просматривать последующие протоколы Бундестага, то среди них нельзя найти ни одного, который страстностью и резкостью прений мог бы сравниться хотя бы немного с протоколами Хозяйственного совета и Бундестага первого созыва.

Несколько иной, более примирительный тон господствовал спустя некоторое время, когда на 106 заседании Бундестага в Берлине 19 октября 1955 года шло обсуждение проблем конъюнктуры. Выступавший д-р Дейст, игравший на протяжении ряда лет крупную роль в металлургической промышленности (в рядах СДПГ он получает все большее признание в качестве политика-экономиста), заявил от имени своей фракции (стр. 5824):

«Сперва я хотел бы заявить, что мы гордимся возможностью установить здесь, в Берлине, что единственное в своем роде развитие германского хозяйства за последние десять лет явилось результатом политического, экономического и общественного порядка, который покоится на основе свободы (одобрения на всех скамьях).

Эта эволюция была бы невозможна без совместных усилий всех слоев населения. (Возгласы: «Очень хорошо!» на скамьях умеренных партий).

Невозможно было бы добиться такого развития народного хозяйства без игры сил различных политических групп, а это и является одним из основных элементов политической демократии (повторные одобрения на всех скамьях).

Я хотел бы подчеркнуть ту мысль, что обеспечение устойчивости валюты является одной из важнейших задач германской экономической политики (депутат Дрессбах: «Браво!»).

Вся наша работа до сего времени была бы напрасной, если бы мы этой мысли не посвящали всего своего внимания. (Возгласы: «Правильно!» на скамьях в центре). Поэтому мы будем содействовать всем усилиям, направленным на поддержание устойчивости валюты (одобрения всего парламента).

Третье – мы живем под знаком экономики большого подъема. Мы сходимся в том, что было бы ошибочным говорить о «перенагреве» общего развития конъюнктуры. (Возгласы справа: «Весьма правильно!»). Факты пока еще нельзя признать внушающими тревогу. (Возгласы в центре: «Весьма правильно !!!)

Экономическая система свободного мира не может доказать свою пригодность лишь тем, что в ее рамках возможен хозяйственный подъем после разрухи, она должна засвидетельствовать свою пригодность тем, что она может сохранить и обеспечить высокий уровень занятости при устойчивом уровне цен и стабильной валюте. (Бурные одобрения на скамьях СДПГ и в центре)...»

Это примирительное отношение оппозиции – при всех расхождениях в деталях – царило и во время второго обсуждения вопросов конъюнктуры, имевшего место 26 июня 1956 года на 153 заседании Бундестага. Министр народного хозяйства ГФР заявил, обращаясь к оппозиции (стр. 8306):

«Господин председатель! Господа!

Я рад, прежде всего, констатировать, что расхождения между нами в вопросе конъюнктуры не так велики. Все, что вы сказали по поводу значения цен, использования

мощности промышленных установок, удлинения срока поставок, как признака опасного развития конъюнктуры, – на которое мы должны обратить внимание. – все это я готов подписать. Я также согласен с вами, что невралгическое место экономики следует искать в области капиталовложений ...

Так и с анализом положения внешней торговли, характеризуемого появлением высокого активного баланса, – мне думается, этот анализ признан правильным не только с моей стороны, но и всем парламентом. По этому поводу я хотел бы только установить, что если в связи с этим министерство народного хозяйства внесло предложение о понижении таможенных пошлин, это не было реакцией на жалобы Организации европейского экономического сотрудничества. Наоборот, проявленная нами активность и наличие у нас воли к понижению таможенных ставок привели к тому, что многие, уже почти созревшие, решения и постановления в Париже на уровне Организации европейского экономического сотрудничества стали беспредметными ...»

В заключение приведу слова, высказанные мной в споре с ораторами СДПГ (стр. 8309):

«... Я хотел бы сказать, что в целом я считаю эту дискуссию плодотворной. Я без иронии говорю, что рад возможности после долгих лет придти с оппозицией к одному знаменателю в хозяйственной политике». Далее, обращаясь к д-ру Дейсту, я сказал: «чтобы кончить полным примирением, разрешите мне закончить словами из „Фауста“ Гете: „Вести с вами диспут, доктор, – лестно и приносит пользу“ (смех и аплодисменты на всех скамьях)».

Однако, можно усомниться в том, – привел ли этот примирительный тон к новому выражению взаимоотношения правительства и оппозиции в вопросах экономической политики. Через несколько недель после упомянутой дискуссии фракция СДПГ снова заговорила о «сомнительности экономической политики федерального правительства» и о том, что «правительство и партии, входящие в правительственную коалицию за последние семь лет вели нечестную и безответственную хозяйственно-политическую пропаганду. (168-е заседание Бундестага 7 декабря 1956 года).

В конечном итоге в этом проявилось также расхождение между либерально настроенными кругами экономистов СДПГ и теми, кто не может оторваться от социалистической доктрины старого стиля.

Глава VI. Министр хозяйства, но не представитель отдельных групп

Передо мной лежат газетные вырезки первых лет моей деятельности в качестве директора Управления по делам хозяйства во Франкфурте и федерального министра хозяйства в Бонне. В то время писали: «Министр хозяйства – враг потребителей»; «Эрхард – министр тяжелой промышленности»; «Защитник стяжателей и спекулянтов» – так или примерно так звучали тогда обвинения в мой адрес.

Конечно, в серьезных дискуссиях эти обвинения давно отпали и даже самые непримиримые мои противники отказались от подобных формулировок.

Они вынуждены признать полную несостоятельность подобных обвинений, принимая во внимание мои многолетние усилия воздействовать на представителей крупных отраслей немецкого хозяйства, а также борьбу с ними. Как странно звучат вышеприведенные обвинения именно в эти месяцы, когда подготавливается к изданию эта книга, а я как раз нахожусь в серьезнейшем конфликте с целым рядом отраслей хозяйства, именно из-за того, чтобы предотвратить повышение цен.

Но как бы то ни было, затронутая мною цитированием весьма недвусмысленных нападок тема взаимоотношения между министром хозяйства и гражданином, вопрос отношения государственного управления хозяйством к самому хозяйству и, прежде всего, вопрос организации хозяйства и его места среди прочих областей государственной жизни и общественного порядка, – все это вызывает к жизни настолько интересные и важные проблемы, что необходимо подвергнуть их внимательному рассмотрению. Это тем более необходимо, что основной замысел социального рыночного хозяйства исходит из тех же

принципов, на которых должна покоиться современная социальная и свободная демократия.

Приступая к этому рассмотрению, я позволю себе привести постоянно повторяемое мною положение критерием и судьей хорошего и плохого в хозяйственной политике являются не догматы и не групповые интересы, а исключительно человек, потребитель, народ. Одобрить ту или иную хозяйственную политику можно лишь в том случае, если она служит и пока она служит пользе и благу людей, как таковых, человека, как такового [49].

Доводя эту мысль до логического конца, приходишь к заключению, что, хотя в любой экономике и существуют групповые интересы, не они должны определять линию экономической политики, и что столкновение частных интересов не ведет к плодотворному синтезу. Поэтому нельзя допустить разложение народного хозяйства на составные части – групповые интересы. Нельзя идти путем распада, отдаляться от того всеобъемлющего, подлинного порядка в хозяйственной жизни, который один лишь способен гарантировать гармонию в социальной жизни народа. Поэтому нашей наиважнейшей задачей должно быть предотвращение этой опасности [23].

Предприниматели должны обладать чувством ответственности

Касаясь этой моей основной установки я никогда не оставлял места для двусмысленных толкований. Еще 29 августа 1948 года я говорил на съезде ХДС британской зоны в Реклингхаузене:

«Я не ощущаю себя представителем интересов имущих слоев, тем более представителем интересов промышленных или коммерческих кругов. Подобное предположение было бы совершенно ложным. Быть ответственным за экономическую политику – значит нести ответственность перед всем народом. Я глубоко убежден, что мы сможем разрешить стоящие перед нами тяжелые задачи только в том случае, если нам удастся путем сохранения рыночного хозяйства поднять благосостояние не только отдельных слоев населения, а всего нашего народа, если нам удастся, путем крайнего напряжения усилий и постоянного повышения производительности, обеспечить народным массам достойный уровень жизни и неуклонно его повышать. Если пытаются изобразить дело так, будто я являюсь человеком, который стремится защищать лишь совершенно определенные интересы, то это клевета. Наоборот. Я требую самым решительным образом именно от ответственных крупнейших предпринимателей, в руках которых находятся орудия производства и аппарат распределения нашего народного хозяйства, наибольших жертв, наивысшего сознания ответственности».

Я привожу эти соображения, высказанные в начальной стадии развития рыночного хозяйства, чтобы еще раз подчеркнуть: те, кто в последующие годы пытались выдвинуть на первый план свои частные интересы и потерпели при этом крушение, не смеют ссылаться на мои моральные принципы. Я никогда не давал повода для сомнений в том, что частные интересы могут быть оправданы лишь тогда, когда они одновременно служат так же интересам общества.

Ни одна отрасль хозяйства не имеет права на привилегии. Разумеется, это утверждение не исключает факта, что с точки зрения отдельных лиц, хозяйство представляется как сумма частных интересов. Все дело в том, чтобы, регулируя эти интересы, направлять их в конечном итоге на путь общего блага.

В одном из моих более ранних выступлений я как-то раз указал на роль государства как высшего арбитра. Хочу воспользоваться здесь немного банальным примером футбольной игры. Я считаю, что, так же, как судья на футбольном поле не имеет права участвовать в игре, так и государство не должно принимать в ней участие. Существенной предпосылкой правильной, хорошей игры является то, что игроки следуют определенным, заранее установленным правилам. То, к чему я стремлюсь, проводя политику рыночного хозяйства, – чтобы уж оставаться при нашем примере, – это выработать порядок и правила этой игры.

Свобода – как высшая цель

В футбольной команде, например, также не принято, чтобы все одиннадцать игроков становились в ворота. Если они попытаются это сделать, мы как зрители с полным правом могли бы их освистать, сочтя это неспортивным и противоречащим правилам игры. От нападающих мы требуем, чтобы они нападали. Если они думают, что их обязанностью является защищать ворота или даже стоять в воротах, то мы вправе считать это неоправданным и нарушающим игру, чего мы не потерпим. Очень сходны функции хозяйственного порядка. Я считаю, что именно такому образцу хозяйственного порядка, которому я следую во всех моих действиях, мы обязаны нашими успехами. Даже в том случае, если мы вынуждены будем по отдельным пунктам отклониться от этого образца, он сохранит свое значение [24].

Зрители футбольной игры несомненно будут в большой претензии к игрокам, если те перед игрой заключат соглашение, сколько голов разрешается забить той и другой команде, и, таким образом, проведут не ожидаемое нами честное соревнование, за которое мы заплатили, купив входной билет, а будут без борьбы выполнять заключенное соглашение. Поэтому я считаю, что основой всего рыночного хозяйства является и должна остаться свободная конкуренция. Это возможно только там, где не будет допущено никакое угнетение свободы, но где свобода основывается на моральном и правовом кодексе народа и является общеобязательным законом, больше того, наивысшей ценностью общества [4].

Я глубоко убежден, что свободное предпринимательское хозяйство сохранится у нас лишь до тех пор, пока наше государство будет стоять на страже свободы. И если кое-кто в лагере предпринимателей этим недоволен, считая это ограничением свободы государством, я могу возразить одно: здесь речь идет о ложно толкуемой свободе, ибо нельзя, прикрываясь именем и принципами свободы, подавлять эту свободу.

Как в государственном, т. е. в общественно-политическом устройстве порядок устанавливается основными законами, конституцией, которая определяет формы человеческого общежития и регулирует взаимоотношения людей, – так и в хозяйстве существует подобный порядок. Здесь сферы ответственности ясно разграничены. Предприниматель несет ответственность за свое предприятие; тут он может с полным правом требовать, чтобы его действия были свободны от государственной указки и водительства, чтобы он пользовался полной предпринимательской свободой. Я первый, кто поддерживает это требование предпринимателей. Но ответственность за хозяйственную политику несет только государство. Нам известно, куда приводит смешение этих двух функций [35].

Эти короткие замечания показывают как, в моем представлении, должны выглядеть основы рыночно-хозяйственной политики, и где мне хотелось бы видеть границу между личностью и государством.

Следует объяснить, почему я придаю этим вопросам такое решающее значение, почему я вообще придаю хозяйству судьбоносное значение. При этом я ни в коем случае не желаю вызвать впечатление, будто я рассчитываю найти в плане самой экономики универсальное средство для борьбы со всеми нашими общественными и социальными бедствиями. Я далек от этого! Человеку необходимо его физическое существование, чтобы иметь возможность называться человеком, чтобы иметь возможность для всестороннего духовного и умственного развития. Так обстоит и с жизнью целого народа. Хозяйство является самой примитивной, но одновременно и самой необходимой основой, ибо только на базе здорового хозяйства общество имеет возможность достичь своих непосредственных и конечных целей.

Хозяйственная основа должна быть здоровой для того, чтобы она не стала исходным пунктом для извращений в народном организме и его разложения. Определение духовного, морального и материального облика хозяйства должно быть, в конечном счете, делом политики, заботой общества [1]. Если эта моя точка зрения не дает основания заподозрить меня в преувеличении значения материальных ценностей, то с другой стороны я думаю, что,

за исключением гениев, человек осознает значение своей личности и своего человеческого достоинства только тогда, когда его не гнетут материальные заботы, мелкая будничная нужда, т. е. когда материальные проблемы удовлетворены и поэтому перестают играть главную роль [47].

Распределение задач между государством и хозяйством

Итак, я повторяю, в задачу государства не входит непосредственное вмешательство в хозяйство, во всяком случае до тех пор, пока этого не потребует само хозяйство. Так же не уместается в рамки основанного на предпринимательской самостоятельности хозяйства деятельность самого государства в роли предпринимателя. Из этого положения, естественно, вытекают определенные последствия для хозяйства в том смысле, что оно не должно превращать государство в представителя своих интересов. Здесь необходимо придерживаться недвусмысленных принципов.

Нельзя, с одной стороны, требовать от государства, чтобы оно не занималось хозяйственной деятельностью, а с другой стороны, когда это становится необходимым, – обращаться к государству с просьбой о помощи. Существуют своего рода разделение труда, разграничение сфер деятельности между предпринимательским хозяйством с центром тяжести в области производства и хозяйственно-политической деятельностью, являющейся задачей правительства и, в частности, министра хозяйства. Иногда у меня создается впечатление, что в отношении этого разграничения функций создается путаница и неуверенность. Ответственным за экономическую политику – я это подчеркиваю – является исключительно государство, в рамках данных ему демократическо-парламентских компетенции и прав. Конечно, вполне законна заинтересованность предпринимателей в экономической политике, как законно их право высказывать свое мнение, но им самим, как и их представительным органам нельзя вмешиваться в экономическую политику.

Если можно с уверенностью говорить о том, что в нашей Федеративной республике либеральное хозяйство принадлежит прошлому и что хозяйство, направляемое и регулируемое государством, может считаться ликвидированным, то это ставит нас перед необходимостью четко обрисовать новое в нашей экономической политике. Новое в ней – это то, что государство, и в частности министр хозяйства, в настоящее время не обращается больше к отдельным лицам, не приказывает отдельным предпринимателям, что оно освободило их от резолюций, разрешений, концессий и лицензий. Государство исходит при этом из принципа: предприниматель так же, как и рабочий, как любой другой гражданин в государстве, должен быть свободен в области своей личной деятельности.

Конечно, это вовсе не означает, что сняты все тормоза и открыта дорога анархии. Вместо непосредственного, даваемого государством приказа, или взамен отказа от всякого вмешательства – и эта вторая установка так же важна, как и первая – современная государственная политика по отношению к хозяйству основывается на стремлении такого использования инструментов хозяйственной политики, находящихся в руках государства, которое высвобождает новые силы, открывает новые возможности и закрывает бесплодные пути. Это означает – выбором и комбинацией средств направлять хозяйство вперед к новому прогрессу [49].

Объемистый список грехов

Конечно, нужно признаться, что для полного осуществления такого порядка, каким я его себе представляю, многого недостает. В связи с этим я как-то говорил о длинном списке грехов, в котором числятся неверные и необоснованные пожелания и требования немецкого хозяйства, а также и недостатки экономической политики в самом широком смысле. При этом я указывал на то, что мы должны прийти к прискорбному выводу, что у нас совсем нет достаточного основания гордиться достигнутыми с тех пор успехами рыночного хозяйства.

Существующие в немецкой промышленности стремления к объединению в картели я разбираю особо в другом месте этой книги. В связи с этим необходимо остановиться на различных предложениях в введении т. наз. регламентации для отдельных профессий, что должно было бы вредно отразиться на осуществлении всей моей хозяйственной политики, затормозило бы конкуренцию и снизило бы производительность. К этим грехам относятся также требования о защите отдельных профессиональных наименований и обозначений при помощи специальных законов. Важное место в списке грехов занимает также требование о расширении обязательного коллективного страхования. В этот список входит также иллюзорное представление, будто хозяйственная судьба отдельных хозяйственных или профессиональных групп может быть «паритетно» обеспечена или лучше защищена: я имею в виду требования ввести подвижную шкалу для таможенных пошлин с целью исключить в собственной стране конкуренцию извне. К этому надо присоединить также требования соблюдать большую осторожность в деле либерализации нашей внешней торговли или, как принято говорить, – сохранять чувство ответственности (под этим подразумевается – действовать возможно медленнее и нерешительнее). Немецкой общественности известно сопротивление, оказанное стремлению к более решительному снижению пошлин, известны возражения моему стремлению окончательно установить свободный обмен валют. Все эти примеры показывают степень засоренности системы рыночного хозяйства различными пережитками [48].

Этих примеров во всяком случае достаточно, чтобы уяснить себе незначительность достигнутых нами до сих пор успехов в деле подчинения групповых интересов государственным. Во всяком случае на практике нам здесь еще не удалось найти окончательное решение, причем мы оставляем открытым вопрос, удастся ли вообще когда-либо достичь полного согласования интересов.

Не могут также остаться незамеченными различные попытки хозяйственных кругов оказывать влияние на решения парламента и правительства. Так дело обстоит не только в Германии, но и во всем мире. Пора признать, что это является подлинно болезненным явлением или по меньшей мере источником кризисов нашего времени.

Эта взаимная борьба как правило имеет место между группами, представляющими в конечном счете лишь «интересы», с одной стороны, и государственными органами, с другой стороны. Конечно, только за государственными органами остается право окончательного решения. Границы между двумя этими сферами пока еще не определились настолько окончательно, чтобы можно было говорить о наличии развитого, замкнутого в себе, общественно-политического или государственно-политического порядка [34].

Исходя из изложенной мною хозяйственно-политической перспективы, я считаю, что по меньшей мере в период восстановления мы должны отказаться от всего, что хотя бы в отдаленной мере могло бы выглядеть как защита или покровительство определенной группе. Мы обязаны ощущать себя как некое единство, и не допускать поэтому выдвижение частных интересов. Как раз в нашем недалеком прошлом заметно было губительное стремление мыслить прежде всего в групповых категориях, и добиваться для них особых преимуществ. Это то зло, которое я хотел бы видеть сведенным до минимума [44].

Опасные групповые интересы

Мое отрицательное отношение к групповым интересам основывается на убеждении, что с хозяйственно-политической и государственно-политической точек зрения государству не представляется возможным дарить привилегии отдельным группам, распределять тут или там меньше или больше даров и милостей. При подобной практике государство и в особенности министр хозяйства неизбежно очутятся в невозможной ситуации. Ибо где те масштабы, исходя из которых кто-либо может сказать: эта, а не та отрасль хозяйства, эта группа или та профессия должны поощряться государством в таком-то направлении, но другие должны – да на каком основании?! – напротив, быть задержаны в их развитии?

Подобный образ действий был бы в корне неправильным.

Решение не может быть найдено – за исключением разве очень редких случаев – в непосредственном разрешении отдельных проблем. Решение можно найти только в разрешении общехозяйственных задач, от успешного выполнения которых, в конце концов, выигрывают все. Если народное хозяйство процветает в целом – причем народное хозяйство понимается мною как неотъемлемая часть всей нашей общественно-хозяйственной жизни, – тогда будут процветать также и все отрасли и группы хозяйства.

Я поэтому не умалчиваю о том, что в эти последние годы, когда я нес ответственность за хозяйственное развитие Германии, я ни разу не задумывался над тем, что мне необходимо сделать специально для той или иной отрасли хозяйства, специально для той или иной профессии или социального слоя. Подобные заботы могут, конечно, возникать в отдельных случаях, а в особых ситуациях они могут быть даже необходимыми, но несмотря на это, моя основная забота была всегда направлена на народное хозяйство в целом, на процветание всего народа. Если мы в этой широкой перспективе достигли успехов и в будущем добьемся еще дальнейших, то выгоду и пользу из этого прогресса извлекут все [33].

Мой скептицизм по отношению ко всевозможным особым и специальным пожеланиям подкрепляется также и опытом. Достаточно указать только на один пример: общеизвестно, что я одобрительно отнесся к составлению регламентации ремесленных профессий. Но в последующие годы, т. е. после издания закона об этой регламентации, я был вынужден вести непрерывную борьбу с намерениями, стремящимися провести в жизнь подобного же рода регламентации в хозяйственных отраслях, в которых господствуют совершенно иные материальные и социальные условия и предпосылки. При этом иногда у меня создавалось впечатление, что мы уже успешно продвигаемся по пути к сословному государству с цеховым устройством. Никто не вправе обижаться на меня, если я со всей решительностью противлюсь подобным тенденциям. Для Западной Германии этот путь был бы роковым.

Ведь мы приобрели вес и признание во всем мире именно благодаря нашему динамизму, воле к экономической экспансии, смелости в конкуренции и личной ответственности [30].

Недопустимо считаться с особыми интересами, уступать отдельным требованиям определенных хозяйственных кругов также и из-за взаимозависимости всего хозяйственного бытия. Каждое отдельное мероприятие в народном хозяйстве влечет за собой последствия даже в тех областях, которых эти мероприятия непосредственно не касаются и о которых при поверхностном наблюдении, никто не может предположить, что и они могут оказаться в сфере влияния этих мероприятий.

Сказка о том, как хороши регламентации

Ко всему этому прибавляются, в конце концов, человеческие, сугубо человеческие страсти и чувства. Хорошее для одного – для другого плохо. Комплекс зависти, от которого как раз мы, немцы, несвободны, играет здесь значительную роль. Преимущества, предоставляемые кому-либо, не дают его соседу возможности спать спокойно. При этом нельзя забывать, какую значительную роль играют у нас профессиональные чиновники общественных организаций. «Успех» определенной группы очень скоро побуждает другую группу, требовать от своего чиновника, уполномоченного или управляющего делами группы подобных же «достижений». Но как раз это влечет за собой распад, сталкивает нас с единственным пути, ведущего к благополучию всего общества. Если я крайне скептически отношусь к так называемым «стремлениям к регламентации», то лишь потому, что постоянно стараюсь заглянуть за кулисы этих мнимых «регламентации». Если же заглянуть за эти кулисы, то, как правило, за ними не видно ничего, кроме желания заинтересованных добиться для себя некоторых привилегий, кроме попытки избежать трудностей конкуренции и – заполучить для своей собственной группы более значительную часть народно-хозяйственного дохода, чем это соответствует ее экономической

производительности.

Никто не желает признать и из этого признания сделать заключение, что меньшей производительности, естественно, должна соответствовать меньшая прибыль; нет, результатом этих, баснословно прекрасных, регламентации должна быть, наоборот, повышенная прибыль. К подобного рода регламентациям можно предъявлять всевозможные требования, связывать с ними различные ожидания, но ни в коем случае недопустимо ожидать от них того, чтобы при понижающейся производительности работы, при меньших усилиях и при ослабевающем понуждении к неустанному повышению качества одновременно каждому в отдельности жилось бы все лучше и лучше.

Исходя из этих соображений, я был вынужден заявить 2 мая 1955 года представителям средних и крупных предприятий розничной торговли: «Все это фокусы, и министр хозяйства, который проявил бы хотя бы даже только терпимость по отношению к подобной опасной тенденции развития, нарушил бы грубейшим образом свой долг».

Когда меня спрашивают, как я себе представляю идеальные или типично идеальные взаимоотношения между участниками хозяйственного процесса и государством и правительством, то я позволяю себе повторить то, что мною было сказано на ремесленной ярмарке 12 мая 1954 года по отношению к среднему сословию и что, в конечном счете, относится к предпринимателям всех хозяйственных сфер:

«Я не могу себе представить средние классы населения иначе, – и только на этой основе я признаю их, – как слой населения, заключающий в себе или стремящийся объединить людей, которые из чувства своей собственной личной ответственности и на основе собственной трудовой деятельности хотят обеспечить свое существование. Качества, которые должны составлять для средних классов высшую ценность: чувство личной ответственности за свою судьбу, независимое существование, решимость обеспечить себе существование собственной трудовой деятельностью и желание самоутверждения в свободном обществе, в свободном мире.

Все ваши попытки ограничить эту свободу, подорвать эту мужественную решимость к существованию, понизить ценность самостоятельности и индивидуальности трудовой деятельности, не послужат опорой среднему слою, а окажутся ударом по нему. . . Если как раз в этом слое нашего народа будет потеряна решимость к самоутверждению на основе собственной силы, на основе собственной трудовой деятельности, то от этого среднего слоя действительно не останется ничего, кроме группы людей, требующих защиты, чтобы иметь возможность жить немного лучше, чем другие. Но это приведет к потере этической ценности среднего слоя».

Итак, особенно важное значение должно придаваться тому, чтобы в предпринимательском хозяйстве была занята по отношению к государству та независимая позиция, которая находит свое выражение в настойчивом желании быть освобожденным и пощаженным от чрезмерного «присутствия» и вмешательства государства.

От гражданина к подданному

Выше я говорил о «списке грехов» по отношению к рыночному хозяйству. Теперь мне хотелось бы рассмотреть под тем же углом зрения еще и другие факты. Я не буду говорить здесь о стремлении отдельных промышленных кругов к объединению в картели. Но в этом аспекте весьма характерны пожелания о специальной защите, в законодательном порядке, отдельных профессий. Сюда принадлежат, – чтобы начать с простейшего, – стремления защитить законом обозначения и названия профессии. По поводу этих стремлений я могу только спросить: разве только титул или ранг удостоверяют, кто чем является или кто на что способен, или же это узнается на основании работы, достижений, личных качеств? Нужно действительно быть носителем профессионального титула, чтобы иметь возможность заниматься какой-либо профессией? Я не хочу драматизировать вред, который приносят подобные регулирования. Но я считаю эти требования опасными потому, что за первым

шагом определенно последуют другие. Мне в противовес будет выставлен тот аргумент, что тот, кто претендует на определенное профессиональное наименование или титул, должен удовлетворять определенным зафиксированным предпосылкам, что он не только обязан доказать свою квалификацию, но и дать определенную моральную гарантию, чтобы иметь возможность заниматься соответствующей «защищенной» профессией. Тогда возникнут новые инстанции и учреждения, перед которыми надо будет доказывать всеобъемлющим образом свою квалификацию, – и постепенно произойдет снова превращение свободного гражданина в подданного, который будет вынужден делать поклоны, чтобы добиться своего.

И получится, как я уже раз описывал: привилегированные, «сидящие внутри», постараются отравить жизнь всем тем, кто захочет к ним войти [35]. Стоит поискать, что стоит за всеми этими попытками и ответ будет суровый: это чистейший эгоизм, и ничего больше, пытающийся приукрасить подобные требования общественными идеалами и этическими принципами [35]. В действительности же все это – стремление к замыканию, к возведению оград вокруг профессий, это желание обороняться, защищаться, сохранять свои позиции искусственными средствами.

В результате преграждается доступ в профессию новым силам, а среди них как раз нередко немало людей с настоящим призванием. Когда же поднимается вопрос о так называемой «личной благонадежности» – и снова здесь проявляются признаки подобного фарисейства – хочется спросить: в какие же профессии доступ должен остаться открытым для признанных «неблагонадежными»? Будут ли все профессии классифицироваться по этому признаку или государство должно придумывать специальные профессии для «неблагонадежных»? Можно только ответить негодованием на подобное лицемерие.

Разногласия с коммерческими кругами

«Титуломания» и требования о защите титулов законом находят еще более яркое выражение в стремлении различных хозяйственных группировок добиться издания специальных законов по регламентации отдельных профессий. Здесь мне кажется невозможным воздержаться от обоснования моего отрицательного отношения к стремлениям коммерческих кругов. Борьба из-за введения регулирующих торговлю законов продолжается уже долго. Несомненно, что она не всегда велась решительно, можно, пожалуй, сказать, что мое министерство в этом вопросе не всегда придерживалось постоянного курса. Нужно, однако, учитывать, что эта проблема имеет две стороны: во-первых, принципиальную, во-вторых, тактическую. И вот, с тактической точки зрения каждый месяц, который мне удавалось выиграть, затягивая принятие закона, ограничивающего профессиональную свободу, был для меня важен. Как бы там ни было, но и сейчас, когда я пишу эти строки, такой профессиональный закон, несмотря на оказываемое на меня давление, еще не принят. Если бы мое министерство в этом вопросе не оказывало упорного сопротивления, у нас, без сомнения, давно уже был бы принят закон о профессиях, который раздробил бы торговлю на дюжины разных отраслей, причем на пути к получению разрешения заниматься торговлей для каждой такой отрасли, или на переход из одной в другую, была бы воздвигнута «защитная» преграда в виде требования специальных профессиональных знаний. Из всего вышеизложенного явствует, что подобный закон явился бы отрицанием всех моих представлений о свободном хозяйственном порядке.

Краткая историческая справка из недавнего прошлого кажется мне уместной. Закон о защите розничной торговли, который – и это весьма примечательно – вступил в силу в 1933 году, т. е. в год прихода Гитлера к власти, предусматривал вначале наложение абсолютного запрета на дальнейшее допущение к профессиональному занятию розничной торговлей. Когда же оказалось, что даже в тогдашних условиях нельзя было провести в жизнь такой запрет, этот закон, в его практическом применении, был превращен в закон о необходимости получения особого разрешения для ведения розничной торговли. После Второй мировой войны в различных зонах и землях Западной Германии этот закон постигла неординарная

судьба. В американской зоне была разрешена, в соответствии с директивой от 29 марта 1949 года, полная свобода промыслов, в то время как в британской и французской зонах положения закона 1933 года о выдаче разрешений на торговлю либо остались в силе, либо послужили основой для новых законов о допущении к занятию розничной торговлей, хотя, как общее правило, эти новые законы не были такими строгими, как закон 1933 года. На основании создавшейся неодинаковой правовой ситуации в торговых кругах возникло совершенно понятное желание добиться единых правил. Не следует, однако, переоценивать оправданность такого желания. Можно ли действительно считать несчастьем то обстоятельство, что для открытия розничной лавки в Фленсбурге существуют иные правила, чем в Мюнхене?

Настояниям представителей розничной торговли во время работы парламента первого созыва я противился с успехом, ссылаясь на то, что такой особый закон о выдаче разрешений на право заниматься розничной торговлей не только не соответствовал бы духу рыночного хозяйства, но что и согласованность такого закона с основным законом (конституцией) ГФР не может быть с полной несомненностью доказана.

Впоследствии мне пришлось несколько отступить от моей отрицательной позиции. Это произошло не в последнюю очередь из-за усилившихся радикальных тенденций.

На V съезде Объединения розничной торговли 22 октября 1952 года я заявил поэтому:

«Я согласен на введение такой профессиональной регламентации для торговли, при которой право заниматься торговлей предоставляется путем выдачи разрешения. Но выдача разрешения на торговлю не должна исходить из предпосылок, ограничивающих свободу промыслов. Она должна исключительно служить цели – стимулировать повышение эффективности розничной торговли. Профессиональная регламентация не смеет привести к оцепенению розничной торговли, наоборот, она должна учитывать и поощрять ее приспособляемость и эластичность. Только в этом случае она имеет смысл и ценность. На иное регулирование розничной торговли я не могу согласиться ...»

Последовавшие вслед за этим заявлениями переговоры концентрировались на вопросе, можно ли в поставленных мною рамках найти формулировку такому закону. Недовольство затянувшимися переговорами привело, без моего ведома, к неожиданному выступлению в Бундестаге. Христианско-демократический союз (ХДС) внес 11 июня 1953 года, незадолго до истечения полномочий парламента первого созыва, инициативное предложение о принятии закона о временной регламентации розничной торговли. (Публикация Бундестага 4532). Этот законопроект не был принят, во-первых, из-за истечения срока полномочий Бундестага, а во-вторых, из-за предусмотренного в нем расчленения всей розничной торговли на несколько дюжин отраслей, что натолкнулось на сопротивление общественности.

Исходя из создавшейся в боннском парламенте ситуации, я был вынужден сообщить 20 июня федеральному канцлеру, что в министерстве хозяйства разработка закона о регламентации розничной торговли будет продолжаться, и что по отношению к принципиальному требованию о введении профессиональной регламентации «с целью повышения и укрепления достижений в работе и обеспечения соревнования по достижениям в розничной торговле» занята положительная позиция. 14 июля был сформулирован так наз. Висбаденский проект, вызвавший широкую дискуссию в торговых кругах. Он был принят Объединением розничной торговли в качестве последнего еще возможного и допустимого варианта.

Всестороннее обсуждение этого предложения в моем министерстве, а также переговоры с другими учреждениями, заставили, однако, прийти к заключению, что и этот проект не был свободен от запретительных тенденций, которые не соответствовали моим основным хозяйственно-политическим принципам. Измененный после этого проект был в свою очередь отклонен Объединением. В создавшейся ситуации я воспользовался конференцией Объединения розничной торговли в Гамбурге 27 октября 1954 г., чтобы еще раз принципиально разобрать этот комплекс вопросов. То, что я говорил тогда, сохраняет

свое значение по сегодняшний день. ибо я не вижу причин признать мою принципиальную установку подлежащей изменению или неверной. Мои взгляды не может изменить и то обстоятельство, что Бундестаг согласился, наконец, уступить многолетнему давлению торговых кругов и, возможно, примет закон о профессиональной деятельности, который в смысле его возможных вредных последствий определенно не может быть сравнен с законопроектом, представленным парламенту первого созыва.

Гамбургская речь

В Гамбурге я изложил следующие мысли:

«... Когда я утверждаю, что не мыслю в узких категориях, то хочу этим подчеркнуть, что если бы я в последние годы руководствовался соображениями о необходимости подряд предоставлять привилегии различным группам той или иной профессиональной категории, той или иной хозяйственной отрасли так, чтобы каждый получал поочередно выгоду, то это свидетельствовало бы о совершенно неумелой хозяйственной политике. Нет, так невозможно! . . В наше быстротекущее время очень легко и очень охотно забывается, как всего лишь шесть лет тому назад выглядела наша страна, в какой горестной, несчастной, вызывающей сострадание ситуации находилась, вернее прозябала, наша торговля! Она была не чем иным, как исполнительным органом государства, как уполномоченным по распределению органом схематичного, бездушного аппарата власти. Только благодаря разумной хозяйственной политике вы превратились в свободных деловых людей с чувством собственной ответственности ... Розничная торговля имеет ныне в глазах немецкой общественности совершенно иной облик, она оценивается куда выше, чем шесть лет тому назад. Этим затронут фактор, играющий значительную роль при рассмотрении нашей нынешней проблемы регламентации профессий... Я глубоко уверен в том, что нам удастся, несмотря на предстоящие расходы по вооружению, повысить в ближайшие годы оборот розничной торговли. (Действительно, оборот розничной торговли поднялся с 1954 года по 1955 год на 10 миллиардов н. м.). Для этого необходимо, прежде всего, дальнейшее развитие количественной конъюнктуры. Ведущая мною тяжелая и непрерывная борьба за сохранение свободной конкуренции приносит непосредственную пользу розничной торговле, ибо конкуренция обеспечивает здоровое соотношение между покупательной способностью и ценами, она ведет к тому, что у все более широких кругов населения увеличивается покупательная способность и подымается уровень потребностей. Все это в конечном счете идет на пользу розничной торговле.

Итак, конкуренция – основной, неотъемлемый элемент, и наша линия поведения должна быть направлена, в ваших же кровных интересах, на сохранение конкуренции в полном объеме и при любых обстоятельствах. Если же дело обстоит именно таким образом, то вопрос о регламентации профессий выступает в совсем новом свете.

Признаюсь, что если я был склонен к благожелательному рассмотрению профессионального вопроса в розничной торговле, то только принимая во внимание моральную ситуацию розничной торговли... Но я был с самого начала против такого решения, которое привело бы к распылению розничной торговли на множество отраслей и специальностей потребовало бы для каждой отрасли специальных лицензий. Объясните, например, рядовому человеку, что тот, кто желает изготавливать чулки, может свободно этим заниматься, ибо, как известно, в промышленности каждый предприниматель свободен в выборе поля деятельности; но человек, который выкладывает чулки на Прилавок, должен обладать специальными знаниями и обязан притом еще доказать наличие у него этих знаний.

Я сомневаюсь в том, что вы сумеете объяснить это 50 миллионам людей. В противном случае я принужден буду преклониться перед вашим искусством убеждения ... Я не собираюсь рисовать перед вами ужасов, но я вам говорю: если розничная торговля придет в упадок, если она захочет уклониться от ответственности, сопряженной с деятельностью свободного торговца в условиях конкуренции, если она сойдет с этой твердой основы своего

существования, то в таком случае уже не удастся удержать дальнейшее развитие. Тогда мы не сможем уже противостоять осуществлению других желаний подобного рода. Тогда нам придется пережить тяжкий возврат к сословному порядку. И если вы думаете, что это может способствовать повышению нашей немецкой производительности, что мы при подобной узости мышления способны будем достичь экономических и социальных успехов, то вы предаётесь опасным иллюзиям.

Поймите, в конце концов, знамение времени!

Мы хотим преодолеть узкие пределы границ нашей родины. Мы познали, что национальное народное хозяйство не является последней и абсолютной ценностью, что рамки его были бы слишком узкими, чтобы обеспечить нашему немецкому народу дальнейший прогресс и лучшие, более свободные условия жизни ... Мы говорим о свободном обмене валюты, – этим мы хотим открыть возможности широкого человеческого общения, перешагнуть государственные границы, и наряду с этим мы начнем воздвигать внутри страны проволочные заграждения, чтобы отгородить ими одни профессиональные отрасли от других. Это же чистая бессмыслица.

Поверьте, нельзя мерить все собственной меркой. Я не упрекаю вас в этом. Это естественно, ибо в этом находят отражение ваши каждодневные заботы. Но поверьте мне, что я желаю вам только добра. Поэтому я пришел к вам, и повторяю: если этот барьер падет – как и с каким правом смогу я тогда завтра противостоять всем тем, кто тоже захочет иметь свою профессиональную регламентацию? Я мог бы без конца перечислять доводы этих «одержимых»: ...что признано пригодным для одних, должно быть предоставлено и другим ...

Такой метод явился бы чужеродным телом в экономике, и не только в нашем немецком народном хозяйстве, но и во всем свободном мировом хозяйстве, которое мы намереваемся отстраивать, и не в последнюю очередь для того, чтобы раскрыть для вас все большие возможности ...»

На Гамбургской конференции у меня создалось впечатление, что вполне возможно отговорить Объединение, как представителей розничной торговли, от стремления добиться закона, регулирующего допущение к торговле, и заинтересовать его проектом закона о способствовании повышению эффективности торговли, который должен дать четкое определение термина «профессиональный торговец» и создать соответствующие предпосылки для улучшения профессиональной подготовки. Разработанный на этой основе проект был 15 марта 1955 года передан для обсуждения всем заинтересованным организациям. Но до серьезной дискуссии дело вообще не дошло, ибо торговые круги тем временем стали предаваться надежде найти в Бундестаге сочувствие для принятия закона более соответствующего их первоначальному ходу мыслей. К сожалению, эта надежда оправдалась. 22 октября 1955 года фракция ХДС/ХСС внесла (публикация Бундестага 1872) законопроект о профессиональном занятии торговлей.

В последующих обсуждениях этого законопроекта в комиссии Бундестага по делам среднего сословия мое министерство, как и другие заинтересованные ведомства, заняло определенно сдержанную позицию. В виду принятого Федеральным административным судом 3 ноября 1955 года, решения, на основании которого закон о защите розничной торговли и инструкции о его проведении в жизнь признаны, в том ограниченном объеме, в каком они применялись с 1950 года, соответствующими духу конституции, представлялось уместным не столь резко возражать против вышеупомянутого законопроекта. Все же мое министерство выступало очень энергично против намерений расширить рамки применения этого закона. Здесь надлежало отвести пожелания о распространении действия закона на коммивояжеров, на маклеров, даже на всех торговцев в разнос, но в первую очередь, на оптовую и внешнюю торговлю.

Принцип наследственных вотчин в промыслах устарел

Новый законопроект был несомненно лучше предыдущих. Он предусматривал известную компетентность кандидатов, и лишь в виде исключения – специальный экзамен. Но мои сомнения – если уж не говорить о принципиальной несовместимости любых ограничений свободы промыслов с свободным хозяйственным порядком – основываются на убеждении, что надежды мелких, да и многих средних, торговцев не оправдаются в том смысле, что этим путем якобы решительным образом будет закрыт доступ к занятию розничной торговлей новым конкурентам. Следует поэтому опасаться, что вскоре после вступления в силу этого закона, будут выставлены требования о дополнении его, о необходимости усиления ограничений при выдаче новых разрешений на торговлю и о необходимости создания условий, при которых торговая деятельность «столь неудобных» новых конкурирующих предприятий будет затруднена.

Я хотел бы в связи с этим комплексом вопросов еще раз недвусмысленно заверить: хочу, чтобы мне поверили, что если я выступал и буду выступать против стремлений, направленных на издание закона о регламентации профессий, то это ни в коем случае не было проявлением злого умысла. И без того мне приходится выслушивать, как на открытых собраниях розничные торговцы утверждают, что, как все больше выясняется, федеральный министр хозяйства стал врагом розничной торговли.

Что могу я возразить на это?

Именно мне, добившемуся при помощи моей хозяйственной политики того, что розничные торговцы вообще получили возможность выполнять свои специфические функции, мне, освободившему их от окостенелого прозябания в роли чиновникоподобных распределителей, – приходится выслушивать обвинения, будто я являюсь врагом розничной торговли – и только потому, что я не был согласен с тенденциями, которым, согласно моему до сих пор не опровергнутому убеждению, не должно быть места в экономике, базирующейся на свободе и прогрессе.

Я хотел бы еще раз спросить, где бы мы очутились, если бы я не оказывал сопротивления всем этим стремлениям? Как бы мы справились в Западной Германии с социальной и хозяйственной ассимиляцией беженцев, если мы, находясь во власти группового эгоизма, ввели бы для каждой отдельной группы свою особую регламентацию?

В эпоху, когда мы прилагаем все усилия, чтобы преодолеть узость национальных рамок, не может быть места для барьеров в нашей, ставшей и без того тесной, внутренней экономике.

Тенденции к ограждению отдельных профессий проволочными заграждениями и культивирование принципа наследственных вотчин в промыслах просто несовместимы с современными понятиями [50].

Те, кто придерживается иного мнения, не должны забывать, что нашей хозяйственной политике удалось достигнуть беспрецедентного повышения оборота, что становится ясным из приводимой ниже таблицы оборота розничной торговли.

	С
	б
	с
	р
	с
	т
	в
	н
	и
	л
	л

	И а р д а х н . м .
19 50	3 0 , 8
19 51	3 5 , 7
19 52	3 8 , 8
19 53	4 2 , 2
19 54	4 6 , 1
19 55	5 1 , 5
19 56	5 6 , 7

(Вышеприведенные данные вычислены на основании статистики налога с оборота за 1950 и 1954 гг., а также на основании текущих статистических данных Федерального статистического бюро).

Мне кажется значительно более важным предоставить каждому торговцу реальные возможности к увеличению его оборота в процессе нормального хозяйственного развития, нежели защищать его при застое в делах от конкуренции.

Меньше работы – больше заработка?

После всего вышесказанного не требуется особого обоснования для пояснения моего отрицательного отношения ко всем законам, определяющим время закрытия магазинов, и ко всем требованиям регламентации и ограничения времени торговли. Все это лишь средства к

тому, чтобы устроиться поудобнее и иметь возможность вести при растущих доходах обеспеченную жизнь.

Их философия исходит из желания поменьше трудиться и из вздорного представления, что каждый сможет тогда жить еще лучше [55]. Я не скрываю своего отношения к подобным стремлениям, в моем сердце нет им сочувствия. Я не могу соглашаться с такими законами, потому что я при всех хозяйственно-политических рассуждениях прежде всего думаю о потребителе.

Торговля должна служить потребителю. Я не могу себе представить, чтобы рабочий мог высказаться за то, чтобы в субботу после обеда магазины были закрыты, во всяком случае, он будет против этого до тех пор, пока он не будет располагать полностью свободным субботним днем. Было бы совершенно противоестественным, если бы рабочие не желали использовать свое единственное свободное послеобеденное время для того, чтобы вместе со своей семьей делать покупки. Никому не придет в голову, например, нелепая идея о том, чтобы в субботу после обеда прекратилось движение поездов, чтобы не разносилась почта или закрывались рестораны. В жизнеспособном хозяйстве само собой разумеется, что некоторые профессии в интересах общественности должны считаться с известной перенагрузкой.

Конечно, каждый имеет право на свободное послеобеденное время. Против этого нельзя возражать. Однако 50 миллионов потребителей заинтересованы в том, чтобы иметь возможность спокойно производить покупки в свое свободное время. Надо же считаться с тем, что немецкий потребитель не ложится спать в субботу после обеда, что в это время он тратит деньги. Из этих соображений я выступаю за то, чтобы в субботу магазины были открыты целый день.

В США я разговаривал с розничными торговцами, именно из-за того, что эта тема меня интересует. Они уже слышали о требовании на свободное послеобеденное время в субботу. Их мнение можно сформулировать примерно так: «Однако, вашим розничным торговцам живется хорошо, если они согласны отказаться от торговли в субботу после обеда!»

Ошибочным было бы указание на то, что закрытие магазинов в послеобеденное время по субботам не вызывает уменьшения оборота. Это совершенно неверный расчет! Предполагать, будто потребности 50 миллионов потребителей являются величиной постоянной, определяемой рациональным расчетом, – неправильно [37]. Люди, желающие что-либо купить и очутившиеся перед закрытым магазином, не вернутся тогда, когда торговец будет готов удовлетворить их желание. Поэтому мы должны стремиться к тому, чтобы не проводились меры, в результате которых сократятся обороты розничной торговли.

Почти ни в одной другой стране часы торговли не совпадают с часами работы в производстве или с рабочим временем иных занятий, и непонятно, почему это так должно быть в Германии [50]. И пусть тогда розничные торговцы не жалуются, если другие формы торговли, как, например, рассылочные магазины, заводские лавки, торговые точки в учреждениях, начнут играть все большую роль.

Конечно, совершенно иначе обстоит дело со справедливыми требованиями работников розничной торговли об установлении дней, когда они на полдня освобождаются от работы, и о введении разумно составленного расписания рабочего времени. Я не скрываю, что выполнение этого требования вызывает очень сложные проблемы в розничной торговле. Но и другие хозяйственные отрасли были поставлены перед необходимостью справиться с задачей, заключающейся в том, что необходимо отказаться от установки, будто рабочее время самого предприятия должно совпадать с рабочим временем отдельных, занятых в нем рабочих или служащих. Все это возможно.

Если здесь более подробно разбирались отдельные, частные вопросы, то не ради того, чтобы критиковать именно эту хозяйственную отрасль, но для того, чтобы показать на очевидном примере сложность затрагивающей значительно более широкие круги проблематики.

Немецкое чудо?

Если я до сих пор разбираю претензии некоторых хозяйственных кругов средних классов населения, то это не означает, что наша промышленность всегда занимает правильные позиции. Не раз в течение последних лет создавалось впечатление, что промышленность тяготеет рыночному хозяйству и не прочь, хотя и втихомолку, от него избавиться. Единственно верной, является, конечно, противоположная точка зрения. Промышленные круги должны были бы решительно признать, что они из внутреннего убеждения безоговорочно поддерживают принципы свободного рыночного хозяйства.

Там, где рыночное хозяйство при выполнении им своих функций наталкивается на препятствия, нужно требовать создания условий для более свободной деятельности. Промышленность вправе требовать, чтобы государство не ограничивало искусственно или чрезмерно свободу предпринимателя, чтобы налоговая политика оставляла ему достаточно капитала для выполнения предпринимательских задач в интересах народного хозяйства. Только в том случае, когда промышленные круги именно таким образом ведут борьбу за свои интересы, эта ее борьба может быть признана верноподчиненной. В этом случае она может рассчитывать на любую поддержку с моей стороны.

Из всего вышесказанного вытекает, что представление о соблюдении отдельных, частных интересов в экономике лежит вне сферы моего образа мышления; да, это утверждение должно быть особенно подчеркнуто, тем более, – чтобы привести сказанное к общему знаменателю, – что в моем мироощущении, а также в моем политико-экономическом представлении, в центре всего происходящего стоит человек. Все принимаемые мною политико-экономические меры исходят из соображений о том, как будут на них реагировать люди, какие выводы они сделают из изменившихся экономических условий [47].

Считая, что все успехи, которые были достигнуты благодаря моей экономической политике, основываются в конечном счете на трудовой деятельности людей, я и не склонен к признанию понятия «немецкое чудо». То, что произошло в Германии за последние девять лет, было чем угодно, только не чудом. Это было всего лишь результатом честного усилия всего народа, которому были предоставлены основанные на принципах свободы возможности снова прилагать и применять инициативу и энергию человека. Если этот немецкий пример должен иметь значение и за пределами границ собственной страны, то только в том смысле, что он должен показать всему миру, каким благом является свобода человека и свобода экономического развития [39].

Глава VII. Картели – враги потребителя

Понятие «социальное рыночное хозяйство» приобрело всеобщее признание теперь не только в Германии. Даже противники моей экономической политики вынуждены считаться с этой формулировкой. Но экономическая политика может называться социальной только в том случае, если она способствует тому, что хозяйственный прогресс, повышение производительности и увеличение продукции идут на пользу потребителю [36].

Наилучшим средством для достижения этой цели в рамках свободного общественного строя была и остается конкуренция; она является главным устоем этой системы. Социальное рыночное хозяйство обязывает меня поэтому обратить все мое внимание на тенденции к объединению в картели так же, как и на различного рода стремления, направленные на ограничение конкуренции, и объявить им борьбу.

Карло Мёттели в своей статье «Профсоюзы и хозяйственный порядок» в сборнике «Хозяйство без чуда» (издательство Buigen Reaitech-Veriag, Erlenbach/Zurich, 1953 г., стр. 303), справедливо обращает внимание на то, что свободный хозяйственный порядок вынужден защищаться не только от нападков со стороны профсоюзов, но и что «в лагере работодателей, в свою очередь, готовность воспринять порядок, понастоящему основанный на конкуренции, оставляет желать лучшего». Стремление уничтожить свободу торговли и

промыслов при помощи картельных сговоров едва ли меньше стремления трудящихся к коллективизму.

Вскоре после назначения меня директором Управления по делам хозяйства (2 марта 1948) я принял меры к разработке проектов для немецкого закона о картелях. Эта инициатива нашла свое отражение в так называемом «Закоме об основах распределения и политики цен после денежной реформы» от 24 июня 1948 года. В части третьей моего проекта говорится: «Поскольку государство не регламентирует обращение товаров и оказание услуг, должен применяться принцип конкуренции. В случае, если образуются хозяйственные монополии, они подлежат устранению, а до этого они должны быть подчинены государственному надзору. Проект собственного германского закона о картелях должен быть в кратчайший срок представлен Хозяйственному совету».

Нелишне вспомнить, что первый германский послевоенный парламент значительным большинством голосов одобрил эту формулировку. Незадолго до принятия этого решения Хозяйственным советом, а именно 12 февраля 1948 года, американское и британское военные управления каждое для своей зоны, издали постановление о запрете чрезмерной концентрации германской экономики и о проведении декартелизации. Военные управления оставляли за собой право проведения соответствующих мероприятий в жизнь.

Согласно заявлениям союзных властей, особенно генерала Клея, эти законы военных властей должны были дать лишь правила для переходного времени. Окончательный порядок установит германский закон о картелях, который должен будет заменить упомянутые постановления военных властей. Правда, в то время такой германский закон еще нуждался в утверждении военным управлением. Кроме того, Контрольное бюро двух зон (британской и американской) предложило Хозяйственному совету представить проект закона, который соответствовал бы идее Гаванской хартии от 24 марта 1948 года: иными словами, в этом законопроекте должен был быть предусмотрен запрет ограничений конкуренции, создания картелей и иных форм ограничения экономической свободы.

Из этого положения исходила первая немецкая попытка законодательным путем разрешить эту невероятно трудную проблему. По моему поручению, комиссия экспертов представила 5 июля 1949 года свой первый проект закона об обеспечении свободной конкуренции и, далее, проект закона об учреждении ведомства по делам монополий. В составе этой комиссии экспертов числились, помимо иных специалистов, также знатоки картельного права, как, например, д-р Вальтер Бауэр, профессор Франц Бем, д-р Пауль Йостен, д-р Вильгельм Кеппель, профессор Вильгельм Кромпхардт, профессор Бернгард Пфистер.

Неприятие монополии

Ввиду ограниченного срока полномочий Хозяйственного совета я не имел возможности провести эти планы в рамках франкфуртского собрания⁴. Но в те месяцы я не раз старался разъяснить общественному мнению основную мысль моей антикартельной установки. Так я высказался очень недвусмысленно в журнале «Фольксвирт» от 16 декабря 1949 года:

«В развитии конкуренции я вижу лучший залог того, что постоянное повышение производительности, не прекратится, что будет иметь место справедливое распределение и национального дохода и национальной продукции. В интересах действительно „социального“ рыночного хозяйства я не могу отказаться от этой движущей силы... Плановое и принудительное хозяйство, организуемое самими предпринимателями, кажется мне не менее недопустимым и вредным, чем правительственное принудительное хозяйство. Такое хозяйство не может быть определено по примитивной формуле приятия или неприятия картелей...

Следует помнить, что все соглашения об ограничении рынка, особенно в области цен, в

⁴ Хозяйственный совет. – Прим. перев.

конечном итоге ставят своей целью ограничение конкуренции. Это верно, несмотря на все многообразие явлений, задач и устремлений при практическом применении картельной политики, и несмотря на ее бесчисленные нюансы и оттенки...

В моих глазах эти попытки являются грехом против святого духа самой жизни, сокровенная сущность коего заключается в превращении, движении и развитии; поэтому здесь и бессильны все неуклюжие средства регулирования и стабилизации, свойственные плановому хозяйству».

27 декабря 1949 года я следующим образом формулировал свои мысли, выступая по Баварскому радио:

«Свобода господствует только там, где не злоупотребляют властью для подавления свободы, где она укоренена в кодексе нравственности и права того или иного народа и становится общеобязательным законом, высшей ценностью самого общества».

На съезде христианских демократов в Госларе 22 октября 1950 года я назвал будущий немецкий закон о картелях ядром социального рыночного хозяйства, причем «не должно быть допущено частнохозяйственное использование позиций силы, имеющих источником организационную или юридическую основу, для стеснения свободной конкуренции. Федеральное правительство должно получить в руки действенное орудие против явных или тайных соглашений о ценах». В этом законе о картелях должны «найти применение и быть претворены в жизнь лучшие принципы нашей политики социального рыночного хозяйства». Этот закон получит значение завершения целого этапа развития в истории германского восстановления.

Никаких американских приказов

Подобных высказываний я мог бы привести множество. Я только восстанавливаю их в памяти, чтобы показать, что каждый гражданин, который подавал в 1949 и 1953 годах свой голос за теперешнее правительство⁵ и, тем самым, высказывался за социальное рыночное хозяйство, признал этим и эту антикартельную установку, разве что он исходил из расчета на внутреннюю нечестность политики. Сегодня еще всплывает от поры до времени во время дискуссий глупейший и коварный упрек в том, что разработка законопроекта о картелях имела место в результате американских приказов или является отражением американского мира идей. По этому поводу мы разрешим себе короткое разъяснение.

При моих усилиях в этой области мне никогда не приходилось встречаться с американскими приказами, а тем более подчиняться таковым. Правда, образ моих мыслей и чувств весьма схож с тем, который способствовал столь явным успехам американского хозяйства и который, наряду с чисто научными соображениями, укрепил во мне убеждение в том, что все ограничения свободы конкуренции являются вредными.

Чтобы не грешить против исторической правды, не надо замалчивать тот факт, что первое федеральное правительство, вступая в исполнение своих функций, согласно существовавшим тогда общим положениям, обязано было поставить свой проект антикартельного закона на совместное с Верховной Контрольной Комиссией союзников обсуждение. Последняя сообщила 1 декабря 1951 года, что рассмотрение этого обширного закона должно быть поручено экспертам. Обсуждения начались 11 декабря 1951 года. Они потребовали нескольких недель и нашли свое отражение в протоколах, которые могли бы составить целый том размера крупной энциклопедии.

Обсуждения велись во вполне деловой атмосфере. Сосредоточивались дискуссии на некоторых главных вопросах, например, на специфической форме картелей, создаваемых для проведения рационализации, на предписаниях в области приобретения и использования патентов и образцов. Со стороны союзных военных властей указано было на желательность внесения обязательных предписаний о свободе промыслов и о так называемых

⁵ т. е. за правительство Аденауэра. – Прим. перев.

«предприятиях, господствующих над рынком».

Проект, который в дальнейшем был принят федеральным правительством, как раз противоречил в своей основной структуре принципам американского законодательства. Запретительный принцип проводится в Северной Америке строжайшим образом; германские законопроектные предвидели возможность предоставления исключений административным путем, что совершенно чуждо американскому праву. Уже это короткое указание может служить разъяснением тому, насколько неправдоподобны все неблагоприятные утверждения о моем подчинении американской точке зрения на картели.

Федеральный кабинет министров первого периода полномочий парламента принял, наконец, – в начале 1952 года – проект, разработанный моим ведомством. 2 мая 1952 года он был направлен в Бундесрат ⁶, под обозначением: «Проект закона против ограничений конкуренции». Бундесрат занялся его обсуждением 23 мая 1952 года.

Здесь стоит также восстановить в памяти, что Бундесрат принял столь сильно оспариваемое запретительное положение параграфа 1 проекта. Данное решение было весьма значительной победой моей концепции, и это тем более, что несколько месяцев до этого подкомиссия Бундесрата, на которую были возложены «подготовительные работы по составлению федерального закона против ограничений конкуренции», предложила отменять «при помощи соответствующих практике рынка способов вмешательства, ограничения свободы конкуренции в тех случаях, когда создание картелей может привести к злоупотреблениям».

Федеральное правительство немедленно высказалось по поводу предложений Бундесрата и уже 16 июня 1952 года передало законопроект Бундестагу. Спустя десять дней имело место первое чтение законопроекта на 220-м заседании парламента. 12 месяцев, которые еще оставались в распоряжении Бундестага до конца его полномочий, оказались явно недостаточными, чтобы принять этот действительно сложный закон. Во всяком случае, уже в то время нельзя было не заметить, что разного рода противодействия со стороны противников общего запрещения картелей оказывали влияние на прения в парламенте. Эти противодействия сильно нарушали работу и отнимали немало времени.

Принцип запрета снова подтвержден

Я не замедлил представить на рассмотрение федерального кабинета министров, лишь немногие месяцы спустя после образования второго правительства Аденауэра, проект закона о картелях, идентичный тому, который был предложен парламенту первого созыва. Несмотря на яростные и повторные попытки провалить предложенный мною принцип запрещения, федеральный кабинет значительным большинством голосов принял 17 февраля 1954 года мой проект.

При этом кабинет выразил пожелание, чтобы Бундестаг при дальнейшем обсуждении вопроса исходил из результатов обсуждения в парламенте первого созыва.

21 мая 1954 года Бундесрат высказался по законопроекту. Несмотря на яростный и драматический характер обсуждений, предшествовавших этому заседанию, основная мысль проекта, которая нашла отражение в запретительном принципе в § 1, была принята большинством голосов. Правда, прошло потом несколько месяцев, пока федеральное правительство не решилось направить законопроект дальше на рассмотрение Бундестага. Ответственность за эту отсрочку до 22 января 1955 года лежит несомненно на мне.

Против моего проекта со стороны хозяйственных кругов все время выдвигалось положение, что народное хозяйство не может быть поставлено в условия неограниченной конкуренции до тех пор, пока государство при помощи налогов отнимает слишком большую долю дохода, который дает занимающимся хозяйственной деятельностью их труд. Так как эта аргументация, с материальной точки зрения, не была лишена известного оправдания, то я

⁶ Верхняя палата парламента ГФР, но с ограниченными правами. – Прим. перев.

согласился на отсрочку на время обсуждения налоговой реформы, принимая к тому же во внимание, что в связи с работой над налоговой реформой парламент действительно был перегружен.

Этот перерыв дал еще раз возможность обсудить важнейшие положения законопроекта с заинтересованными кругами народного хозяйства, особенно с Федеральным объединением германской промышленности.

Эти переговоры привели 18 октября 1954 года к составлению обобщающего резюме этих дискуссий, часто неправильно истолкованному и много обсуждавшемуся. 24 марта 1955 года Бундестаг, на своем 76-м заседании, приступил к первому чтению правительственного законопроекта. В распоряжении парламента оставалось два года до истечения его полномочий. Этого времени было достаточно, чтобы рассмотреть даже такой сложный законопроект с самых различных точек зрения.

С разных сторон раздаются упреки, что рассмотрение закона шло медленно. Я сам достаточно ясно указал на многократные случаи противодействия законопроекту, проявившиеся на протяжении всех фаз обсуждения. Однако справедливость требует отметить, что здесь дело шло о законодательном оформлении весьма сложного вопроса, причем у законодателя был в распоряжении по существу только материал, опирающийся на отрицательный опыт, а частью не опирающийся ни на какой опыт.

Закон о защите потребителей

По поводу отсрочек и перерывов в рассмотрении закона я хотел бы заметить, что они были вызваны не только тактическими соображениями моих противников, но и тем, что я соглашался на отсрочки, желая получить от парламента закон действительно пригодный и соответствующий моим основным понятиям. Я имел основание надеяться, что с приближением конца полномочий парламента депутаты скорее будут склонны принять во внимание мои соображения, тем более, что дело касалось закона о защите именно потребителей. Однако, в дальнейшем эти тактические соображения не должны здесь служить предметом обсуждения. Для меня было здесь важнее изложить принципы моей точки зрения на картели – принципы, которые сохраняют силу при всех изменениях текущих вопросов дня.

Предварительно я должен ответить на вопрос, почему же я являюсь столь явно выраженным противником картелей. В связи с этим нельзя не коснуться прошлого хотя бы вкратце.

Я исхожу из опыта, подкрепленного исследованиями экономической науки, что народное хозяйство, основанное на конкуренции, является лучшей формой хозяйства как с точки зрения экономической, так и с точки зрения демократических принципов. Государство должно вмешиваться в жизнь рынка только в той степени, в которой это требуется для поддержания работы механизма конкуренции или для контроля тех рынков, на которых условия вполне свободной конкуренции не осуществимы.

Ни одно течение экономической мысли не отрицает, что в эпоху либеральной экономики человечество в смысле цивилизации сделало огромный шаг вперед. После того, как закостенелое цеховое устройство со своими хозяйственными, но также и этическими и сословными понятиями стало тормозом прогресса, восторжествовал принцип „laissez faire“, открывший дорогу небывалым экономическим силам. В то время как цехи осуждали личную инициативу и передовые идеи, предприниматель начинавшегося XIX века мог сам все решать, как ему поступать со своей продукцией. Так как все предприниматели имели одинаковые шансы в рамках свободной деятельности, развилась конкуренция, а благодаря ей развился и «рынок», ставший центром перекрещения всех экономических интересов. Образующиеся под влиянием спроса и предложения рыночные цены давали такое направление производству и потреблению, которое шло на пользу всем.

На протяжении последних десятилетий XIX века выявились однако факторы, которые,

с одной стороны, нарушали эффективность рыночного хозяйства, с другой – приводили к усиленным трениям социального и политического характера.

Силы, присущие самому рыночному хозяйству, а также мероприятия государства, привели к стеснению механизма конкуренции путем создания монополий и иных позиций, господствующих над рынком. Развитие техники со своей стороны лишней раз содействовало появлению определенных монопольных тенденций, так что равенство условий в конкуренции было, несомненно, повсюду нарушено.

Любая монополия таит в себе опасность того, что потребитель окажется обделенным, и к тому же она замедляет экономический прогресс. Отрицательные последствия стремлений к монополиям должны были тем сильнее дать себя знать, чем меньше были по своему масштабу те или иные народные хозяйства и чем больше они отгораживались от мирового рынка путем протекционистских мероприятий, или поскольку, используя такую изоляцию, частнохозяйственные монопольные позиции сознательно поощрялись путем хозяйственно-политических мероприятий [43].

Пользоваться результатами хозяйственных достижений должны все

Краеугольным камнем такого взгляда на картели является мое убеждение, что в условиях свободной конкуренции дают себя знать силы, которые действуют в том направлении, чтобы достижения экономического прогресса и улучшение в методах труда не находили свое отражение в повышенных прибылях, пенсиях или синекурах, но чтобы все успехи шли на пользу потребителю. Социальный смысл рыночного хозяйства в том и заключается, что любой успех экономики, любое достижение рационализации, любое повышение производительности труда идет на благо всему народу и служит лучшему удовлетворению нужд потребителей.

По этим соображениям рыночное хозяйство не может быть отделено от свободной конкуренции; оно не может также отказаться от функции свободной цены. Кто захочет исключить функцию свободной цены, тот умерщвляет конкуренцию и содействует оцепенению экономики – и безразлично, проводится ли это государственными учреждениями или предпринимательскими организациями, как, например, картелями.

Последовательно придерживаясь такого образа мыслей, я всегда полагал, уже начиная с первого дня валютной реформы, что ограничение и устранение многочисленных форм влияния государства на цены является моей благороднейшей и важнейшей задачей. Всякий знает, что с этого времени я обосновал мою экономическую политику на принципе свободы, на принципе свободного выбора работы или деятельности, потому что действительно органический и гармонический порядок вещей может быть обеспечен только в определяемом свободной конкуренцией и свободным образованием цен свободном рынке.

Я решительно отвергаю любую форму бюрократически направляемого хозяйства и государственного принудительного хозяйства, и столь же твердо я намерен оказывать сопротивление другим формам коллективного воздействия на экономику. Между государственным и предпринимательским плановым хозяйством нет разницы ни в принципе, ни на практике. Если мы уж хотим, чтобы у нас установился и сохранился свободный экономический и общественный строй, то мы не смеем никому и ни одной группе предоставлять право истолковывать свободу по собственному вкусу и усмотрению и затем ее еще ограничить. Свободное хозяйство в моих глазах соответствует свободному предпринимательству [23]. Предприниматели не знают, что они делают, они поступают как самобичевальщики (флагелланты), когда они объявляют войну системе экономики, основанной на свободной конкуренции.

Я считаю свободу единым и неделимым целым. По моим понятиям политическая и хозяйственная свобода и свобода человека вообще составляют сложное единство. Немыслимо тут вырвать одну часть, чтобы не рухнуло и все остальное [32].

Тайна рыночного хозяйства

Это осознание неделимости свободы должно заставить каждого политика, который заботится о всеобщем благе, осознать свою обязанность предоставить снова людям свободу после долгих лет политической несвободы. Это чувство ответственности побудило меня тотчас после принятия моей должности разделаться с той бредовой идеей, которая пыталась держать хозяйство и хозяйственников на поводку у государства. Этим я создал в сфере моего ведомства основную предпосылку настоящего демократического порядка; я помог прорваться свободе.

В том и заключается тайна рыночного хозяйства и его превосходство над любым видом планового хозяйства, что в рыночном хозяйстве как бы ежедневно и ежечасно осуществляются процессы приспособления, которые приводят к правильному соотношению спрос и предложение, национальную продукцию и национальный доход, и тем самым к равновесию. Тот же, кто не желает соревнования в производительности и свободных рыночных цен, упускает из рук все аргументы против планового хозяйства [14].

Теперь мои противники могут поставить вопрос, не будет ли столь подчеркиваемая мною свобода предпринимателей слишком стеснена как раз тем, что предпринимателю не будет дано право использовать свою свободу так, как он найдет нужным, то есть в известных случаях пользоваться ею для ограничения свободы других предпринимателей? Я охотно соглашусь, что здесь речь идет об основном вопросе рыночного хозяйства современного типа. Поставить этот вопрос и на него ответить, – это значит вскрыть очевидную разницу между социальным рыночным хозяйством, которое мы стремимся осуществить в Западной Германии начиная с 1948 года, и либералистическим хозяйством старого образца. По моему мнению, социальное рыночное хозяйство как раз не предоставляет предпринимателю свободу исключать конкуренцию путем создания картельных соглашений, напротив, оно обязывает предпринимателя путем собственных достижений, соревнуясь с конкурентами, заслужить благосклонность потребителя. Не государство решает, кому надлежит занять первое место на рынке, и не предпринимательские организации типа картелей, но исключительно потребитель. Качество и цена определяют вид и направленность продукции и только по этим критериям осуществляется отбор в области частного хозяйства.

В этом понимании свобода является правом гражданина, которое никем не может быть отменено. Та свобода, которую требуют сторонники картелей, то есть свобода ограничивать или устранять свободу, не является тем понятием свободы, которое, по моему мнению, должно в интересах дальнейшего существования свободных предпринимателей стоять на первом месте. Кто произносит слово свобода, тот тем самым обязуется и в мыслях быть честным в этом вопросе.

Свобода, – я повторяю это, – является и будет единым целым и неделимым. И ее нельзя ни защищать, ни отвергать, руководствуясь лишь соображениями целесообразности.

Противоположность хозяйственной свободы представляет собой выдвигание экономического могущества. Поэтому необходимо законодательным путем предотвратить возможность того, что преимущества основанного на свободной конкуренции хозяйства окажутся сведенными на нет, невыгодами, вытекающими, как это исторически доказано, из опасной концентрации экономического могущества.

Вот почему законодатель должен обратить особое внимание на проблему экономического могущества, как возможной помехи экономическому равновесию в рыночном хозяйстве. Конкуренция и обусловленные ею повышение производительности и способствование прогрессу должны быть обеспечены государственными мероприятиями и ограждены от всех возможных посягательств. В частности, надо гарантировать, чтобы функция свободного образования цен на независимом рынке, как средства регулирования хозяйственного процесса на независимом рынке не встречала никаких препятствий.

Основные формы экономического могущества

Экономическое могущество образуется по существу в трех основных формах:

1. На базе законной организации – таким образом, что ряд юридически самостоятельных предприятий, поступаясь в какой-то мере своей самостоятельностью, обязуется, на основе взаимных договоров и соглашений, путем регулирования действующих на рынке факторов, ограничить или вообще исключить конкуренцию.

2. На базе капитала – таким образом, что волеизъявление юридически самостоятельного предприятия может, в результате сплетения интересов или на основании соотношения в правах владения, находиться под влиянием другого предприятия в том смысле, что оно не может или не смеет использовать на рынке свою производственную мощность в полной мере.

3. Путем создания отдельных, очень крупных предприятий, которые вследствие той весьма значительной роли, которую они играют на рынке, доминирующим образом влияют на предложение товаров и на образование цен.

При основном исключительно на свободной конкуренции хозяйстве рыночные цены не могут быть продиктованы каким-либо отдельным участником рыночных операций; но большая экономическая мощь даст возможность произвольно изменять эти цены и этим сознательно и искусственно направлять ход рыночных операций в русло, выгодное мощным хозяйственным группам. Для рыночных операций, организованных на монополистических началах, устанавливаемые таким образом цены не являются больше тем «показателем», к которому должны приноравливаться отдельные предприниматели, чтобы сохранить возможность и дальше участвовать в соревновании; теперь можно эти цены по собственному усмотрению устанавливать и ими манипулировать. Вполне последовательно из этого вырастает опасность нанесения ущерба потребителю, но и опасность неудачных, с народнохозяйственной точки зрения, капиталовложений, а также возможность того, что технический и хозяйственный прогресс окажется нарушенным.

В силу этого законодатель должен считать своей задачей устранение факторов, нарушающих ход рыночных операций, для чего необходимо:

- а) сохранять свободную конкуренцию в возможно большем объеме;
- б) на тех рынках, где конкуренция не может быть полностью осуществлена, препятствовать злоупотреблениям мощных хозяйственных групп;
- в) для этой цели учредить государственный орган контроля, а если необходимо, то и для оказания влияния на ход рыночных операций.

Упорядоченная таким образом структура рынка соответствует, как уже было сказано, в хозяйственно-политическом плане тому, что в государственном представляет политическая демократия. В то время как сущность последней должна рассматриваться, как право каждого гражданина на соревнование в достижениях, как побуждающая сила, и свободные цены, как регулятор, были бы гарантированы соответствующими законами.

Тесная связь и зависимость между политической и экономической структурой делают закрепление основных хозяйственных прав в заключительном порядке особо важным и необходимым [43]. Все мои усилия сводятся к тому, чтобы соревнование в достижениях, как побуждающую силу, и свободные цены, как регулятор, были бы гарантированы соответствующими законами.

Кто обходит эти принципы или относится к ним пренебрежительно, – тот подрывает рыночное хозяйство и подтачивает основы, на которых покоится наш общественно-экономический строй. Читатель почувствует, что тут дело идет об основных вопросах экономической политики и что спор о политике по отношению к картелям является не просто каким-либо одним из многочисленных спорных вопросов. Напротив, тут рассматривается центральная проблема нашего экономического строя [28]. Только исходя из такой точки зрения станет понятной долготелая борьба вокруг закона о картелях.

Разрешите мне осветить также социальную сторону этой проблемы. Я еще потому принципиальный противник картелей, что подлинное и честно задуманное социальное

рыночное хозяйство, – причем ударение должно сознательно ставиться на слове «социальное», – может быть гарантировано только в том случае, если благодаря свободному соревнованию лучшие достижения получают предпочтение перед менее удовлетворительными. На этой базе может быть достигнуто наиболее благоприятное обеспечение потребностей с точек зрения количества, качества и уровня цен. В то же время этот принцип обеспечивает то, что повышенным достижениям обеспечивается большая прибыль и что «социально», более ценный предприниматель приобретает большую гарантию успеха и новые возможности [9].

Что же касается зачастую неправильно понимаемой моральной оценки картелей, то я хотел бы заявить, что я очень далек от того, чтобы начать именно с морального осуждения картелей или же приписать тем или иным промышленникам или предпринимателям нечистые побуждения.

Если предприниматель считает, что продажной ценой своей продукции он должен покрыть производственные издержки, то тут никаких сомнений морального порядка быть не может; но такое понимание вещей не согласуется с внутренними законами рыночного хозяйства, ибо оно гарантировало бы прибыль самому плохому предпринимателю [32].

Нет, даже при самом большом желании я не могу найти в картелях ничего положительного; напротив, и притом особенно с точки зрения интересов народного хозяйства, я вижу в них только отрицательное. Как часто в последние годы люди, представители разных отраслей промышленности, уверяли меня, что если они не получают возможности установить соглашения относительно цен, то дело их наверняка развалится. Я им не дал этой возможности, но и предсказанные случаи развала предприятий также не имели места.

Однажды, еще в самом начале, я сказал в шутку: «Вокруг моего письменного стола с утра до вечера витают призраки катастроф, и все же этих катастроф я никак не могу дожидаться».

В последние годы немецкая экономика, несмотря на кризисы, все же развивалась очень хорошо [12].

Исключения возможны и необходимы

Итак, у меня было достаточно оснований, чтобы защищать в прошедшие годы принцип рыночного хозяйства с твердостью, граничащей с упрямством. Однако, мне при этом было ясно, что принцип чистого соревнования в том или ином случае не может быть полностью осуществлен. К сожалению, теперь этот принцип всюду подтачивается. Все же мы должны быть счастливы, что снова располагаем четким понятием, на основании которого мы могли снова вернуться к правильному экономическому мышлению и отойти от тенденции жить просто со дня на день.

Однако нельзя полагать, что этот принцип чистого соревнования может быть осуществлен теперь повсюду и в полной мере. Я не настолько далек от жизни, чтобы не видеть вокруг себя тысячи примеров, из которых следует, насколько теоретическая схема вполне свободной конкуренции смешивается с другими элементами и вследствие этого теряет свою чистоту [24]. Я также не настолько догматичен, чтобы не сознавать, что может сложиться обстановка, при которой всеобщий запрет картелей может быть или даже должен быть видоизменен. В отдельных случаях возможно также допустить некоторые ограничения и ослабления запрета картелей [9]. Но все же тот, кто считает себя в праве издеваться над принципом полной свободной конкуренции, доказывает этим свою собственную умственную неполноценность.

В осуществление указанного рода мыслей правительственный законопроект оказался также свободным от всякого догматизма. Поэтому он вовсе не исходит из столь критикуемой идеи всеобъемлющей конкуренции, но признает, что вмешательство может быть оправдано и даже необходимо. Никто с чистой совестью не может утверждать, что обоснованные

потребности хозяйства не были учтены и что самой процедурой, при применении предписаний этого закона, вызывается дискриминация известных хозяйственных кругов [36].

Принципиальный спор проходит мимо сути

Все эти соображения не будут полноценными, если не упомянуть о делящемся долгие годы споре между сторонниками закона, запрещающего картели, и закона, лишь ограничивающего злоупотребления картелей. Такая постановка вопроса, так же как и попытка моральной оценки картелей, помоему, не затрагивает сущности проблемы. Разрешите поэтому еще раз подчеркнуть, что моя отрицательная позиция в отношении картелей не основывается на стремлении приписать им сознательно нечестные намерения и поступки, что было бы в сущности дискриминацией; но в самом факте навязанных коллективом цен, даже если они морально и калькуляционно оправданы, я усматриваю народнохозяйственное зло.

Я иду еще дальше, утверждая, что навязывание слишком низких цен может нанести такой же вред народному хозяйству, как и слишком высокие цены. Единственно «правильная» с народнохозяйственной точки зрения и допустимая рыночная цена не может быть высчитана абстрактно. Она образуется в результате уравнивания цен на свободном рынке. Всякое другое понимание явления цен приводит к искажениям и по необходимости способствует, помимо этого, распространению убеждения, будто предприниматель может в любом случае претендовать на покрытие издержек.

Мне представляется, что законодательство, запрещающее картели, является последовательным с любой точки зрения. Оно делает единственный возможный практический вывод из неудачного опыта со всякого рода законами о злоупотреблениях и все же допускает исключения, которые необходимы в народном хозяйстве.

К тому же сторонники картелей делают – конечно не случайно – большую ошибку (что тоже доказывает слабость их аргументации): они рассматривают действие картельных или антикартельных мероприятий всего лишь с точки зрения частнохозяйственных последствий для заинтересованных предприятий, умышленно избегая общей народнохозяйственной оценки. Ведь именно крепкие и в своей целевой установке преуспевающие картели, должны с народнохозяйственной точки зрения рассматриваться, как вреднейшие.

Вот почему закон о картелях ни в коем случае не должен быть изменен таким образом, чтобы затрагивался принцип запрета картелей. Измененный в таком духе закон о картелях стал бы фарсом и сделал бы политику федерального правительства посмешищем в глазах всей общественности. Кроме того, я считаю, что закон о картелях является пригодным, если вообще не самым лучшим, средством прекращения политических выпадов против предпринимательского хозяйства.

Предприниматель неуязвим, если его функция, как свободного предпринимателя, действительно необходима для осуществления свободного соревнования в производительности, если в результате этого соревнования и достигнутого прогресса устанавливаются цены, которые открывают потребителю наиболее благоприятные возможности к существованию. Отношение потребителя к нашему экономическому строю будет становиться все более положительным, если каждый гражданин будет уверен, что благодаря свободному рынку он сам будет определять свою судьбу и не будет зависеть от анонимных экономических сил [14].

Сторонники картелей, которые требуют издания закона о надзоре за картелями или закона о злоупотреблениях, в сущности гораздо более догматичны сторонников закона о запрете картелей, так как они считают излишним опровергать все возражения; они не могут отказаться от своих иллюзий даже тогда, когда им доказывают, что закон о злоупотреблениях полностью проходит мимо народнохозяйственной сути проблемы. Я вовсе не обвиняю картели в злоупотреблениях в уголовном или аморальном смысле. «Злоупотребление» выражается в связывании и замораживании цен, т. е. в упразднении

функции свободных цен. Поэтому законодательство о злоупотреблениях мне ровно ничего не дает. На эти возражения я в течение всех лет вообще не получал ответа; могу только добавить, что, исходя из точки зрения сторонников картелей, никакого ответа и последовать не может [36].

Незаменимый барометр

Иллюзией является желание посредством картелей установить «правильную» для народного хозяйства цену. Пусть оспорят в конце концов мою основную концепцию: на свободном рынке, где свободный предприниматель выпускает продукцию по собственной инициативе и на собственный риск, не может быть твердо установленных, связанных картельными ограничениями, цен, так как тогда качественное и количественное выравнивание между разнородным предложением производителей и еще более разнообразным спросом миллионов потребителей будет логически невозможным. Хозяйство при этом должно было бы идти вслепую; предприниматель не мог бы давать правильные распоряжения, если бы гибкие цены не показывали ему, должен ли он выпускать больше или меньше продукции, и какую именно, и когда, и где. Выравнивание между спросом и предложением не имело бы места, если бы хозяйство закостенело под влиянием картелей [26].

Кажущееся дилетантам почти таинственным господство свободного народного хозяйства начинается как раз там, где мы ставим вопрос – как, собственно говоря, осуществилось то, что у нас миллионы потребителей самостоятельно определяя свои потребности, находят на рынке как раз то, в чем они нуждаются. Никто не может предположить, что сотни тысяч свободных предпринимателей никогда не ошибаются в своих действиях. Нет, они, конечно, не непогрешимы; это значит, что одних товаров бывает слишком мало, других слишком много, и они по качеству и цене не всегда отвечают спросу. Мы знаем к тому же, насколько меняются запросы и требования потребителя.

Общественное потребление постоянно видоизменяется, и все же предложение всегда должно удовлетворить спрос. Этот «фокус» может совершаться лишь в том случае, если в интересах сохранения своего существования каждый предприниматель всю свою волю и честолюбие направит к тому, чтобы, применяясь к обстоятельствам, занять «правильную позицию» на рынке и всегда предоставлять потребителю все лучшее. Это будет способствовать доброжелательному отношению потребителя к предпринимателю, а в соревновании с конкурентами – сохранению своего положения на рынке. В этой борьбе за положение на рынке исключить функцию свободных цен просто невозможно [28].

Косвенно это, конечно, означает, что предпринимателю нельзя дать гарантию в том, что он покроет свои издержки. Если же картели стали бы опираться на подобные опасные нравственные тезисы, то это поневоле приведет к тому, что предприниматель не сможет больше оправдать свое право на существование; тогда его задачи – чисто технические и административные – может выполнять любой знающий чиновник. В таком случае по справедливости предприниматель потерял бы также право на предпринимательский доход.

Для необходимого выравнивания спроса и предложения, в народном хозяйстве цены иногда могут или даже должны подняться столь высоко, как это для картелей, возможно, и не желательно. С другой стороны, в зависимости от положения на рынке цены могут иногда оказаться и ниже себестоимости.

Я не могу согласиться и с теми, кто защищает необходимость картелей из соображений организации производства, хотя я совершенно не против учета себестоимости; я даже хотел бы, чтобы каждое предприятие располагало способными силами для составления правильных калькуляций. Вычисление себестоимости должно лишь показать отдельному предпринимателю, каково его положение и каким образом он может сохранить свое положение в производственном соревновании. Но совершенно ошибочно полагать, что из калькуляций можно вывести политические требования о необходимости создания картелей

[65].

Немецкий предприниматель, который совершенно правильно противится неуместному расширению соучастия трудящихся в управлении предприятиями, имеет все основания пересмотреть свое одобрительное отношение к картелям, так как политика свободных или связанных цен действительно теснейшим образом затрагивает проблему права соучастия в управлении.

Предприниматель может отстаивать свое право на существование только до тех пор, пока он готов выполнять все функции свободного предпринимателя со всеми открывающимися возможностями, а равно и со всем вытекающим из этого риском. Он незаменим и неуязвим только до тех пор, пока он в свободном соревновании на свободном рынке готов проявить свою пригодность для этих функций. Как только предприниматель попытается путем коллективных соглашений уменьшить или даже совершенно устранить риск, то есть как только он попытается перенести с себя ответственность за свои решения на объединение или отрасль, – ему нельзя будет, по моему убеждению, дальше противиться требованию о соучастии в управлении предприятиями – во всяком случае для этого у него не будет ни внутреннего оправдания, ни достаточной силы убеждения [21].

Создавая картели, предприниматель лишает себя своих исконных функций; вследствие этого он в конце концов становится лишь исполнителем, чиновником, а потому и вполне может быть заменен. В тот момент, когда снимается предпринимательская ответственность и судьба предприятия вместе с судьбой его рабочих и служащих будет поставлена в зависимость от решений какого-то коллектива, – отношение общественности к предпринимателю должно в корне измениться. В социальных условиях середины XX века уже не будет поэтому удивительным, если при таких судьбоносных решениях выставляется требование о соучастии в управлении. Если предприниматели согласны добровольно отказаться от своей предпринимательской свободы, то они подрывают политическое, социальное, общественное и моральное значение своего сословия; в тот момент к власти в предприятиях устремляется «чиновничество» и притом даже вполне обоснованно.

Я не могу все же пройти мимо констатации, неприятной для сторонников картелей из среды предпринимателей, что после 1948 года, когда продавец находился в особо выгодном положении, хозяйственники-предприниматели были воодушевлены свободой конкуренции и свободой образования цен, но что потом произошла бросающаяся в глаза перемена во взглядах, когда с достижением уравновешенного положения в хозяйстве стала выявляться внутренняя закономерность количественной конъюнктуры [36].

Картели как средство преодоления кризисов

Одним из главных аргументов сторонников картелей является утверждение, что экономические объединения типа картелей необходимы для того, чтобы избежать или по крайней мере ослабить разрушительные последствия кризисов, как конъюнктурных так и структурных.

Я далек от того, чтобы приписать огулом все экономические кризисы распространению картелей, – это было бы, само собой разумеется, глупостью. Но я также совершенно уверен в том, что попытка при помощи картельных объединений спастись от кризисов непригодна для народного хозяйства в целом и ни в каком случае к успеху не приведет.

Предложению товара в народном хозяйстве противостоит всегда только покупательная сила определенного объема и поэтому не все могут сразу и одновременно увеличить сбыт своих товаров. Это было бы практикование волшебной таблицы умножения. Из соединений картельного типа может вырасти, в первую очередь, та большая опасность, что отрасли хозяйства, которые должны удовлетворять неотложные потребности населения, смогут действительно привлечь большую покупательную силу, чем при свободном рынке. Но выгода этих привилегированных продавцов постепенно вылилась бы в тяжелый ущерб для тех, чья продукция противостояла бы тогда соответственно меньший объем покупательной

способности.

Все, что говорилось об удовлетворении неотложных потребностей, можно отнести также ко всем случаям, когда экономическое могущество создает для себя привилегированное положение при помощи сильных позиций. Сторонники картелей, правда, все время указывают на необходимость предотвращения экономических катастроф; они полагают, что в установлении картелями принудительных цен они нашли универсальное средство против такого рода бедствий.

Но такой способ, напротив, препятствует органическому разрешению кризисных явлений. Если какой-нибудь определенный продукт является ходким лишь при определенной цене и в определенном, но для промышленности недостаточном, количестве, или же, если вследствие изменения характера потребления спрос на такой продукт снизится, то введение твердых цен ничего не даст. Если сниженные цены привлекают новых покупателей и повышают потребление, а завышенные, напротив, покупателей отталкивают, то тогда картель, который хотел бы регулировать падение цен и обеспечить покрытие себестоимости, может оказать воздействие только таким образом, что объем продукции искусственно будет задержан и в то же время себестоимость продукции повысится. Расчет никогда не сойдется – кризис будет обостряться все больше.

Внутренняя закономерность такого образа действий неизбежно приведет ко все более сильному снижению народнохозяйственной активности. А если так будут поступать многие, то мы придем к полному застою рынка и, в конце концов, к неразрешимому углублению кризисов. Никакие картельные соглашения тогда не смогут больше оживить конъюнктуру и создать условия для восстановления упавшего производства.

Напротив, при свободном рынке наступление кризисных явлений значительно затруднено, так как свободные цены в силу своей гибкости как раз и выявляют всякие колебания и перемены, происходящие на рынке. Конкуренция тогда вызывает к жизни силы, которые стремятся к уравниванию и выравниванию.

В свободном рыночном хозяйстве появляющиеся все же напряженные ситуации излечиваются более органическим путем, а именно благодаря количественной конъюнктуре, зарождающейся из динамики этого напряжения. Но именно это – единственный обещающий успех и освобождающий путь для хозяйства и даже для отдельных предприятий. И если в ходе этого процесса приходится порой отказываться от прибыли или даже нести убытки, все же беспрестанно подтверждается, что свободное предпринимательское хозяйство обладает почти невероятной приспособляемостью, и что именно эта «необходимость показать себя на деле», является на рынке тем фактором, который гарантирует хозяйственный прогресс и который приводит к тому, что выгода от повышенной производительности в то же время всегда пойдет на пользу потребителю, то есть народу в целом. На основании этих внутренних взаимозависимостей наша политика может с полным правом называться «политикой социального рыночного хозяйства» [14]. Для морального обоснования своего положения предприниматель не может сделать ничего лучшего, как показать себя готовым нести всю ответственность за риск, а не бежать в картели, не искать защиты в коллективе. Это более чем опасный путь для предпринимателя, когда он стремится уйти от личной ответственности и заменить ее коллективной [32].

В столь же малой степени можно оправдать картели с точки зрения социальной политики, а именно тем, что они якобы имеют целью защиту предприятий и обеспечение спроса на работу, и что поэтому-де рабочий класс должен быть заинтересован в таком порядке. В глазах каждого, кто хоть немного может судить о внутренних взаимосвязях в народном хозяйстве, такое объяснение не выдерживает критики.

Единственно, что может быть картелями искусственно защищено и обеспечено, это, – в лучшем случае, – непроизводительные рабочие места, с вытекающей из этого опасностью, что все народное хозяйство, в смысле производительности, заостенее на мертвой точке, что при международном соревновании может со временем оказаться роковым; закрывать глаза на эту опасность мы не имеем права, даже учитывая наши теперешние экспортные

излишки.

Такую политику нельзя назвать социальной, ибо она тормозит прогресс и этим препятствует созданию новых, продуктивных и обеспеченных возможностей для приложения рабочей силы [36]. Никогда в истории немецкого хозяйства поэтому и не было столько безработных, как во времена наиболее полного расцвета картелей. Существование картелей всегда оплачивается дорогой ценой – понижением жизненного стандарта.

Сказка о защите средних классов

При попытках приобрести сторонников картелей поистине не стеснялись в выборе средств. Самое замечательное, что в последнее время придумали, это утверждение, что картели служат благу и защите средних классов. Это, мягко выражаясь, типичная современная сказка, в которой нет ни крупинки правды. На каждом рынке существует ровно столько покупательной силы, сколько на нем представлено товаров для потребления. Это значит, однако, что все предлагающие товары и услуги ведут борьбу за уже заранее установленный объем покупательной способности. (Научно подготовленный читатель да отнесется снисходительно к допущенному упрощению, так как оно не существенно для настоящего специфического рассмотрения проблемы).

Нам достоверно известно, что не все отрасли нашего хозяйства в равной мере пригодны для картельного объединения, а также, что не во всех в равной степени проявляется готовность и желание объединяться в картели. В сырьевой промышленности и в области тяжелой промышленности, которые выбрасывают на рынок одностипные товары и, где, следовательно, очень легко осуществить согласование интересов, можно предположить, что расположение, тяготение и способность к объединению в картели, уже по чисто техническим причинам, гораздо больше. Однако, чем больше мы приближаемся к области обработки, чем более законченную форму приобретают продукты, и чем шире становится дифференциация их, тем труднее достигнуть согласования и тем менее пригодны и эффективны будут картельные соглашения. Только тот будет стремиться к картельному объединению, кто считает, что участием в картеле он может лучше упрочить свое положение, добиться повышенного дохода и более верного покрытия издержек, чем он мог бы достичь вне картеля. Иными словами, стремящиеся к картелям хотят занять лучшее и более привилегированное положение на рынке. Их цель – обеспечить себе, т. е. для своей продукции, из наличной покупательной способности более значительную долю, чем им причиталось бы на свободном рынке. Но это привело бы к само собой разумеющимся последствиям: того излишка покупательной способности, на который претендуют определенные группы, доставало бы в других отраслях народного хозяйства. И не доставало бы его именно там, где в народнохозяйственном процессе участвуют средние классы, с принадлежащими им сотнями тысяч мелких и средних предприятий. Тут не доставало бы той покупательной способности, которую картелеспособные отрасли промышленности сумели направить на продукцию их собственных предприятий [35].

Предприятия средних классов встречаются главным образом в обрабатывающей промышленности, мы находим их в области производства товаров широкого потребления, в торговле, в ремеслах. Не следует и забывать, что путем картельных манипуляций объем покупательной способности не увеличивается ни на один пфенниг. Из этого следует, что в хозяйстве, пронизанном картелями, наличная покупательная способность недостаточна, чтобы поглотить все предложение товара; увеличение сбыта картелей может пойти только за счет некартелеспособных отраслей хозяйства, то есть главным образом за счет предприятий средних классов.

Если бы наученные этим опытом средние классы, подвизающиеся в обрабатывающей промышленности и в области производства товаров широкого потребления, стали бы также искать ключ к своему благополучию в картелях, то обнаружится, что расходящиеся интересы их предприятий согласовать невозможно и что трудности технического порядка привели бы

лишь к весьма проблематичным решениям. Даже при возможных соглашениях неизбежно обнаружится, что в самом лучшем случае удастся удержать требуемые цены, но количественно сбыт никогда не сохранится в своем объеме. И это не является неожиданностью, это понятно само собой. Предположим, что народное хозяйство, встав на путь картелей, получило возможность или, вернее, смогло принудительно поднять уровень цен на 10%; тогда реальная покупательная способность снизилась бы на 10%. Это значит, что имеющейся номинальной покупательной способности хватило бы только для поглощения сниженного на 10% объема национальной продукции. В свободном рыночном хозяйстве факт наличия несбываемого количества товаров привел бы, благодаря давлению цен, к новому равновесию [36]. Там, где господствуют картели, такая попытка привела бы к безвыходному кризису.

Нет нового дирижизма

Следующий упрек, который ставится моему отношению к картелям, заключается в том, что картельное ведомство, необходимость которого очевидна, было бы исходной точкой нового государственного дирижизма.

Я не могу предположить, чтобы этот упрек мог действительно серьезно восприниматься знатоком дела, но все же я хотел бы разобраться в этом вопросе, так как сей упрек постоянно выплывает в дискуссиях. С одной стороны, все время пытаются указать на то, что создавать картели не так то легко и потому нет опасности широкого внедрения картелей в немецкое хозяйство. С другой стороны, опасаются, что ходатайства о создании картелей будут поступать в таком количестве, что картельное ведомство не будет в состоянии справиться с этой задачей.

Если противники правительственного проекта действительно опасаются, что возникнет гигантский управленческий аппарат, то этим они сами выражают свое убеждение, что немецкое хозяйство снова стремится к массовому созданию картелей. К сожалению, и я разделяю это мнение и именно поэтому считаю необходимым противодействовать при помощи предложенного мной законопроекта о картелях [38].

Картельное ведомство, как было уже указано, должно быть действительно настолько крупным, насколько будет велико устремление немецкого хозяйства к картельным объединениям. По мне оно могло бы быть возможно меньшим. Но во всяком случае, народное хозяйство держит в своих руках решение – насколько велико должно быть картельное ведомство [35].

Что же касается столь устрашающего государственного дирижизма, то противоречия аргументации в этом вопросе просто бесподобны. В упреках нигде не упоминается частная картельная бюрократия, которая неминуемо образуется при возможности свободного создания картелей, хотя этот частнохозяйственно организованный дирижизм был бы, безусловно, несравнимо более массовым, чем он выразился бы в картельном ведомстве, у которого только одна задача – помешать неоправданному усилению влияния картелей и вместе с тем сохранить производственное соревнование и не дать рынку закостенеть.

Здесь пытаются, не очень убедительным образом, заклеить картельное ведомство как орган дирижизма, хотя оно должно как раз помешать дирижизму картелей и возникновению нового, частнохозяйственным путем организованного планового хозяйства. При всем желании нельзя говорить о государственной интервенции, если государство заботится о том, чтобы были сохранены принципы свободного демократического общественного строя [36].

Несколько слов к предпринимателям

В продолжающемся уже долгие годы споре о картельном законе немецкие предприниматели меня часто неправильно понимают. Поэтому, заканчивая этот обзор, я хотел бы сказать предпринимателям несколько слов. По моему непоколебимому убеждению,

свободное предпринимательское хозяйство держится и падает вместе с системой рыночного хозяйства. При всяком другом порядке предприниматель все более и более принуждается к роли простого исполнителя чужой воли, чиновника планового хозяйства. Если он больше не хочет выполнять народнохозяйственную задачу – меряться силами в свободном соревновании, если будет узаконен порядок, который больше не требует индивидуальных сил, фантазии, смекалки, способностей и организаторского таланта и если более способный больше не может и не смеет иметь преимущества перед менее способным, – то тогда свободное предпринимательское хозяйство не сможет больше существовать. Воцарилась бы всеобщая уравниловка, сваливание ответственности на других; стремление к прочности своего положения и к устойчивой ситуации должно было бы привести к такому умонастроению, которое больше не согласуется с истинным предпринимательским духом.

Я полностью даю себе отчет в том, что нападки коллективистов всех мастей на рыночное хозяйство имеют целью подорвать функцию предпринимателя. Поэтому, если стремление к коллективным объединениям берет верх даже в лагере предпринимателей, то наступит, вероятно, раньше, чем предприниматели это думают, момент, когда в политической плоскости будет поставлен вопрос: на каком все же основании можно еще защищать частную собственность на средства производства и право предпринимателей свободно принимать хозяйственные решения? [14].

Поэтому я хотел бы еще раз резюмировать: если мое понимание картелей воспринимается как враждебное отношение к предпринимателям, то я должен усомниться в серьезности и искренности такого толкования. Я считаю себя вправе утверждать, что в Германии просто нет более пылкого поборника свободного предпринимательского хозяйства, чем я. Я стою на этой точке зрения вот уже восемь лет, в течение которых я несу ответственность за хозяйственную политику Федеративной республики и, несмотря на все заподозривания, враждебное отношение и оскорбления, я оставался ей верен и всегда энергично защищал строй свободного предпринимательского хозяйства. История покажет, что в борьбе за закон о картелях я отстаивал положение и функции свободного предпринимателя лучше, чем те, нежелающие ничему научиться круги, которые усматривают благополучие предпринимателя в картельном объединении [36].

НАЗАД |

Людви́г Э́рхард. «Благосостояние для всех» – Глава VIII. Весьма ценна возможность высказывать требования и мнения без «посредников»

Каждый государственный деятель, несущий политическую ответственность, должен постоянно и серьезно задумываться о месте человека в государстве, или, вернее, об отношении гражданина к государству. Под этим углом зрения я хотел бы хоть краем коснуться того стремления по всякому поводу создавать организации, чтобы не сказать «организационного неистовства», которое так характерно для XX века. Столь часто высмеиваемая раньше тяга добропорядочных немецких обывателей к основанию всякого рода объединений и обществ приняла новые и опасные формы. Она породила убеждение, что следует создавать лишь крупные и мощные организации, которые смогли бы внушительными политическими манифестациями подкрепить свои требования, с целью добиться капитуляции государства перед их интересами. Несомненно, что многие крупные объединения по защите своих групповых интересов и пытаются действовать по этому принципу. Подобная, необоснованно претенциозная практика, должна неизбежно привести к тому, что государство станет игрушкой в руках объединений, представляющих групповые интересы [16].

Параллельно с этим процессом идет другой, который можно назвать почти трагическим. Опыт, приобретенный мной за те долгие годы, когда я нес ответственность за экономическую политику, показывает, что во все коллективные волеизъявления закрадываются «ошибки перевода» наихудшего рода. Те пожелания, чаяния, надежды, заботы, которые хочет выразить отдельный человек, независимо от его профессии или положения, не имеют почти ничего общего с тем, что предъявляется в виде требований

организациями, которым он доверил защищать его интересы [16].

Это утверждение можно подкрепить рядом примеров. Вспоминаются, например, результаты опроса во время забастовки по поводу вопроса об участии рабочих в управлении предприятий. На вопрос: «Почему вы бастуете?» – лишь незначительная часть опрошенных смогла дать хотя бы приблизительно верное объяснение профсоюзных требований, из-за которых была объявлена забастовка.

Подобное положение вещей распространяется не только на отношения между работодателями и служащими, и рабочими.

И в других областях мне приходилось быть частым свидетелем подобных грубых «ошибок перевода»: например, когда я беседовал с отдельными предпринимателями об их отношении к требованиям их объединений по вопросу о картелях, или когда я вел дискуссию с торговцами различных профессиональных классов или же разбирал с представителями среднего сословия их коллективные требования. И каждый раз я устанавливал, насколько мало соответствует «коллективная воля» индивидуальным пожеланиям.

О будущем демократии

Основываясь на этом опыте, я считаю, что организация лишь до тех пор может считаться не вызывающей опасений и является с государственно-политической точки зрения безопасной, пока она добросовестно старается суммировать индивидуальные представления, кристаллизуя пожелания, но не пытается проводить собственную политику силы, политику самой организации, как таковой.

Это один из труднейших вопросов, с которыми мы сталкиваемся в нашей молодой, не нашедшей еще окончательных форм, демократии. Притом, разрешение этого вопроса вовсе не входит в задачи государства. Каждый призван позаботиться о том, чтобы мы снова нашли такие формы совместной жизни, при которых каждый гражданин сознает ответственность за свою судьбу и не захочет больше скрываться в туманной анонимности, а потому не будет передоверять какому-то учреждению или организации безоговорочное право пользоваться его мандатом по собственному усмотрению [16].

Нам нужно будить и постоянно укреплять одни из основных факторов человеческой энергии – волю к независимости и к свободе. Да я и не представляю себе, как можно быть счастливым, обезличив себя самого и доверив всецело свое будущее какой-то организации? И, наконец, я не склонен признавать, что аргументы сильнейших организаций всегда наилучшие. Сколько раз я уже говорил об этом!

Вообще, мыслить общими понятиями и даже выражать мысли общими понятиями стало дурной привычкой нашего времени. Не ужасно ли, что со стороны отдельных профессиональных групп высказывается всегда лишь одно только мнение, что всегда выставляется лишь одно – абсолютное – требование? Подобная узость бесплодна и неизбежно ведет к стерильности. Так, например, мне преподносят мнение «хозяйства», «промышленности», «торговли» и т. д. Кто же это, – спрашиваю я, – «хозяйство», «промышленность», «торговля»? Неужели мнения отдельных участников этих группировок могут быть в такой степени обобщены и урезаны, чтобы кто-нибудь был вправе говорить в единственном числе?

Если бы еще при этом допускалось, что в том или ином вопросе большинство придерживается одного мнения, а остальные другого, то это еще свидетельствовало бы о правдоподобности мнения и оставляло бы открытой возможность практических альтернатив. Но добиться единого коллективного суждения, как правило, почти невозможно, а уж тем более, когда оно преподносится с претензией быть обязательным для всех к нему причастных.

Эти замечания не следует рассматривать в качестве неблагоприятного отзыва о наших организационных формах вообще. Нужно только не терять из виду относительность подобных коллективных мнений и этим вскрыть серьезную проблему нашего общественного

хозяйства, а отсюда и нашей экономической политики. Вот почему я всегда приветствую каждое, непосредственно выраженное мнение. Я очень рад, когда многочисленные граждане обращаются непосредственно ко мне с письмами, выражая пожелания, высказывая одобрение, но, разумеется, и критикуют остро отдельные планы и мероприятия.

Эти прямые откровенные высказывания часто оказывали мне ценную помощь; они, по меньшей мере, давали мне возможность следить за реакцией населения – как положительной, так и отрицательной – на явления хозяйственной жизни. Например, когда вскоре после денежной реформы 8 и 9 июля 1948 года представитель СДПГ решился заявить, что денежная реформа и вытекающие из нее мероприятия ниюго не изменили (депутат Зейферт так и сказал: «Никаких улучшений в снабжении не последовало»), – я ответил ему следующее (согласно протокольной записи Хозяйственного совета, стр. 704):

«Если предыдущий оратор утверждает, что не может быть и речи о действительном улучшении в области снабжения, тогда, милостивые государыни и государи, я не знаю, где представитель СДПГ был во время денежной реформы. Во всяком случае, не на улице. (Выкрик слева: „Плохие товары по высоким ценам!“) Если вы придете в мое управление, я смогу показать вам целые горы писем от рабочих и служащих, от представителей всех слоев нашего народа; в них высказывается глубокое удовлетворение денежной реформой и проводимой мною экономической политикой (аплодисменты)».

Психологическое и политическое значение таких писем не уменьшается от того, что их можно разбить на три категории, правда, неодинаковой ценности: во-первых, письма от людей, серьезно относящихся к делу, письма в которых высказываются заботы, подлинные пожелания и серьезные предложения; во-вторых, немногочисленные, но постоянно повторяющиеся послания с «патентованными рецептами», которые, якобы, могут сразу же устранить все трудности; и наконец, письма с суждениями, высказываемыми с позиций голого отрицания и диктуемыми подчас пламенной ненавистью. Вполне понятно, что первая категория мне наиболее симпатична, и не только с деловой, но и с личной точки зрения; к счастью, она и наиболее обширна.

Для иллюстрации приведу несколько выдержек из множества писем, поступающих ко мне ежедневно. Из очень большого количества писем явствует, насколько близко принимают к сердцу миллионные массы народа сохранение устойчивости валюты и как мало шансов у теоретиков постоянной легкой инфляции найти сторонников.

Один гражданин из Кобурга в июле 1956 года писал:

«Миллионы немцев взирают на Вас с надеждой и пожеланием, чтобы Вам удалось предохранить нашу валюту и нашу экономику от угрожающей им опасности. Это нелегкая задача – в мире, разбившемся на дюжины независимых экономических районов, готовых принести свою естественную взаимосвязанность в жертву ложно понимаемому инстинкту самосохранения. Подобное же неразумное поведение можно зачастую констатировать и в нашем собственном народном хозяйстве, и это является одной из причин Вашего беспокойства за судьбы нашей валюты. И здесь действует лишь лекарство, что и во всех других областях нашей ищущей совершенства жизни: повышать осознание естественной взаимосвязи всех жизненных функций в организме мирового хозяйства».

Из Эггенфельдена в Баварии пишут 1 мая 1956 года:

«Браво, господин министр! С глубоким удовлетворением воспринял я (и все те, с кем я беседовал) Вашу речь в Мюнхене. Государственный деятель, занимающий такое общественное положение, наконец, нашел мужество высказать то, что думает каждый мыслящий человек, а именно, что очень многие в наше время потеряли чувство меры по отношению к тому, что является возможным. К сожалению, это распространяется и на ведущие круги... У всех одно на уме: жить сегодняшним днем, действовать только в собственных интересах ...»

Инженер на пенсии из Бакнанга пишет:

«... Хозяйственное чудо – инфляция! Одно я вижу и о нем слышу я много, другого страшусь. В третий раз потерять все сбережения! И что будет потом? Ведь страдаем в

первую очередь мы, маленькие люди с мелкими сбережениями. А в выигрыше останутся так называемые обладатели ценностей, люди, погрязшие в долгах, спекулянты... Еще не устоявшееся доверие к государству не вынесет столь огромной нагрузки. Инфляция – совершенно аморальное средство, обворовывание собственного народа».

Инфляция – заработная плата и сельское хозяйство

Некоторые пытаются найти причины, вызывающие инфляцию. Вот одно мнение, высказанное в письме от 30 июня 1956 года из Бад Киссингена:

«... Помоему, валютный вопрос находится в причинной зависимости с пособиями сельскому хозяйству, которое, к величайшему сожалению, практикуется теперь во всех цивилизованных странах. Следовательно, это аграрный вопрос, который, будучи косвенно связан с предвыборной пропагандой, служит для улавливания крестьянских голосов. Увы, кому-то мандаты кажутся важнее, чем валюта».

Примечательно, что предостерегающие голоса принадлежат очень часто беженцам, напуганным трагическим опытом потери всего имущества.

Беженец с востока писал из Нейбурга-на-Инне:

«Позволю себе предостеречь Вас, господин министр. Закамуфлированные (коммунистические) газеты, оплакивающие положение беженцев и изгнанных и клеймящие бездеятельность собственников, становятся все многочисленнее и искуснее».

Нередко выражение гнева по поводу начинающегося, якобы, развития инфляции:

«... Если бы, наконец, цены были ощутимо понижены, все порядочные люди вздохнули бы, ибо тогда постепенно стерлась бы резкая разница между нуворишами, с одной стороны, и разоренными Второй мировой войной, с другой. Давно уже пора произвести понижение цен».

А один темпераментный гражданин из Бад Эмса спрашивал в письме от 28 июня 1956 года:

«... Неужели Вы верите рассказам профсоюзов, будто они не повинны в растущей дороговизне? А кто же тогда виноват? Что же, инфляция – явление природы или дело рук дураков?»

Домохозяйка из Оберменцинга писала 14 июня 1956 года:

«Мы заинтересованы, прежде всего, в том, чтобы марка сохранила в стране свою покупательную способность... Господин министр, заступитесь за всех тех, кого инфляция ввергает в горькую нужду».

Между прочим, необычно высок процент писем, приходивших из Швабии, причем большинство писем весьма обстоятельны.

Вот письмо из Вендлингена-на-Майне от 3 апреля 1956 года:

«Повсюду царит уверенность в том, что подкрадывается инфляция. К сожалению, никакие заклинания не помогают. В свободной игре хозяйственных сил дисциплина отсутствует, никто не думает всерьез о том, что надо соблюдать меру; каждая сторона – предприниматели и профсоюзы – всемерно стремятся к наибольшей выгоде, не взирая на последствия. Та же недисциплинированность царит среди потребителей. Часто покупают просто без удержу. А если и есть иногда у тех или иных доля здравого смысла, она теряется в общем водовороте. Поэтому необходимо завлечь производителей и потребителей снова на твердую почву. Это может быть достигнуто лишь путем предоставления вполне очевидных налоговых преимуществ... Нужно активно поощрять накопление сбережений, и как можно скорее освободить от налогов все доходы и имущества, которые в течение ближайших 3-4 лет будут внесены на специальный счет освобожденных от налогов сбережений...

... Рядом с хозяйственным чудом могло бы появиться сберегательное чудо».

Еще чаще, чем общая проблема устойчивости валюты, затрагиваются в письмах отдельные вопросы политики в области заработной платы и цен.

Например:

«... Мы хотим низких цен, ибо что нам дает повышение заработной платы, если жизнь при этом дорожает в несколько раз? К тому же это все больше обесценивает немецкую марку, а немецкий экспорт в конечном счете тормозится постоянным повышением заработной платы, что приведет опять к безработице».

В письме из Вюльмерсена от 29 марта 1956 года, спрашивали:

«... Не можете ли Вы, многоуважаемый господин министр, остановить постоянный рост заработной платы? Если нет, тогда инфляция неизбежна. Господин министр, я хочу предостеречь Вас. Будьте тверды не только по отношению к сельскому хозяйству, но и к Германскому объединению профсоюзов. Еще одна инфляция, и окончательно исчезнет всякое стремление к накоплению сбережений».

Простая женщина из Пазинга обращалась 16 мая 1956 года к министру хозяйства:

«... За 40 часов не поработаешь столько, как за 48 – и это при той же зарплате – тогда только появляется дороговизна: Торговцы взвинчивают цены, а потребитель остается в дураках. 50 лет тому назад работали с 6 часов утра до 6 часов вечера, и никто от работы не умер и не заболел. Люди были здоровее, счастливее и довольнее. И не следует все время повышать заработную плату!..»

1 июня 1956 года житель Крефельда откликнулся на мои последние выступления:

«... Если бы и работодатели, и служащие, и рабочие согласились отставить на задний план свои личные интересы ради нашей большой цели – обеспечения нашего экономического будущего и нашего социального существования... да, если бы не было словечка „если бы“, а люди были бы ангелами! Но они не ангелы. И слова „общественное благо“ и „солидарность“ стоят далеко позади частных интересов и личных выгод. Я, право, не завидую Вам. Я восхищаюсь ангельским терпением, с которым Вы принимаете неблагодарность – плату за Вашу работу».

Поразительно, как часто критикуются требования профсоюзов о повышении заработной платы. Так, например, в письме от 3 апреля 1956 года из Ульма говорилось:

«Вы очень ясно и отчетливо изложили проблему надвигающейся инфляции, и я верю Вашим словам. Но когда снова читаешь, что профсоюзы собираются выдвинуть новые требования о повышении заработной платы, то можно быть уверенным, что профсоюз строительных работ от них не отстанет. Но стоит дать профсоюзам возможность выдвинуть требования и исполнить их, – строительство заглохнет и эти господа сами останутся без работы. Мне кажется, что нужно, наконец, покончить с этим. Может быть Вам удастся провести намечаемые Вами мероприятия до того, пока еще не будет слишком поздно? Во всяком случае, постоянное повышение заработной платы не способствует исчезновению страха перед надвигающейся инфляцией...»

Пенсионер из Куксхафена писал 17 июля 1955 года:

«Заработная плата продолжает расти... Наступает последний срок для энергичных мероприятий, если мы не хотим в один прекрасный день очутиться на грани катастрофы».

Попытка психологического похода за стабилизацию цен вызвала целый ряд писем, причем многие пишущие сообщают об эпизодах из их «личной войны» против повышения цен. Так, один торговец арматурой сообщает о переписке со своим поставщиком, из которой явствует, что этот поставщик давал ему до сих пор скидку в 33 1/3% на отдельные детали. Далее в письме поставщика указывалось:

«Нам сообщили, что Вы за последнее время использовали эту скидку для разных льгот рядовым покупателям. Настоящим мы доводим поэтому до вашего сведения, что впредь сможем давать вам скидку для перепродажи только в размере 22%».

Торговец, получивший это письмо, просит вмешаться, ибо «подобное мероприятие неизбежно приведет к повышению цен для конечного покупателя».

Одно из объединений немецких врачей сообщало 11 июня 1956 года:

«Ежедневно до нас доходят новые преискуранты, отражающие чувствительное повышение цен. Мы уверены, что об этом росте цен до Вас едва ли доходят сведения, так как закупщики в этом секторе промышленности – ... предприятия оптовой и специальной

торговли – не протестуют против повышения цен по той причине, что одновременно с ним увеличиваются предоставляемые им скидки. Такова близорукость предпринимателей, которые за прибылями сегодняшнего дня не видят, чем это кончится; наоборот, они радуются инфляционным тенденциям, оживляющим дела и удерживающим население от накопления долгосрочных сбережений».

Не все обиды обоснованы

Разумеется, сами потребители не всегда проявляют то чувство ответственности, которого следовало бы от них ожидать. Один гражданин из Леннепа жаловался, что ему пришлось заплатить за починку сиденья стула и ручки на плетеной корзинке 50 нем. марок, и заклинает мое министерство и меня, что пора, наконец, снова ввести ограничения цен. Из последующей переписки явствовало, что здесь была проявлена величайшая беззаботность. Как можно было давать заказ на починку совершенно незнакомому проезжему ремесленнику, не справившись даже предварительно о цене, которую придется заплатить? И подобных примеров можно привести множество.

Мой призыв не принимать любую запрошенную цену вызвал многочисленные отклики. Так, один клиент Немецкого общества спальных вагонов и вагонов-ресторанов сообщил мне в письме от 14 мая 1956 года подробные сведения о недавно произведенном повышении цен, что дало моему министерству повод вступить с обществом в переговоры, увенчавшиеся успехом.

В другом письме один инженер из северной Германии рассказывал, как он справлялся о цене темных очков одной определенной фабричной марки в разных магазинах и установил разницу в ценах от 2,5 до 6 нем. марок.

Владелец одного небольшого предприятия со средним годовым оборотом в 60.000 нем. марок сообщал, что он «не повысил цен, несмотря на трехкратное вздорожание сырья». «Я считаю, что объединение всех коммерсантов, честно поддерживающих Ваши устремления, могло бы быть Вам полезным».

Магазин готового платья в Баварии прислал объявление и листовку, распространявшиеся им в сотнях тысяч экземпляров. В них всем клиентам гарантировались цены с 1 ноября 1955 года до Пасхи 1956 года:

«Кто-то должен начать – это потребовал немецкий министр хозяйства Эрхард от ответственных хозяйственников во время заседания Бундестага в Берлине. Он имел в виду прекращение повышения цен! Наша фирма берет на себя почин. Мы обязуемся до Пасхи 1956 года не повышать цены на женскую и детскую одежду».

Один гражданин из Билефельда переслал мне 1 апреля 1956 года починенную оправу для очков вместе с письмом починочной мастерской, из которого явствует, что за починку была назначена цена в 6.50 нем. марок.

«Обращаюсь непосредственно к Вам, как к управляющему хозяйством. Прежде всего приношу Вам, уважаемый господин министр, мою сердечную благодарность за проделанную Вами работу по восстановлению нашего отечества. Вам, безусловно, лучше, чем кому-либо, должно быть известно, куда приведет нас – правда, медленно, но верно – эгоизм наших дельцов, жажда наслаждений широких слоев народа, в особенности же тех нуворишей, которые бессовестно спекулируют на бедственном положении своих соотечественников ...»

Из многих писем видно, насколько целесообразно, чтобы каждый участник хозяйственного процесса критически относился к ценам, отказывался принимать их на веру. Последующее письмо служит тому примером. Отправитель, проживающий в Хеймбах-Вейсе, заказал какой-то клапан, каковой и был ему доставлен вместе со счетом в 74,20 н. м. После тщательной проверки, в ходе которой велась переписка с фабрикантом, выяснилось, что нормальная цена клапана «в розничной продаже должна быть на уровне 35,40 н. м., но не свыше 40 н. м.». Далее он пишет:

«После того, как я узнал эту цену от фирмы, а поставщик продолжал настаивать на

цене в 74,20 н. м., я отказался платить и вернул ему клапан».

Один вюртембержец из Лангенау в середине марта 1956 года обращал внимание на то, что продавцы все чаще прибегают к «аргументу»: «Покупайте, ибо цены повысятся!» И есть немало бессовестных людей, которые распространяют этот в высшей степени вредный «аргумент».

Но часто бывает и так, что отдельные граждане ошибаются в своих жалобах и основывают обвинения на собственных заблуждениях. Так, один житель Людвигсбурга жалуется, что цена на лезвия для бритв одной известной фирмы поднялись с 1,50 н. м. до 2,00 н. м. Он вопрошает: «Неужели нельзя тут ничем помочь; ведь иначе наши сбережения будут таять, никто не станет вносить денег на книжку».

Этот случай – равно как и ряд других аналогичных случаев – был по моему распоряжению тщательно расследован. По данным этой, пользующейся мировой известностью, фирмы лезвий для бритвы, подтвержденным подлинниками расценочных листов, выяснилось, что никаких изменений цен произведено не было, напротив, цены оставались неизменными с 1949 года.

Другие жалобы могут быть удовлетворены. Так, один домовладелец из Вестфалии заявил протест против повышения платы за чистку дымохода с 3,62 н. м. на 5,53 и. м. Помогло вмешательство «регирунгспрезидента» в Мюнстере. Оказалось, что тарифная плата за чистку дымоходов была самовольно превышена районным трубочистом. Переплаченные деньги были возвращены.

По аналогичной причине один восторженный приверженец Кнейпа, из Ашаффенбурга, прислал 11 мая 1956 года длинное письмо, в котором он смело выступает против «недавнего чрезмерного подорожания целебных средств Кнейпа».

Много писем говорит о скрытых изменениях цен. Так, один клиент, годами покупающий один и тот же сорт таблеток, с возмущением сообщает, что количество таблеток в нормальной коробке неожиданно уменьшилось с 51 до 40. Переписка моего министерства с фабрикантом, изготавливающим эти таблетки, привела к тому, что фабрикант открыто признал, что для сохранения своей клиентуры он предпочел пойти на скрытое 20-процентное подорожание вместо того, чтобы прибегнуть к повышению цены, в данном случае неизбежному.

Понижение таможенных пошлин популярно

Аграрная политика, или, вернее, критическое отношение к требованиям «зеленого фронта», служит постоянным поводом для реакций со стороны населения. Количество писем, посвящаемых этой проблеме, необычайно велико. Несколько примеров:

«Господин профессор, доктор Эрхард! На Вас обращены взоры широких народных масс! Просим Вас, ведите бескомпромиссную борьбу с Вашими врагами, которые противодействуют Вашим усилиям снизить цены и стремятся, наоборот, поднять их».

Домохозяйка пишет:

«... С огромной радостью узнали мы, домохозяйки, из газет о Вашем намерении добиться снижения цен на продукты питания... Добиться снижения цен не так уж трудно, и нужно начинать, помоему, с сельского хозяйства. Следовало бы проверить размеры прибылей мясников, молочников и торговцев. Цены на убойный скот время от времени понижаются, а цены на мясо и колбасу остаются неизменными. Зато каждый мясник разъезжает в своем „Опель-капитэн“ или „Мерседес“ ... Господин министр, снижением цен Вы приобретете неопределимые заслуги, и мы, домохозяйки, будем Вам особенно благодарны.

Желаем Вам успеха!»

С возмущением отзывается один гражданин из Штутгарта-Дегерлоха на неудачу первоначального плана, который предусматривал, что 30-процентное снижение таможенных пошлин распространится и на сельское хозяйство:

«В результате, как всегда, пострадает потребитель; это испытанное средство свалить

всю тяжесть на него. Собаки всегда кусают последнего в ряду!»

На ту же тему высказывается архитектор из небольшого местечка в Оденвальде:

«К вопросу о 30-процентном снижении таможенных пошлин разрешите мне сообщить Вам из собственного опыта следующее: у меня есть дача в ..., деревне с ... домами. Известно, что этот район северного Оденвальда слывет за бедный. Тем не менее почти каждый второй крестьянин этой деревни возвел за последние четыре-пять лет новые хозяйственные постройки и дома и – это можно только приветствовать – обзавелся всяческими хозяйственными новшествами. А каждый крестьянский сын приобрел себе мотоцикл... Я от всего сердца радуюсь успехам этих крестьян, с которыми у меня лично отношения превосходны, но, с другой стороны, совершенно не понимаю воплей о том, что сельское хозяйство якобы находится на краю гибели и не сможет выдержать снижения пошлин».

Конечно, скептические замечания раздаются не только по адресу сельского хозяйства. Во время переговоров о снижении таможенных пошлин на сельскохозяйственные продукты поступает возмущенная телеграмма:

«Избиратели-крестьяне резко протестуют против намеченного снижения пошлин на ввоз сельскохозяйственных продуктов. Подобное мероприятие ударяет всей силой по сельскому хозяйству и сводит на нет эффект „зеленого плана“. Мы требуем, чтобы Вы отказались от тех пунктов Вашего проекта, которые касаются сельскохозяйственной продукции».

Подробный ответ, адресованный обоим лицам, подписавшим телеграмму, не смог быть доставлен по назначению, несмотря на все усилия почты, несмотря на запросы в адресном столе и различных профессиональных учреждениях.

Такие протесты вызывали контрпротесты. Так, мне телеграфировали:

«Потребители всей страны, в особенности домохозяйки, которым канцлер советует считать каждый пфенниг, горячо приветствуют намеченное снижение таможенных пошлин и требуют сохранения всех пунктов Вашего проекта. Давно пора принять меры, которые, наконец, смогут остановить постоянное повышение цен... Не поддавайтесь протестам сельскохозяйственных кругов. У них есть свои заботы и трудности, но они, во всяком случае находятся в лучшем положении, чем миллионы людей со средними, незначительными и совсем

Художник-оформитель из Франкфурта пишет 26 июня 1956 года без обиняков:

«Мы с восхищением следим за Вашей деятельностью, но мы были огорчены Вашей уступчивостью в переговорах. Вы увидите, что народ и дальше останется недовольным».

13 мая 1956 года дошел до министерства вопль из Рейнберга. Рейнской области:

«... Большие хозяйственные успехи, достигнутые за последние 8 лет, были возможны потому, что народ Вам оказывал доверие... Ведь существует много средств борьбы с дороговизной. Почему Вы не снизите таможенные пошлины? Почему вооружение проводится таким бешеным темпом, почему не тормозится строительная деятельность государства, земель и общин?.. Господин министр, мы надеемся, что Вам и правительству удастся сохранить стабильность валюты».

18 июля 1956 года один мюнхенец так выражает свое возмущение неудавшимся снижением таможенных пошлин:

«... Непостижимо, как начатая Вами акция по снижению таможенных пошлин могла закончиться крахом. Дело выглядит так, как будто все ключевые позиции заняты представителями сельского хозяйства или во всяком случае людьми, для которых повышение цен ничего не значит и которые, возможно, даже зарабатывают на этом ...»

Некоторые корреспонденты не обходятся без предостережений. Так, 2 июня 1956 года один гражданин из Штутгарта, который «с возрастающей озабоченностью» следит за моими усилиями, призывает меня

«... предохранять немецкое хозяйственное чудо от судьбы многих других чудес. Почему Вы не действуете энергичнее? Разве стабильность цен не является основной предпосылкой благосостояния?.. Я думаю, господин министр, что у некоторых

хозяйственников нет той социальной совести, на которую Вы рассчитываете. Не думайте о предстоящих выборах в Бундестаг, обеспечьте лучше себе место в истории немецкого народа. Проводите в жизнь энергично и последовательно Ваши идеи, которые миллионы немцев считают верными. Наша демократия, если она хочет отстоять себя, требует сейчас твердой руки».

При этом общественность зачастую не замечает, что в правительстве существуют границы компетенции, и что министр хозяйства не может нести ответственности за все значительные события в области экономики. Так, один штутгартец писал 27 марта 1957 года:

«Я прочел в газете, что часовая зарплата строительных рабочих с 1 апреля 1956 года будет снова увеличена на 8 пф. Я в отчаянии! Эта проклятая, подкрадывающаяся третья инфляция. Куда все это ведет? Знаете, господин министр хозяйства, это – открытый обман».

В другом письме также игнорируются вопросы боннских компетенции:

«... Уже сегодня тысячи семейств не могут угнаться за высокими ценами на молоко для их детей, а цены эти должны еще подняться. Подобный замысел просто безответственен и означает, что последующие затем требования о повышении зарплаты повлекут бесконечный рост цен».

Очень недвусмысленно письмо от 6 марта 1956 года:

«Многоуважаемый господин министр! Вы обещаете нам некоторое снижение цен. До сих пор мы этого не почувствовали. Напротив, некоторые цены поднялись. И, к сожалению, некоторые министры. Ваши коллеги, противодействуют Вашим усилиям. Неужели мы докатились снова до времен третьего рейха? Это не может кончиться добром».

11 июня 1956 года один житель Эйскирхена внес радикальное предложение для прекращения споров о конъюнктуре. Он предлагает «объединить министерства народного хозяйства, финансов, социального обеспечения и транспортного в одно единое министерство».

О Бразилии, бумаге и золотых монетах

Зачастую письма касаются и деталей. Например, группа бразильцев и бывших немцев, эмигрировавших в Бразилию, писала в конце 1955 года из Санта Катерина, Бразилия:

«Из членов правительства там, в Германии, во многих отношениях Вы нам нравитесь больше всех, хотя бы потому, что являетесь, абсолютным поборником свободы. Мы были стопроцентно на Вашей стороне, когда Вы решительно выступили против попыток создания картелей и концернов ... Монопольный капитализм против свободы; когда группа соотечественников эксплуатирует других, это противоречит свободе. Но вот уже несколько лет мы задаем себе вопрос: неужели Эрхард не замечает, что группы бастующих рабочих поступают точно так же, когда они угрозой массовой забастовки хотят добиться более высокой заработной платы. Раз подавляются картели, то должны подавляться и забастовки».

Другой корреспондент нападает на высокие цены на мясо:

«... Господин министр хозяйства! У меня есть в Брюсселе родственники, мясники-оптовики, которые поставляют свежую свинину по цене 1,50 н. м. за килограмм с доставкой до границы у Аахена. Пожалуйста, господин министр хозяйства, помогите мне установить контакт с крупными закупщиками-оптовиками. Тогда все жители Западной Германии, даже при небольшой заработной плате, смогут купить себе свинину».

Нет, конечно, недостатка в письмах, предсказывающих конец мира, как следствие какого-нибудь непопулярного мероприятия. 12 мая 1956 года один фабрикант из Падербориа писал:

«Если для торможения чрезмерно повышенной конъюнктуры необходимо прибегнуть к сокращению кредитов, то это нужно делать очень осторожно, этапами. Внезапные меры вызовут катастрофу... Путь, которым мы шли до сих пор, ведет неизбежно к коммунизму».

Нередко высказывают свое мнение по актуальным вопросам люди с именем и положением. Так, например, 14 января 1956 года председатель правления одного известного

завода писал мне:

«Я был бы очень рад получить от Вас совет: какую позицию должна занимать промышленность? Она с трудом борется за свое существование, и ей приходится бороться также и против совершенно непонятной политики цен, практикуемой предприятиями, поставщиками деталей для основных заводов. Эти предприятия, как показывают последние опубликованные балансы, работают с очень большими прибылями. Безответственно пытаться вернуть свои капиталовложения путем завышенных цен».

Стремление к упрощению администрации проявляется постоянно и нередко в самых разнообразных и неожиданных вариантах. Один зубной врач из Гиссена прислал мне три бюллетеня Федерального союза противоздушной обороны, элегантно отпечатанных на дорогой бумаге и рассылаемых в дорогих конвертах. Приславший мне их врач пишет:

«Создается, к сожалению, впечатление, что настойчиво рекомендуемые нам меры экономии и хозяйственной дисциплины не распространяются на официальные учреждения и ведомства».

Наряду с протестами и критическими замечаниями приходят письма с выражением признательности. Помимо ценных предложений, которые они зачастую содержат, в них высказывается и не мало поощрения. Вот что говорилось в письме из Штутгарта от 24 мая 1956 года:

«Глубокоуважаемый господин министр! Разрешите мне выразить Вам мою глубокую признательность, почтение и восторг перед Вашими мероприятиями, действиями и непоколебимой волей. Прошу Вас, не делайте только никогда из того факта, что Ваши намерения встречают сопротивление, заключений, которые шли бы вразрез с общими интересами. По поручению большой группы лиц, остаюсь Ваш ...»

8 мая 1956 года во время дискуссии по вопросу о целесообразности мероприятий Банка немецких земель ⁷ один штутгартец заявил:

«Я очень надеюсь, что Вам удастся, в сотрудничестве с Банком немецких земель, удержать в руках бразды правления и повлиять на то, чтобы Банк немецких земель скорее усилил, чем ослабил, свою ограничительную политику».

21 ноября 1953 года житель Кёльна писал:

«Прочел в газете Вашу речь на собрании Общества социального рыночного хозяйства. Нет никакого сомнения в том, что Ваша деятельность сыграла наибольшую роль в успехе выборов. Желаю Вам с таким же мужеством бороться за распространение тех принципов, которые Вы требуете для свободной конкуренции, и в административном аппарате. Ибо хозяйство, которое развивается в условиях сильнейшей конкуренции, не может нести на себе тяжесть громоздкого аппарата администрации».

Фабрикант из Ремшейд-Леннепа сообщал 30 апреля 1956 года:

«... Не будет лестно, если я скажу, что хозяйственные круги убеждены в том, что Вы со своим делом справляетесь неплохо. Я бы не хотел занимать Вашу „должность“. Я наблюдал за Вами недавно по телевидению и мне кажется, что Вы, может быть, слишком добродушны. Поэтому было бы лучше, если бы Вы иначе относились к Вашим противникам».

22 февраля 1956 года один житель Баушлотта около Пфорцхайма писал по поводу моих увещаний хранить чувство меры:

«Недавно я прочел, что Вы предостерегаете против новой волны недовольства всех слоев немецкого общества. Можно только приветствовать эти Ваши достойные внимания мысли. .. Считается почему-то политически неумным говорить о нужде на собраниях представителей промышленности, ремесел и торговли, в то время, как перед зданием, в котором происходят эти собрания, стоят дюжины „Мерседесов-300“. Я ничего не имею против богатства, но считаю крайне неуместным все время только причитать и ругаться. Но, к сожалению, как раз те круги, которые извлекли наибольшую пользу из гигантского хозяйственного подъема, не хотят нести никакой ответственности за судьбу государства.

⁷ ныне он переименован в Федеральный Банк. – Прим. перев.

Наоборот, они готовы продать черту души, если только на этом можно заработать ...»

Среди огромного числа пишущих есть неизбежно и лица, считающие себя еще и теперь крайними националистами. «Радикально-социальная партия свободы» заявляла 31 марта 1956 года (из Мюнхена):

«Многоуважаемый господин министр! Вы может быть и разбираетесь в сортах сигар, но что Вы ничего не понимаете в валютно-политических делах и в том, как устранить квартирный кризис, доказано Вашим прошлым».

При изобилии писем не обходится и без курьезов. Так, один большой магазин розничной торговли в одном западногерманском городе прислал мне без «комментариев» несколько кульков, в которые упаковываются товары. На кульках отпечатано: «Эрхард прав! Многие цены снизились бы, если каждый всегда выбирал бы при своих закупках только товары, которые предлагаются по самым выгодным ценам. Значит это зависит от Вас!»

Многие корреспонденты обращаются с предложениями такого рода:

«Государственный банк должен отчеканить миллиард золотыми монетами и ввести его в оборот при выплате зарплаты, изъяв одновременно из обращения миллиард бумажными деньгами. Золотые монеты будут сразу же припрятаны и уменьшат таким образом покупательную способность на целый миллиард».

Один берлинец заканчивал свое письмо от 14 июля 1956 года следующими знаменательными замечаниями:

«Я получил ответ Вашего уполномоченного на мое письмо к Вам и сердечно Вас благодарю. Хотя этот ответ в весьма малой степени отвечает моим ожиданиям, я все же испытываю удовлетворение от того, что, – вопреки тому, что рассказывают, – письма, адресованные министру, не попадают в корзину для бумаг в его передней.

Впредь я буду категорически протестовать против подобных утверждений».

Глава IX. Рыночное хозяйство обеспечивает справедливую заработную плату

Моя постоянная борьба за обеспечение подлинной и свободной конкуренции служит в первую очередь тому, чтобы в нашей стране не иссякли те несущие ей благосостояние силы, которые помогают немецкому хозяйству неуклонно повышать производительность. Где нет конкуренции, там наступает застой, приводящий в конце концов к общему оцепенению. Каждый старается тогда защищать то, что имеет; это означает, что он не заботится больше о столь важном для процветания народного хозяйства постоянном повышении производительности.

Но это повышение хозяйственной производительности не является, конечно, самоцелью. Сущность социального рыночного хозяйства только тогда можно считать полностью достигнутой, когда соответственно с растущей производительностью одновременно понижаются цены, обеспечивая таким образом подлинное повышение реальной заработной платы [7].

Я не перестану действовать в этом направлении даже в такие периоды, когда многие больше не склонны верить в возможность политики, направленной на снижение цен или в возможности успеха такой политики. Как раз в той фазе хозяйственного развития, которую мы сейчас переживаем, нельзя упускать из виду эту целепостановку. Разве во время корейского кризиса мы не стояли перед подобной же проблемой? На съезде ХДС в Госларе 22 октября 1950 года, т. е. в период, когда движение цен достигло апогея, я смог, например, указать на то, что завод «Фольксвагенверк», несмотря на повышение цен на сырье, понизил цены на 10%, повысив одновременно заработную плату на 10%. Я заявил тогда, что такая политика «полностью соответствует целепостановке социального рыночного хозяйства».

Такие примеры помогают более отчетливо уяснить тесную взаимосвязь между стремлением к сохранению конкуренции и желанием повысить жизненный уровень. С экономической точки зрения невозможно даже одновременно и длительно желать одного,

пренебрегая другим. Эту неразрывную связь можно наблюдать и в другом плане: только свободная конкуренция может сгладить последствия периодов повышения цен, – а мы за последние восемь лет пережили это трижды, а именно: во второй половине 1948 года, затем в результате корейского конфликта и, наконец, при сочетании высокой конъюнктуры с полной занятостью, – т. е. вернуть цены к разумному уровню, обеспечивающему оптимальное соотношение между заработной платой и ценами, между номинальными доходами и уровнем цен [1].

Сохранение свободно конкурирующего хозяйства отвечает во всех отношениях повелительной социальной необходимости: мы знаем из нашего собственного прошлого, но также из опыта стран за железным занавесом, что пропорционально та доля национального дохода, которую представляет собой заработная плата, всегда ниже – и в прошлом, и в настоящем, – при плановом хозяйстве, а тем более в принудительном хозяйстве, чем при рыночном хозяйстве. Эта доля достигает низких пределов при управляемом государством коллективном хозяйстве, как, например, теперь при большевизме. Да было бы странно, если бы дело обстояло иначе; ибо не только перегруженный бюрократический аппарат поглощает значительную часть национального дохода, но и анализ национального дохода позволяет заключить, что он не предназначен для удовлетворения человеческого благосостояния. Ни один серьезный человек не возьмется утверждать, а тем более доказывать, что социально-экономические достижения государственного хозяйства, функционирующего по приказу сверху, могут быть выше, чем при рыночном хозяйстве [1].

Если я говорю о том, что идеальное положение рыночного хозяйства заключается в том, что конкуренция способствует росту продукции и что этот рост, в свою очередь, делает вообще только возможным снижение цен и повышение реальной заработной платы, то следует этому дать историческое пояснение.

Инициатива за предпринимателем

Министр хозяйства вынужден открыто вмешиваться в проблему заработной платы, когда ее развитие угрожает выйти за рамки экономических возможностей и возникает опасность, что из политических побуждений могут быть нарушены пределы того, что допускает рост продукции. Подобное положение вещей наблюдалось за период, когда я нес ответственность за немецкую хозяйственную политику, дважды: в недавнем прошлом и во время корейского кризиса. За прочие же весьма продолжительные периоды времени я никогда не заявлял принципиального протеста против повышения заработной платы, хотя не раз эти повышения были весьма значительны. Тот, кто знаком с моими хозяйственно-политическими концепциями, знает, что свободная эволюция заработной платы является одним из важнейших их элементов.

Поэтому я неоднократно заявлял, что часто практикуемое принципиальное сопротивление работодателей повышению заработной платы, которое, благодаря возросшей доходности нашего народного хозяйства, не только возможно, но и, может быть, даже необходимым и полезным, не должно иметь места в системе рыночного хозяйства. Подобное сопротивление грубо нарушает целестановки рыночного хозяйства, так как я их понимаю. Мне кажется опасным, что работодатели никогда не берут на себя инициативу увеличить заработную плату, когда это возможно, а делают это только под давлением профсоюзов. А ведь как раз в периоды спокойного хозяйственного подъема работодатели поступили бы правильно с хозяйственно-политической точки зрения и умно с психологической, если бы по собственной инициативе увеличивали заработную плату в соответствии с повышением производительности. При этом, разумеется, они не должны делать это за счет отказа от снижения цен. В крайнем случае надо давать предпочтение снижению цен перед повышением заработной платы. Но в обычные времена подобные альтернативы редки.

Возражение, будто профсоюзам необходимо продемонстрировать перед своими членами какие-то успехи и достижения, и что поэтому рекомендуемая мною линия

поведения нецелесообразна, вряд ли может рассматриваться как оправданное с хозяйственно-политической точки зрения.

Итак, если следует признать фактический подъем хозяйственной продуктивности пределом как для активности профсоюзов, так и для возможности добровольного повышения заработной платы со стороны работодателей, то встает актуальный вопрос: каким образом можно гарантировать, что предел этот не будет нарушен?

Повышения заработной платы, не оправданные ростом производительности народного хозяйства в целом или отдельных его отраслей, должны неизбежно привести к росту цен. Следует заметить, что в период высокой конъюнктуры работодатели и рабочие и служащие договариваются сравнительно легко; обе стороны причастны к сфере продукции и возлагают надежды на то, что не на них самих отразятся отрицательные последствия даже опасных соглашений. Но каждое соглашение, не принимающее в расчет народно-хозяйственные взаимосвязи, неизбежно приводит к обременению других отраслей народного хозяйства, в которых доходы менее устойчивы, вследствие чего повышение цен на основные продукты должно отражаться трагически на социальном уровне этих групп [46].

Думать о будущем

На эти социальные – или лучше сказать – антисоциальные последствия, вытекающие из пренебрежения разумными границами эволюции заработной платы, я указывал уже в связи с вопросом о так называемой «активной политике заработной платы». Подобная экспансивная политика заработной платы вредна, ибо она расшатывает структуру цен, если не рассматривать – из других соображений – инфляционистские тенденции как нечто положительное. Однако, я не разделяю и никогда не буду разделять подобные взгляды, так как такая политика медленно, но верно усилит развитие инфляции и погубит стремление к накоплению сбережений [25].

При оценке политики, отводящей сохранению стабильности покупательной способности второстепенное место, нужно, помимо антисоциальных последствий, учитывать и общие хозяйственные последствия.

Мы не можем и не смеем произвольно повышать в Германии заработную плату, если мы не хотим повредить нашему экспорту, вместо того, чтобы воспользоваться благоприятной конъюнктурой. Даже теперь, когда мы подчас воспринимаем активное сальдо нашего экспорта чуть ли не как зло, не следует забывать, что иностранный мир покупает наши товары не ради наших прекрасных глаз, а лишь постольку, поскольку наша производительность не начнет понижаться и лишь до тех пор. Являясь частью мирового хозяйства, мы должны как раз в области политики заработной платы постигать общую взаимосвязь [5]. А это означает, что нельзя забывать, насколько наши блестящие внешнеторговые успехи зависят именно от устойчивости нашей валюты, от веры в неизменяемую ценность наших денег. Только нацеленная в этом направлении политика создает атмосферу прочной уверенности для экономической деятельности как в большой сфере народного хозяйства, так и в маленькой, т. е. в сфере домашнего хозяйства.

В этом направлении и надо Продолжать действовать. Эти положения сохраняют свою силу и в те периоды, когда благодаря успешному развитию нашей внешней торговли почти невозможно себе представить, что с этой стороны могла бы грозить опасность. Стоит только примириться с политикой, носящей слегка инфляционистское направление, или даже только прекратить сопротивляться подобной политике, как уже невозможно будет остановиться; тогда, вероятно, очень скоро будет достигнута стадия обесценения денег, т. е. роста цен, при которой теперешние экспортные излишки растают, как снег под солнцем.

В той же мере, в какой я ратую за то, чтобы рабочие и служащие полностью получали полную долю в возрастающей продукции нашего народного хозяйства, я вправе ожидать и от профсоюзов, что они проявят в своих требованиях о повышении заработной платы сознательность и ответственность, которые помогут сохранить нашу валюту и обеспечить

дальнейший подъем нашего хозяйства [42]. Но этот призыв к умеренности может быть оправдан лишь до тех пор, покуда со стороны предпринимателей будет делаться все необходимое для снижения цен или хотя бы для поддержания стабильности цен на изготавливаемые и продаваемые ими товары, в особенности же на предметы широкого потребления.

Автономия и ответственность

Вся эта проблематика затрагивает вопрос об автономии социальных партнеров. Мои взгляды в этом отношении известны: как и прежде, стремление правительства, партий, коалиций, да и всего Бундестага оставить предпринимателям и трудящимся свободу решения в вопросе заработной платы и условий труда, остается неизменным. Но эта свобода сопряжена с ответственностью; ею нельзя злоупотреблять, т. е. нельзя придерживаться политики, ведущей к росту цен, а следовательно, к снижению покупательной способности, к ущемлению свободной конкуренции в немецком народном хозяйстве и, в конечном счете, подвергающей опасности валюту [11]. Свобода без чувства ответственности ведет к вырождению и хаосу!

Еще 6 марта 1955 года, выступая на открытии международной ярмарки во Франкфурте-на-Майне, я мог с глубоким убеждением заявить: «С удовлетворением констатирую, что предприниматели и трудящиеся исполнены чувства этой ответственности. Это дает мне уверенность в том, что и с этой стороны в немецкое народное хозяйство не проникнут элементы беспорядка». Однако, начавшаяся весной 1955 года эволюция внушает некоторые сомнения в том, имеют ли сегодня еще абсолютную силу эти оптимистические утверждения, основывающиеся на вере в человеческий здравый смысл. Если взглянуть на разницу между увеличением заработной платы и развитием продуктивности, то сомнения еще больше усиливаются; тем более, что рост заработной платы в 1956 году явно опережает рост производительности. В 1956 году производительность выросла на 4% за рабочий час, тогда как часовая заработная плата в промышленности повысилась на 9%.

В связи с этим мне хочется привести мнение компетентного ученого, сторонника рыночного хозяйства. Вальтер Ойкен метко замечает:

«Если справедливо утверждение, что распределить можно лишь то, что было предварительно создано, то все социальные реформаторы должны прежде всего добиваться хозяйственного порядка, действующего с наивысшей эффективностью. Только потом могут возникать другие требования. Ибо, если при каком-либо порядке все люди одинаково голодают, то это не есть разрешение проблемы справедливого распределения или обеспечения, или какого-нибудь социального вопроса. Эти вопросы не решаются при плохом порядке и тогда, когда он приправляется этическими украшениями и призывами к общим интересам всех людей» [11].

Пирог должен стать еще больше

Здесь надо еще раз отметить, что повышение жизненного уровня, к которому я стремлюсь, является не столько проблемой распределения, сколько производства, точнее, производительности. Решение лежит не в делении, а в умножении национальной продукции [68]. Те, кто свое внимание уделяет проблемам распределения, всегда приходят к ошибочному желанию распределять больше, чем в состоянии производить народное хозяйство.

Этим мы не хотим сказать, что современные квоты распределения для той или иной группы со всех точек зрения идеальны или справедливы. Без сомнения в порядке долгосрочной перспективы и здесь также возможны изменения. Такие изменения, если их проводить слишком поспешно, естественно, не могут не вызвать яростных споров, конфликтов труда и, может быть, даже забастовок. Объем народнохозяйственной энергии,

потраченной на это, должен быть весьма значительным. Поэтому, мне казалось бы, умнее направить эту энергию на рост производительности, чтобы этим единственно плодотворным способом добиться для всех занятых в народном хозяйстве большего дохода.

Сказанное здесь можно подтвердить развитием национального продукта. С 1949 года, в котором федеральное правительство приступило к работе, и до 1955 года удалось увеличить национальную продукцию-брутто, выраженную в ценах 1936 года, с 47,1 до 85,8 млрд. марок. В первом полугодии 1956 года национальная продукция показала 44 миллиарда марок – почти столько же, сколько за весь 1936 год (47,9 млрд. марок). Чистый доход получателей заработной платы и окладов возрос с 34.101 миллионов марок в 1950 году до 61.367 миллионов в 1955 и 31.909 миллионов марок в первом полугодии 1956 года, причем доход в первом полугодии, как правило, всегда ниже дохода за второе полугодие. За первое полугодие 1955 года чистый доход трудящихся был равен 28.393 миллионам, а за второе полугодие – 32.974 миллионам марок.

Особенно интересны в этом отношении темпы роста общего частного потребления, которое в первом полугодии 1956 года было больше такого же потребления в первом полугодии 1955 года на 5.205 миллионов марок. Если частное потребление – с целью выключения всех изменений цен – исчислить в ценах 1936 года, тогда для последних лет процент увеличения выразится в следующих цифрах:

Процент увеличения частного потребления начиная с 1949 года и в ценах 1936 года

1-е полугодие

У	в	ли	че	н	ие	по	ср	ав	не	н	и	ю	с	пр	ед	ы	ду	щ	и	м	го	до	м	19	50	пр	от
---	---	----	----	---	----	----	----	----	----	---	---	---	---	----	----	---	----	---	---	---	----	----	---	----	----	----	----

ив	7
19	0
49	1
19	+
51	
пр	1
от	.
ив	8
19	4
50	8
19	+
52	
пр	1
от	.
ив	0
19	3
51	7
19	+
53	
пр	1
от	.
ив	6
19	8
52	4
19	+
54	
пр	1
от	.
ив	7
19	6
53	1
19	+
55	
пр	2
от	.
ив	1
19	8
54	2
*)	+
19	
56	2
пр	.
от	3
ив	7
19	2
55	

2-е полугодие

19	+
50	2
пр	.

от	4
ив	8
19	5
49	
19	+
51	
пр	7
от	7
ив	2
19	
50	
19	+
52	
пр	1
от	.
ив	8
19	8
51	4
19	+
53	
пр	2
от	.
ив	0
19	4
52	0
19	+
54	
пр	1
от	.
ив	6
19	2
53	5
19	+
55	
пр	2
от	.
ив	9
19	5
54	5

Календарный год

	+
19	
55	2
пр	1
от	.
ив	9
19	3
49	4

За весь 1956 год частное потребление возросло, согласно подсчетам Банка немецких земель, на 8%.

(Источник: Статистическое управление ГФР)

**) Предварительные числа.*

Большая ответственность каждого ведущего деятеля экономической и социальной политики лишней раз становится очевидной перед лицом нового фактора эволюции народного хозяйства. На пороге эпохи автоматизации и в начале новой фазы, которую многие рассматривают (пусть и с хорошей долей фантазии, присущей Жюльо Верну) как начало второй промышленной революции, мы, без сомнения, находимся в ГФР, как и в других странах с высокой «технизацией» народного хозяйства, перед очень большой потребностью в капитале. Удовлетворение этой потребности должно протекать упорядоченными путями.

Теоретически имеется только три пути финансирования такой потребности. Во-первых, финансирование может прийти со стороны свободного и дифференцированного рынка капиталов, в котором каждый гражданин, по возможности, должен был бы участвовать. На этом рынке капитал создается из многочисленных индивидуальных сбережений, именно поэтому такой метод следует считать классическим и наиболее здоровым. К сожалению, надо констатировать, что под впечатлением политической неразберихи последних лет, а также в связи с постоянной оглядкой населения на развитие уровня цен, тенденция к сбережениям сократилась, хотя благосостояние все время возрастало.

Если этот органический путь финансирования через рынок капиталов закрыт в результате образа действий людей, то остаются еще два других способа финансирования. Один способ – финансирование за счет цен, за счет получения средств от потребителя. Я не думаю, однако, чтобы кто-нибудь из моих читателей мог бы признать этот способ подходящим и-в долгосрочной перспективе – вообще подлежащим обсуждению. Если бы мы применили данный способ, тогда, по моему твердому убеждению, наш общественный демократический строй пришел бы к развалу. Этот способ таит в себе столько социально-взрывчатых веществ, что применение его могло бы лишь вызвать катастрофу.

Последним выходом остается опять-таки только обращение к государству. Иначе говоря, оно должно предоставить необходимые капиталы. При такого рода весьма прозрачных политических требованиях, как правило, совсем не спрашивают, откуда государство должно взять такие средства? Не подвергая опасности валюту и не нарушая уровень цен, ни одно государство не может предоставить больше капитала, чем оно предварительно изъяло у своих граждан обходным путем через налоги. Этот способ означает не только безвозмездную конфискацию в пользу гигантского капиталиста-государства, но принудительным образом приводит каждого отдельного гражданина в рабскую зависимость от государства. Свободное, основанное на частной инициативе народное хозяйство тогда также будет обречено на развал и разложение.

Социалисты стоят за «активную политику в области заработной платы», а также за необходимость растущих капиталовложений. Они в то же время утверждают, что проблема автоматизации не может быть разрешена частнохозяйственным сектором. Тогда становится ясным, и для этого не требуется много фантазии, что социалисты претендуют на обладание ключом также и к общественной революции и что завтра они хотели бы начать осуществление государственного планового хозяйства и дирижизма, выводя все это из якобы существующих потребностей новейшего технического развития. По этому поводу я могу только предостеречь легковых!

В конце концов, последним решением остается – отказаться от удовлетворения потребности в капитале, т. е. от необходимых капиталовложений. Не требует никакого обоснования, что этим мы выйдем из сферы современного промышленного хозяйства и вернемся, – медленно, но верно, – к примитивности.

Если мы хотим пойти путем, указанным вначале, и, по моему мнению, единственным плодотворным путем, то тогда мы должны прежде всего создать предпосылки для достаточного капиталообразования. Но мы достигнем эту цель только тогда, когда германский народ в целом будет питать доверие к стабильности политического, социального и экономического строя. Однако, символом стабильности для рядового человека является

цена, которую приходится платить за жизненно необходимые товары. Это как раз является точкой, в которой должны встретиться и сойтись наши усилия, направленные на проведение умеренной политики в области заработной платы, на обеспечение стабильности хозяйственного, социального и политического будущего нашего народа.

Исходя из этих соображений, каждому в отдельности следует снова и снова осознавать пределы своих требований или таковых его группы. Например, в отдельных случаях повышение заработной платы может как будто принести пользу рабочему или служащему и может показаться даже весьма соблазнительным; – если же оно подрывает структуру цен, то зародыш зла коренится в нем самом, – повышение зарплаты тогда в силу самой природы вещей обращается против самих выгодополучателей.

Людям удалось, правда, расщепить атом, но им никогда не удастся подорвать действенность того железного экономического закона, согласно которому мы должны обходиться в нашем хозяйствовании теми средствами, которыми мы располагаем, т. е. закона, по которому мы не можем больше потреблять, нежели мы можем производить – или желаем производить.

Глава X. Ведет ли благосостояние к материализму?

В последнее время все чаще можно слышать утверждение, что политика так называемого социального рыночного хозяйства определенно и во все большей степени приводит людей к пагубному материализму.

Подвергнем это утверждение критическому разбору.

Прилежание человека, созидательная деятельность всех людей, занятых в хозяйственном процессе, а равно и стремление к постоянному улучшению аппарата производства, – все это, встречающееся при самых различных конъюнктурных условиях, получает свой экономический смысл и свое социальное содержание только на пути создания лучшего или более свободного образа жизни. Мы не строим египетских пирамид ради самих пирамид, это не самоцель: у нас каждая новая машина, каждая вступающая в строй электростанция, каждое новое рабочее место и все иные возможности повышения интенсивности труда, в конечном итоге, служат обогащению человека, всех людей, живущих и работающих в условиях социального рыночного хозяйства [65]. Я всегда буду прилагать все старания к тому, чтобы результат хозяйственного прогресса шел на пользу все более широким слоям людей, в конечном идеале – всем слоям населения.

В том народном хозяйстве, где ничего не производится, не может быть никаких доходов. Однако нельзя также производить что-либо, не имея в виду предстоящего потребления; последнее возможно только при рабских или тоталитарных системах. Эта концепция побуждает меня, между прочим, не признавать никаких привилегий в образе жизни людей, независимо от того, имеют ли эти привилегии политические или чисто хозяйственные первопричины. Всякий, пытающийся использовать позиции силы, должен сознавать, что он наносит явный вред другим слоям населения и их социальному положению [65].

Исходя из этой точки зрения, я считаю, что одной из важнейших задач современной экономической политики является преодоление представления о неизбежно повторяющемся повышении и понижении конъюнктуры, т. е. представления о якобы закономерно, механически действующей смене хозяйственных конъюнктурных циклов; преодоление это должно пойти путем плодотворного применения новых понятий. Если окажется возможным достичь этой цели, то тем самым уже сделан решительный шаг на пути повышения благосостояния, – по меньшей мере тогда каждому трудолюбивому и усердному члену общества будет предоставлена возможность лучше и легче проявить свои способности и скорее добиться успеха.

Воля к потреблению

Потребительский динамизм, активный и оптимистический, является предпосылкой того, что в народном хозяйстве постоянно и оптимальным образом используются все возможности хозяйственной деятельности; в таком хозяйстве проявляется стремление укрепить силы роста и стремление к прогрессу. Только эта, мной упомянутая «воля к потреблению», позволит производству бесперебойно развиваться и будет способствовать сохранению стремления к рационализации и подъему Производительности. Только при постоянном давлении с потребительской стороны на хозяйство сохраняются и в области производства силы, способные гибко применяться к повышенному спросу и нести соответствующий риск.

Конечной целью всякого хозяйствования есть и будет освобождение людей от материальной нужды. Поэтому я думаю также, что чем лучше нам удастся распространить и умножить благосостояние, тем реже люди будут предаваться образу жизни и умонастроению, основанным только на интересе к материальным благам. Лишь подъем уровня благосостояния создает те условия, которые могут оторвать человека от его примитивного, по существу только материалистического, мышления; во всяком случае, он должен был бы этому способствовать. И я верю в это, так как мне представляется, что люди будут связаны материалистическими понятиями лишь до тех пор, пока они находятся во власти каждодневных забот и не способны в таком бедственном положении подняться выше низменных жизненных интересов. Наоборот, когда люди, идя путем благосостояния и социальной обеспеченности, приходят к сознанию самого себя, своей личности и своего человеческого достоинства, они приобретают возможность, я сказал бы даже – радостную надежду, вырваться из материалистического образа мышления.

Тот, кто исходит из этого представления вещей и полон к тому же твердой воли не допускать приостановки хозяйственной экспансии до тех пор, пока среди нашего народа имеются люди, социальный стандарт которых неудовлетворителен, – тот несет в себе не только экономически-материалистическое, но социально-этическое начало. Другой вопрос – является ли целесообразным признать стремление к экспансии постоянным фактором определенной величины во всех фазах развития и его всегда одинаково громко провозглашать?

Эти отклонения, носящие скорее тактический характер, не могут умалить значения обрисованных здесь основ всякого хозяйствования. До тех пор, пока экспансия является результатом стремления не только к лучшей жизни, но и к достижению более высокой производительности, имеет место полная гармония. Однако, когда воля к экспансии несет в себе опасность, что люди станут требовать большего, вне связи с производительностью народного хозяйства, т. е. больше, чем оно может дать, – тогда эта понятная с социальной точки зрения тенденция теряет всякое реальное и, как я думаю, моральное обоснование. Если, – например, в результате желания сократить рабочее время, – уменьшается выработка, вопреки возможности провести повышение производительности, то нельзя одновременно требовать повышения заработной платы, в конце концов являющейся результатом приложения производительного труда. Такие требования не имеют ровно ничего общего с упомянутым мною стремлением к экспансии.

Отказ от «политики суровой жизни»

Экспансия в правильном понимании этого слова означает повышение общего объема доходности народного хозяйства, чем и достигается возможность того, что все могут соучаствовать в этом доходе. Сегодня же мы находимся на верном (т. е. на совсем неверном, на плохом) пути к тому, чтобы торговаться о долях соучастия отдельных групп в национальной продукции.

Не имеет никакого смысла предаваться здесь каким-либо иллюзиям. Народное хозяйство не может отдавать больше, чем ему позволяет наличная национальная продукция,

являющаяся не чем иным, как результатом усилий людей и производительности их труда. Как раз во времена высокой конъюнктуры и полной занятости нужно особенно четко указать на границы, поставленные потреблению каждого в отдельности. Надеюсь, что никто не станет делать из моих высказываний вывод, будто я стою за особый немецкий вариант так называемой «политики суровой жизни». Никто не может меня упрекнуть также и в том, что я когда-либо пользовался выражениями, как «туже затянуть пояс», «отказываться и терпеть лишения» и т. д. Такие лекарства невозможно согласовать с моим пониманием экономической политики.

После всего проведенного мною за последние годы, едва ли можно меня заподозрить в том, что ограничительная политика представляет для меня самоцель, или что моей целью могло бы стать стремление добиться понижения конъюнктуры. Нет, положение остается прежним: успех нашей экономической политики всегда заключался в том, что мы не останавливались перед препятствиями, но стремились найти решение в динамическом прорыве вперед, т. е. всегда искали решения в экспансии и находили его.

Эта основная установка не подлежит изменению и в будущем [63]. Надо раз и навсегда отдать себе отчет в том, сколько сил, энергии и доброй воли оказались бы выброшенными за борт, если бы экономическая политика стала руководствоваться намерением вернуть народ к уже преодоленному скромному уровню существования. Факты и данные народного хозяйства должны оставаться в правильном соответствии или быть к нему приведены. Склонность к накоплению сбережений, но также и готовность принимать и использовать эти сбережения, зависит не в последнюю очередь от уверенно спокойного состояния умов и положительной оценки будущего.

Есть ли действительно основание утверждать, будто успехи социального рыночного хозяйства оказались в том смысле только кажущимися успехами, что они грозят вывести немецкий народ на опасный путь бездушного материализма, в результате чего он духовно зачах бы в этом благосостоянии?

Тут, в первую очередь, необходимо спросить, верно ли, что это предполагаемое опошление жизни соответствует действительности, и если это так, то можно ли пытаться вывести причинную связь между повышением благосостояния и растущим материализмом? Подтверждение этого предположения было бы равносильно смертному приговору принципам и целям свободного западного мира.

Я несколько не думаю, что начавшееся в 1948 году и быстро прогрессирующее повышение жизненного уровня в Германии могло бы привести нас к столь трагическим выводам в отношении нашего народа и его судьбы. Мы должны трезво продумать то, что случилось за последние годы.

Бедствующий и голодающий народ, который под пятой бездушного государственного дирижизма был лишен всех индивидуальных свобод, за сравнительно короткий срок снова обрел жизнь и свободу. Что может быть здесь естественнее для человека, чем пребывать в сознании вновь окрепших жизненных сил, как желать пользоваться всеми благами и даже наслаждаться?

К этому надо прибавить, что в ходе демократизации масс происходит перемещение удельного веса отдельных слоев общества, которое особенно сильно отражается на повышении материального положения получателей заработной платы. Само собой разумеется, вернее, просто неизбежно, что в ходе этой эволюции все больше и больше людей приобщается к более высокому жизненному уровню, иначе говоря, получает возможность приобретать все большее количество товаров потребления, которые до этого им были недоступны.

Я сознательно стремился вызвать такую эволюцию, и я рад, что мне это удалось. Не является ли просто фарисейством, когда состоятельные или даже богатые слои нашего народа возмущаются по поводу жажды наслаждения и жадности у тех, кто в сущности не имеет иного желания, как подражать им. Против этого фарисейства я поэтому и веду страстную борьбу.

Я считаю материальное восхождение рабочих и других слоев нашего народа абсолютным политическим, социальным и экономическим выигрышем.

Поэтому я задаю со всей настойчивостью вопрос: означает ли наличие радиоприемника, пылесоса, холодильника и т. д. в доме зажиточного человека нечто другое, чем в квартире рабочего? Или это в одном случае выражение цивилизации и культуры, а в другом – признак материалистического умонстроения? Я также не могу понять, – отбросим тут в сторону разницу в шуме, – в чем при таком подходе отличие автомобиля от мотороллера?

Люди с настоящим и оправданным стремлением оградить наш народ от опошления жизни материализмом не могут так подходить к вопросу. Размер дохода не является ни масштабом, ни критерием для нравственной оценки расходов на потребление. Я не знаю также поэтому, почему и в какой степени душе человека, как таковой, могла бы угрожать опасность в результате достижения благосостояния и богатства. Тогда надо было бы поставить встречный вопрос: начиная с какого размера дохода человеческая душа уже не находится в опасности? Однако разве не является постановка этого вопроса насмешкой?

Те слои населения, которые все больше и больше получают возможность в усиленной степени пользоваться потребительскими благами, не могут подлежать осуждению только за то, что ныне доступные им блага прежде всего означают для них исполнение их желаний. Нельзя людей осуждать и за то, что они, при удовлетворении своих потребностей, в этой фазе еще вообще не в состоянии приводить духовные, душевные, культурные и материальные ценности в правильное соотношение. По мере консолидации социального положения этих людей, они наверное придут к лучшему осознанию того, что является добром или злом, что ценно и что лишено ценности.

Против неоправданной нетерпимости

С первого взгляда как будто не подлежит сомнению, что некоторые виды и способы потребления говорят о примитивных наклонностях людей, применяющих их. Но мы не имеем права морщиться при этом. Это и не имеет смысла. К неприкосновенным правам человека принадлежит свободный выбор предметов потребления; как же можно здесь проявлять нетерпимость? Не забудем то долгое время нужды, которое пришлось перенести немецкому народу; оно делает еще более понятным, что теперь ему хочется потребительски использовать доход от своего честного труда.

Никакое возражение не может изменить мое убеждение, что бедность является важнейшим средством, чтобы заставить человека духовно зачахнуть в мелких материальных каждодневных заботах. Может быть гении могут подняться над этой нуждой; в общем же материальные заботы делают людей все несвободнее; они остаются пленниками своих материальных помыслов и стремлений.

Таким образом, мы спокойно и уверенно можем допустить развертывание процесса приумножения и распространения благосостояния, так как то, что сегодня носит печать злоупотребления, одновременно несет в себе и зародыш оздоровления. Не будем так жестоки, чтобы считать, что добродетель вырастает только из нужды. В жизни скорее дело сводится к тому, чтобы мы могли оказаться достойными счастья и благополучия, которые нам дает мирная и успешная работа. Для политико-экономического деятеля, каким я являюсь, было бы дьявольскому наваждению подобно, если из неверно понимаемого нравственного принципа я стремился бы препятствовать преодолению нужды [75].

Притом я далек от того, чтобы переоценивать все «экономическое». Я думаю, что как для отдельного индивидуума, так и для всего народа в целом необходимо, чтобы было обеспечено существование жизнеспособного хозяйства, чтобы этим самым создать основу для каждого стремления к высшим, духовным ценностям. Только тогда, когда упорядочена материальная база человеческого бытия, люди становятся свободными и зрелыми для более возвышенных дел.

Если мы сегодня боремся за новые формы цивилизации и культуры, то в этой широко развернутой дискуссии, и особенно в споре с Востоком, шансы на успех будут на нашей стороне только в том случае, если люди найдут дорогу к той внутренней независимости и отрешенности, которые несут в себе предпосылки настоящей свободы. Экономическая политика, которая задалась целью преумножить благосостояние, должна представлять собой действительно, как говорится, угодное Богу начинание.

Все эти высказывания ни в коей мере не посягают на тысячелетнюю проблематику, отраженную и в Библии, о богаче, верблюде и игольном ушке. Стремление, о котором мы говорим, имеет целью привести широкие слои народа к большему благосостоянию, но не к тому в Библии подразумеваемому богатству и изобилию, которые открывают путь беспутству и порокам.

В конце концов следует при этом также учесть, что материальное и идеальное не могут быть так четко отделены одно от другого в практической жизни, как это представляется возможным в отвлеченном рассуждении. Например, когда люди живут в хороших квартирах, когда они и у себя дома начинают пользоваться кое-какими благами того прогресса, плоды которого окружают их на предприятии, когда переутомленные матери и жены не должны больше по вечерам работать на кухне, но могут, благодаря техническим усовершенствованиям, посвящать себя своей семье, – тогда уже многое сделано для раскрытия душевных сил.

Конечно, верно также, принимая во внимание повышение семейного бюджета, что в каждом отдельном случае хотелось бы увидеть, что люди стремятся к чему-то лучшему, чем только к дальнейшему повышению числа потребленных бифштексов и котлет. Хотелось бы, чтобы с ростом дохода люди приходили бы также к иной оценке своего собственного образа жизни. Все это, без сомнения, и правильно и важно, но не следовало бы забывать, что воспитывать людей в этом направлении не является задачей, к разрешению которой призваны, в первую очередь, министр хозяйства и политики-хозяйственники.

Духу приказать нельзя

Я не боюсь высказать свое мнение: я хотел бы видеть иной характер потребления, а именно, чтобы ясно видимые изменения в этом повышенном потреблении больше отвечали бы требованиям духовного порядка. Я, однако, отказываюсь давать приказания на этот счет. Совершенно очевидно также, что то, что сегодня кажется роскошью, превратится завтра в предмет повседневного потребления. Вместе с этими переменами, имеющими чисто материальный характер, изменяются и понятия относительно того, что является признаком высокого уровня жизни, что придает человеку вес в обществе и что является источником социального уважения.

В моем положении министра народного хозяйства от меня едва ли можно требовать, чтобы я принял на себя ответственность за душевное благополучие всего народа. В моей должности я вынужден выполнять совершенно специфическое задание. Это задание сводится к тому, что необходимо заставить народное хозяйство выявить столько энергии и показать столько достижений в производительности, чтобы люди могли жить без нужды и забот, чтобы они получили возможность приобретать имущество и становиться благодаря этому независимыми, чтобы они имели возможность в большей степени раскрыть свое человеческое достоинство. Именно тогда они не будут зависеть от милости других, а также и от милости государства. Мне кажется, что с достижением подобной цели министр народного хозяйства внес бы полностью свою долю в дело преодоления мнимого или действительного материализма [54].

При этом я отдаю себе отчет в том, что и в оценке всего материального несомненно есть какие-то границы. С растущей производительностью и с более высокой эффективностью труда человека мы когда-нибудь придем к фазе развития, когда перед нами встанет вопрос, что в сущности важнее или ценнее: работать еще больше или вести более

удобный, красивый и свободный образ жизни, отказываясь при этом, быть может, сознательно, от потребления и использования ряда имущественно-хозяйственных благ. Но я полагаю все же, что «так далеко» мы еще не ушли вперед. Пройдет, вероятно, еще некоторое время, пока мы не достигнем такой степени развития, когда нам придется подойти вплотную к разрешению этого вопроса.

Конечно следует надеяться, что к тому времени народ достигнет того состояния «просветленности», при котором он сможет найти пути и способы для разумного использования своего удлиненного свободного от работы времени. Но некоторый опыт, также и в других странах, настраивает скептически и показывает, что удлиненное свободное время, предоставленное в результате требований, основывающихся на желании повысить материальное потребление (что само по себе противоречиво), не послужило ни душевному благу отдельного человека, ни его внешнему благополучию.

Специфические особенности положения в Германии

Специфический путь немецкой экономики должен поэтому носить на себе свой особый отпечаток. Перед нами стоит задача: лучше учесть и принять к сведению пожелания населения, будь то желанья отдельных людей или целых групп, чтобы не действовать механически, а доставить удовлетворение наилучшим образом. Несомненно, что это – нелегкая задача.

Нельзя также отрицать, что указанная проблематика входит в область непосредственной моей работы. Я, как несущий ответственность за экономическую политику, имею дело с феноменом так называемой «социальной атмосферы», и при этом я ясно чувствую, как сильна угроза того, что из-за повсеместного отсутствия чувства меры, – намеренно вызываемого, – чувства разумности и правдивости окажутся окончательно подавленными.

У немецкого народа вообще имеется склонность терять чувство реальности, причем даже сравнительно легко. Это – несомненно слабость характера, которая как раз и в недавнем прошлом была причиной нашей трагической судьбы. Психологически вполне понятно, что с преодолением нужды и, пожалуй, даже высокой конъюнктуры в ряде случаев можно наблюдать признаки преступного задора и легкомыслия. Тем более следует подавить эти проявления, чтобы наш народ, который в беде проявляет достойные высшего удивления добродетели, действительно сумел перенести периоды благополучия. Неужели же он должен срывать незрелые плоды с дерева, когда уже недалеко до урожая?

Было бы, однако, совсем нелепо, если хозяйственная политика, учтя эту склонность и опасность, стала бы стремиться к торможению высокой конъюнктуры только потому, что люди. – нет, вернее, группировки людей, – из-за нее теряют чувство меры. Ведь нельзя же вместе с водой выплескивать и ребенка.

Аппетит приходит во время еды, и таким образом случилось, что вместе с успехами народного хозяйства появлялись все новые и новые желанья. Те же самые люди, которые в 1956 году выражают недовольство своим экономическим положением, в 1947-1948 годах не смели и надеяться, что через восемь лет они будут иметь то, что у них есть сегодня. Это не препятствует им быть все же сегодня недовольными. Зависть – вот тот комплекс, который их мучает! Таков уж, очевидно, немец, что ему трудно перенести, что кому-либо другому, например, соседу или даже другу, живется лучше. Тогда он полон зависти и недоволен, вне зависимости от того, каково его собственное материальное положение. Этот особый вид отсутствия чувства меры представляет серьезную опасность для нашей страны. Эту опасность надо осознать. Долг всех дальновидных людей – бороться с ней.

Последние цели

Мне часто задают вопрос, какова конечная цель проводимой мною экономической

политики. Кто так ставит вопрос, тот всегда в скрытой форме высказывает опасение, что бесконечное следование по раз намеченному пути развития может привести к самоупряднению. Эта постановка вопроса несомненно оправдана, и поэтому я и не хочу уклоняться от ответа.

Мой ответ ясен и недвусмыслен: я не считаю, что при установлении хозяйственно-политических целей настоящего времени речь идет как бы о вечных законах. Мы даже наверняка придем к тому, что с полным правом придется поставить вопрос – правильно ли и полезно ли все еще производить все больше благ, все упорнее добиваться материального благополучия, и не было ли бы более разумным отказаться от всего этого «прогресса» и больше времени посвятить осознанию себя, досугу и отдыху? Однако тут дело касается уже не только министра народного хозяйства, но в такой же степени и богослова, социолога и политика.

Эта проблематика весьма сложна, и разобраться в ней поэтому можно только, исходя из соображений, лежащих уже в плане духовном и душевном. Занимаясь ею, нельзя избежать постановки другого трудного вопроса: в достаточной ли мере люди освободились от всего, что их внутренне сковывает, и достаточно ли они «раскрылись», чтобы быть в состоянии «использовать» (в лучшем смысле этого слова) свой досуг? Что нам надлежит еще сделать, и в каком плане это должно произойти, чтобы достичь той степени внутренней зрелости, когда отказ человека от материальных благ станет для него благословением и приобретением?

При этом надо еще иметь в виду, что больший объем свободного времени повлечет за собой также и измененные отношения к жизни и к хозяйствованию. Все это нельзя просто сконструировать или организовать, – все это должно вырасти органически.

До тех пор, пока в плоскости политики действуют по лозунгу: давайте работать меньше, чтобы можно было больше потреблять! – мы будем стоять на неверном пути. Если же затронутый процесс развития будет иметь место в том смысле, что наш народ рядом с ценностью материальной стороны жизни будет во все возрастающей мере считать также и духовное и душевное обогащение полезным и полноценным, – тогда в будущем мы должны придти и к известной корректуре хозяйственной политики. Едва ли кто-либо тогда будет до такой степени догматиком, чтобы и дальше усматривать благополучие лишь в продолжающейся экспансии экономики, то есть только в материальной плоскости [52].

Сегодня, однако, нам еще не следовало бы чрезмерно затруднять себя такого рода размышлениями. Приведем лишь сравнение между США и Германией. Тогда станет ясным, насколько еще возможно и полезно дальше проводить хозяйственную экспансию, увеличивать благосостояние, освобождать человека от материальных забот. Пока же я придерживаюсь мнения, что нам по-прежнему надлежит заботиться о том, чтобы миллионы людей, все еще обремененные каждодневными заботами, были окончательно освобождены от этой напасти. Еще слишком много людей стоит в тени взлета и подъема, и поэтому у нас нет никакого основания уменьшать наши усилия.

Глава XI. Психологические вопросы вокруг марки и пфеннига

«Если при помощи психологических способов воздействия удастся добиться изменения отношения населения к экономике, то это психологическое воздействие станет экономической реальностью и начнет выполнять ту же задачу, которая выполняется с помощью других мероприятий обычной конъюнктурной политики». В этих словах, высказанных мною от имени правительства ГФР в речи на заседании Бундестага 19 октября 1955 года в Берлине, отмечена та основная мысль, которая заставила меня применять целый ряд способов психологического воздействия, чтобы поставить его, в качестве равноправного средства, рядом со знакомыми методами традиционной конъюнктурной политики.

С точки зрения чистой теории этот род воздействия на участников рынка, а в условиях высокой конъюнктуры также и попытка влияния на цены, пожалуй, не очень согласовываются с системой рыночного хозяйства обычного типа. Тем не менее, я не считаю

возможным отказаться от него из-за соображений догматического характера. Нередко меня поносили за то, что я якобы слишком верен системе. Поэтому не стоит меня слишком бранить за то, что я, как хозяйственно-политический деятель, хочу раз отклониться от идеального типа чисто экономического метода действий. В моих глазах здесь нет еще никакого прегрешения против правильно понятой идеи рыночного хозяйства. Дело сводится просто к использованию хозяйственной психологии: хозяйственные явления не подчиняются законам механики. Экономика не живет какой-то своей собственной жизнью в смысле бездушного автоматизма, а создается и оформляется людьми. Если это так, – а иначе быть не может, – то структура и облик народного хозяйства не могут не изменяться под влиянием наших действий. Вот почему не следует считать маловажным метод психологического воздействия [62].

При наличии таких далеко идущих взаимозависимостей, доводы «классических» либералов, которые прибегают исключительно к старым и избитым методам, теряют свое значение. Критикам крайне либерального толка не следовало бы огорчаться по поводу моей недостаточной верности убеждениям. Я придерживаюсь даже взгляда, что применяемым мною методам до сих пор слишком мало уделено было места как в теории, так и в экономической политике; на них очень мало обращали внимания и их слишком редко применяли.

Современная психология требует прямо того, чтобы экономические процессы воспринимались не только как механические, технические; человека нельзя игнорировать, он является движущей силой в народном хозяйстве. Для народного хозяйства имеет решительное значение, как мы поступаем, как мы действуем. Настроены ли мы оптимистически или пессимистически, спекулируем ли на повышении или понижении цен, хотим ли мы копить или тратить – все это находит свое выражение в показателях экономики. В свою очередь эти показатели, например, цены – падающие, устойчивые или растущие – влияют на наш образ действия.

Было бы неверно утверждать, что мысль о психологическом воздействии в области экономики зародилась впервые лишь в условиях недавней высокой конъюнктуры, с достижением полной занятости. За последние годы многие скептики и критики хулили меня за то, что я слишком часто покидаю свой служебный кабинет, чтобы произносить речи на севере и юге, на востоке и на западе; но я поступал так по соображениям, весьма сходным с изложенными. Правда, мои соображения относительно психологического воздействия получили свой специфический оттенок и стали применяться более систематическим образом лишь в самое последнее время. Я убежден, что проводимый мною психологический поход, который в Германии получил название «душевного массажа», в будущем немисливо будет устранить как метод экономической политики.

Правда, еще не наступило, пожалуй, время для составления учебника систематического психологического руководства экономикой, – этим пусть займется наука на протяжении ближайших десятилетий, когда мы будем располагать большим опытом. Но, во всяком случае, мне кажется важным указать уже сейчас, что, например, работать, слишком подчеркнуто опираясь на моральные призывы, не отвечало бы реальностям жизни.

Само собой разумеется опять же, что этим я отнюдь не утверждаю, будто я считаю хозяйство и хозяйственную деятельность людей аморальными. Однако мало смысла обращаться к людям с призывами, если они склонны думать, что от них требуются жертвы лишь в угоду данному министру или правительству. Наоборот, надо обращаться к участникам рынка с разъяснениями, в какой степени следование голосу здравого человеческого рассудка и экономической разумности отвечает их же интересам.

Постоянная высокая конъюнктура

Нужно апеллировать к представлению о выгоде и к личному интересу хозяйственного человека, который – в данной конкретной ситуации высокой конъюнктуры – ничего не

может выиграть от того, что он свои товары и услуги будет продавать дорого, но затем принужден будет отдавать за чужие услуги и блага всю приобретенную им так называемую прибыль. При этом теряют все, потому что это взаимное воздействие цен на заработную плату, как и заработной платы на цены, должно привести к подрыву здоровых основ всякого хозяйственного строя и роли свободной конкуренции [72].

Эти взгляды заставили меня уже раньше как-то объявить, что я не намерен воздвигать почетные доски тем, кто следует моим благим рекомендациям. Если я в прошедшие месяцы вновь и вновь напоминал рабочим и профсоюзам, что они должны соблюдать чувство меры и дисциплину, то я делал это во имя их же собственной судьбы [66]. Так же взывал я и к предпринимателям – не соглашаться на чрезмерное повышение заработной платы, т. е. на такое повышение, которое превышает возможности данного момента и угрожает нарушить устойчивость цен. Я обращаюсь к предусмотрительности и честности людей, ибо мы ведь хотим вкушать плоды высокой конъюнктуры, но не ввергать ее в автоматизм конъюнктурного цикла, со всеми отрицательными последствиями этого. Стремление избежать их – высший закон, и потому я всегда напоминал людям, что, если они, предаваясь какой-то иллюзии, захотят исчерпать все представляющиеся личные шансы, то они несомненно потеряют больше, чем они когда-либо могут при этом выиграть. Если, наоборот, люди окажутся на высоте требований дня, то, по моему убеждению, высокая конъюнктура может продержаться и без инфляционных мероприятий [68].

Из сказанного достаточно ясно, что достигается проводимым мною «душевым массажем» в фазе высокой конъюнктуры и так называемой полной занятости, которая характерна для немецкого народного хозяйства, начиная с середины 1955 года. Наибольшая опасность поддержанию высокой конъюнктуры, а равно и неизменному экономическому прогрессу, угрожает не со стороны чрезмерно распространяющегося материализма, как это иногда утверждается. Я полагаю, что опасность со стороны демагогически поддерживаемого иллюзионизма представляется гораздо более серьезной.

Быстро растущие желания, безудержное осуществление которых нас привело бы к губительным инфляционистским тенденциям развития, проистекают из непонимания сущности и функций народного хозяйства. Поэтому приходится вновь и вновь констатировать, что внутренняя зависимость между потреблением, накоплением сбережений и инвестированием капиталов, редко воспринимается правильно и полностью.

Оставляя в стороне политическое ослепление, которое находит свое выражение в так называемой «активной политике в области заработной платы», – нельзя серьезно отрицать зависимость между зарплатой и ценами. Уже в течение некоторого времени замечаемое поочередное повышение, – то заработной платы, то цен, – говорит, однако, о том, что осознание этой зависимости не имеет глубоких корней или в сильной степени затемнено политическими влияниями [75].

Мы будем действовать соответственно тому, насколько нам удастся утвердить в сознании людей понятие о соотношении между занятостью – в данном случае между рабочим временем – и производительностью, между заработной платой и жизненным стандартом; это определит также, можем ли мы смотреть на будущее развитие с уверенностью или оно должно вызывать у нас беспокойство. В этой фазе экономического развития мы не имеем никакого основания считать наше хозяйство чем-то нездоровым. Отдельные неполадки являются, по моему убеждению, следствием образа действий людей, не соответствующего хозяйственным возможностям.

Для полноты картины необходимо отметить, что, наряду со столь опасной переоценкой реальных возможностей, следует усмотреть еще опасность в том, что обстановка высокой конъюнктуры считается многими очень подходящей для злоупотребления экономическим могуществом. В таких случаях попытка воздействовать на людей психологическими средствами, конечно, не будет иметь никакого успеха. Здесь уже потребуются широко задуманные контрмеры.

Государство – «ночной сторож» – ушло в прошлое

Я уже привел возражения тем критикам, которые полагают, что признание современной психологии подходящим инструментом воздействия в руках современного хозяйственно-политического деятеля не сочетается с представлениями о рыночном хозяйстве классического типа.

Такого рода мышление проистекает, по моему мнению, из допотопного манчестерского либерализма. Я не склонен принять безоговорочно и для любой фазы экономического развития ортодоксальные правила игры рыночного хозяйства, по которым только предложение и спрос определяют цену и руководитель народного хозяйства должен поэтому воздерживаться от всякого вмешательства в область цен в любой фазе экономического развития.

Здесь я придерживаюсь даже принципиально иного мнения: современное и сознающее свою ответственность государство просто не может себе позволить еще раз вернуться к роли «ночного сторожа». Эта неверно понимаемая свобода как раз была тем, что привело в могилу свободу и свободный строй [69]. Такое пассивное отношение тем более не может быть сегодня оправдано, что – за отсутствием действительно свободного мирового рынка и свободно размениваемых валют – функция международного уровня цен полностью не осуществима и оздоравливающий регулятор всемирной конкуренции не проявляет своего действия.

Если мы хотим уяснить себе взаимоотношения между классическими средствами и новым экономическим орудием психологического воздействия, то сделать это очень легко. Я хочу объяснить это на примере создавшегося в ГФР положения.

Как государственный банк, так и федеральное правительство несут ответственность за то, чтобы была обеспечена устойчивость валюты. Таким образом, я желаю добиться того же самого, что государственный банк старается провести при помощи денежной, кредитной и валютной политики. По поводу слишком «перегретой» конъюнктуры я высказывал свое мнение на открытии германской промышленной выставки в Берлине 24 сентября 1955 года, а именно: «Если угодно так понимать, то в настоящее время имеет место состязание между мною и Банком немецких земель». Методы хозяйственной, финансовой и валютной политики классического типа имеют целью направить определенным образом ход хозяйственной жизни. Если мне удастся при помощи психологического воздействия соответствующим образом изменить тот или иной образ действия людей, то тогда у меня будет возможность провести подобную же перегруппировку экономических факторов, и притом в направлении, сознательно выбранном мною, более целесообразном с народно-хозяйственной точки зрения. В конце концов не имеет значения, начнут ли люди вести себя иначе под принуждением политики эмиссионного банка или в результате осознания ими своих личных интересов. Речь идет поэтому не о полярности или враждебности между различными методами, а о некоем сочетании: «как это – так и то». Тот, кто подобно мне считает разум человека наиболее могучей силой, может ожидать с уверенностью, что психологическому воздействию, как весьма либеральному методу действия, будет и в будущем отведено место в конъюнктурной политике.

При такой осторожной попытке взвесить и оценить этот метод следует не упускать также из виду, что в наши дни происходящее в экономике определяется не только индивидуумами, но во все большей степени и группами. Тем более кажется мне необходимым способствовать внедрению разумных взглядов, будить добрую волю, обращаться к здравому смыслу людей, чтобы добиться торжества экономического благоразумия [61].

Особенно благоприятным является то, что этот психологический метод воздействия может быть применен уже в ранней фазе угрожающих конъюнктурных опасностей. Например, в полном согласии с государственным банком я мог установить уже при начальной высокой конъюнктуре, что ухудшение касалось не столько фактического уровня

цен, сколько атмосферы, в которой определялись цены. В тот момент было бы еще преждевременным прибегать к воздействию традиционными средствами, разве только, что при этом высказывалась готовность затормозить на сравнительно ранней стадии благоприятное развитие экономики, позволяющее нам говорить о высокой конъюнктуре. Совершенно очевидно, что в то время мы имели дело с преимущественно психологическим феноменом. Не в самой конъюнктуре как таковой скрывалась опасность: опасность заключалась в неверной оценке вытекающих из этой конъюнктуры возможностей и шансов для материального обогащения. Беспокойство сеяли не обстоятельства, а сам человек [60]. В этом отношении с тех пор ничего по существу не изменилось.

«Психология разумных цен» в борьбе с опасностью инфляционных тенденций

В моем психологическом походе я старался не ограничиваться выступлениями на больших собраниях; я пытался также мобилизовать мощные силы для борьбы с вздуванием цен и во время моих частных бесед с представителями отдельных отраслей народного хозяйства. За время с осени 1955 года были проведены десятки таких бесед, причем общественность была осведомлена лишь о ничтожной части этих усилий; они были направлены, в частности, на недопущение чрезмерного повышения цен на уголь, на отсрочку – на многие месяцы – повышения цен на изделия черной металлургии и т. д.

Цель моих бесед всегда была одна и та же: я хотел, чтобы в германском народном хозяйстве укрепилось такое умонастроение под влиянием которого каждый покупатель обдумывал бы самым обстоятельным образом, действительно ли не слишком высока цена товара, который он желает приобрести. С другой стороны, всякий, кто что-либо производит или предлагает, еще раз должен был бы подумать, оправдана ли его цена с точки зрения требования о сохранении устойчивости цен и обеспечения прочности нашего народного хозяйства в целом? [62]

Можно сомневаться насчет того, удалось ли мне добиться этой цели в полном объеме. Но все же можно считать установленным, что, не будь этих бесконечных усилий в Германии и в других европейских странах – уровень цен сегодня был бы выше фактически существующих цен.

В связи с этим достаточно бросить взгляд на действительную эволюцию стоимости жизни. Для большей ясности здесь приводятся также данные за время корейского кризиса. Эта эволюция в стоимости жизни была в то время более оживленной, хотя, оглядываясь назад, можно сказать, что несмотря на все бурные перипетии корейского кризиса, движение вверх было не столь значительным, как это в свое время воспринималось.

Индекс цен стоимости жизни, средняя группа потребителей 1950 = 100

И	9
ю	9
нь	
19	
50	
г.	
Д	1
ек	0

. 19 50 г.	1
И ю нь 19 51 г.	1 0 8
Д ек . 19 51 г.	1 1 2
И ю нь 19 52 г.	1 0 9
Д ек . 19 52 г.	1 1 0

(Источник: Федеральное статистическое бюро ГФР)

Здесь я позволю себе в заключение повторить то, что нередко высказывалось мной и в прошлые годы: я готов уговаривать каждого отдельного германского гражданина до тех пор, пока он не устыдится, что он не поддерживает усилия, направленные на поддержание устойчивости валюты. Подобно врачу, который болеющему заразной болезнью человеку, вводит в организм бактерии-антитоксины, – подобно такому врачу я намерен на постоянных совещаниях, посвященных вопросу о ценах, и в повторных открытых призывах добиться того, чтобы можно было локализовать кризис и воспрепятствовать заболеванию народного хозяйства. При столь неустойчивом положении необходимо было ежедневно обращать внимание каждого на развитие цен, чтобы добиться иммунитета перед лицом эпидемии бурного роста цен и не подвергнуться заразе инфляционного движения. Здесь идет речь не о молебствии об оздоровлении германской экономики! Это мне чуждо, но я должен еще раз повторить: образ действий людей является решающим и останется решающим [63].

Глава XII. Идея снабженческого государства – современная химера

Каждый раз, когда я выступаю на тему «социальное обеспечение», я подвергаюсь риску быть обвиненным в превышении моих полномочий. Хотя я касаюсь этой проблемы скорее в роли хозяйственно-политического деятеля, нежели в качестве министра народного хозяйства, все же любому специалисту в этой области понятно, что и у министра хозяйства также имеются все основания проявлять заботу о развитии нашей социальной политики, что обусловлено самой структурой социального рыночного хозяйства. Социальное рыночное хозяйство не может существовать, если лежащая в его основе идейная установка, т. е. готовность нести ответственность за собственную судьбу и участвовать в частном свободном соревновании из стремления к повышению производительности, – если все это осуждено на вымирание в результате принятия сомнительных мер якобы «социальной» политики в смежных с хозяйством областях.

Тот, кто готов продумать эту проблематику до конца, поймет сомнительность слишком узкого и резкого размежевания компетенции. Точное и исчерпывающее размежевание ведомственных сфер, только тогда было бы вообще терпимо, когда действия и поведение всех тех, кто так или иначе воздействует на экономическую обстановку, определялись бы, исходя из единого понимания вещей, иначе говоря, когда люди безоговорочно одобряли бы строй и порядок, к осуществлению которого стремится социальное рыночное хозяйство.

Я неоднократно указывал, что стою за неделимость личной свободы. Из этого я исходил еще в 1948 году, стремясь упразднить все препятствия на пути экономической свободы. Поэтому, поскольку я внес свою долю в дело освобождения немецких людей, я должен требовать, чтобы соответствующие усилия были сделаны и в других областях. Свободный хозяйственный строй может удержаться в течение продолжительного времени лишь в том случае, если и пока также и в социальной жизни нации обеспечен максимум свободы и максимальным образом проявляется частная инициатива и забота каждого о самом себе [73].

Наоборот, когда все усилия социальной политики направлены на то, чтобы каждого человека уже с момента его рождения предохранить от всех превратностей жизни, т. е. когда стараются крепко-накрепко оградить человека от всех перемен судьбы, тогда – и это вполне ясно – нельзя требовать от людей, воспитанных в таких условиях, чтобы они выявили в необходимой мере такие качества, как жизненная сила, инициатива, стремление к достижениям в производительности и другие лучшие качества, столь судьбоносные в жизни и будущности нации, и которые, сверх того, являются предпосылкой для создания основанного на личной инициативе социального рыночного хозяйства. Далее следует указать также и на неразрывную связь между хозяйственной и социальной политикой: в самом деле,

вмешательства социальной политики и мероприятий по оказанию помощи требуется тем меньше, чем успешнее будет развиваться экономическая политика.

Этим мы не отрицаем того, что даже самая лучшая экономическая политика в современных индустриализованных государствах должна быть еще дополнена мерами социальной политики. С другой стороны, правилен и тот принцип, что всякая эффективная социальная помощь возможна только при наличии достаточного и все растущего общего объема всей национальной продукции. Другими словами такая социальная политика может строиться только на основе отличающегося производительного народного хозяйства. Поэтому любая органическая социальная политика должна быть заинтересована в том, чтобы экономика носила экспансивный характер и была бы устойчива; она заинтересована и в том, чтобы принципы, на которых покоится эта экономика, оставались в силе и подверглись дальнейшей разработке.

Размеры сумм, распределяемых в порядке проведения социальной политики, нельзя больше признать не имеющей значения величиной. Эти суммы, наоборот, являются веским фактором в процессе распределения в народном хозяйстве, в результате чего в настоящее время существует тесная взаимосвязь между экономической и социальной политикой. Социальная политика автономная и нейтральная в отношении народного хозяйства, – дело прошлого. Она все больше и больше должна уступать место такой социальной политике, которая теснейшим образом связана с экономической политикой. Социальная политика не смеет косвенными путями подрывать продуктивность народного хозяйства. Она не должна противиться основам, на которых покоится рыночное хозяйство.

Если мы вообще хотим сохранить на долгое время свободный и общественный строй, тогда действительно становится основоположным требование, чтобы хозяйственная политика, стремящаяся способствовать человеку достигнуть личной свободы, была бы дополнена такой же, устремленной на установление свободы, социальной политикой.

Поэтому, оказалось бы в коренном противоречии со строем рыночного хозяйства такое положение вещей, при котором частной инициативе, заботе о самом себе и личной ответственности не было бы хода, и притом даже тогда, когда у отдельного индивидуума имеются все необходимые материальные предпосылки для проявления этих добродетелей. И действительно, экономическая свобода и тотальное принуждение к страховке от всех превратностей судьбы относятся друг к другу, как огонь и вода.

В дальнейшем изложении мы еще вернемся к другим специальным взаимосвязям между экономической и социальной политикой. Здесь ограничимся указанием, что социальная политика, для которой старания сохранить стабильность валюты не представляют собой требования первостепенного значения, таит в себе крупнейшие опасности для обеспеченного функционирования социального рыночного хозяйства.

Рука в кармане соседа

Следует оказать самое энергичное противодействие этой опасности. В этом споре расхождений больше, чем в любом другом вопросе. Одни воображают, будто благо и счастье людей основаны на какой-то форме общей коллективной ответственности, и что по этому пути, который ведет, конечно, к всемогуществу государства, следует и дальше продвигаться вперед. Спокойная и удобная жизнь, мол, будет тогда не слишком роскошной, но зато все же лучше обеспеченной. Этот образ мышления и жизни получает свое олицетворение в идейной конструкции так называемого «государства благоденствия». С другой стороны, нельзя устранить естественное стремление отдельного человека нести ответственность за обеспечение своего будущего, будущего своей семьи и своей старости, сколько бы ни старались косвенными путями убить в человеке его совесть.

В последнее время я повсеместно прихожу в ужас от того, насколько в социальной области могуче упование на коллективную застрахованную обеспеченность. Однако, куда мы придем и сможем ли мы вообще идти путем прогресса, если мы все больше будем

устремляться к такой форме совместной жизни, когда никто не будет больше готов принять на себя ответственность и когда каждый только и будет думать о том, чтобы обеспечить свою судьбу лишь при помощи коллектива? Я достаточно резко отозвался об этом бегстве от ответственности, когда я сказал, что если эта болезнь будет распространяться и дальше, то мы скатимся к общественному порядку, при котором каждый будет запускать руку в карман соседа. Тогда все будет основано на принципе: я забочусь о других и другие заботятся обо мне.

Ослепление и принцип «спустя рукава», с которыми мы стремимся к снабженческому государству и к «государству благоденствия», может для нас обернуться только бедой. Эта склонность способна привести к отмиранию настоящих добродетелей, заложенных в человеке: готовности нести ответственность, любви к ближнему и человеку вообще, стремления испытать свои силы, готовности заботиться о себе и многих других. В конце подобного процесса мы пришли бы к обществу, которое, возможно, было бы не бесклассовым, но во всяком случае бездушно механизированным.

Особенно непонятным представляется этот процесс потому, что по мере того, как наше благосостояние растет, экономическая обеспеченность увеличивается и основы нашего народного хозяйства укрепляются, потребность и стремление обеспечить таким образом достигнутое от всех превратностей судьбы, начинает затмевать все остальные соображения. Здесь кроется поистине трагическая ошибка, так как люди очевидно не хотят признать, что хозяйственный прогресс и основанное на достижениях производительности благосостояние несовместимы с системой коллективной гарантированной обеспеченности.

Однако это стремление к гарантированной обеспеченности, которое естественно должно привести к усилению вмешательства государства, в то же время как бы подчеркивает противоречивость этой ложной политики. Если эти громкие требования свести раз к простой формуле, то мы увидели бы, что речь идет не о чем другом, как о понижении налогов при одновременном повышении требований к финансовому ведомству. Подумали ли вообще поборники таких положений, откуда государство возьмет силы и средства для удовлетворения таких требований, которые в отдельности, быть может, и справедливы?

Иллюзии лежат в основе стремления к всесторонней «застрахованности»

В конечном итоге подобный ход мыслей приводит к весьма антисоциальным выводам, а именно: если государство отказывается принимать меры, представляющие собой смертный грех по отношению к валютной политике, которые разрушили бы все, что им было воссоздано, то тогда у него имеется возможность укрепить и повысить покупательную способность народа – все равно, в форме ли субсидий, кредитов или вспомоществований, – лишь постольку, поскольку соответствующий эквивалент ценностей был предварительно изъят у населения в виде налогов. Я считаю, что политика, подобным образом раздобывающая для государства капитал с тем, чтобы оно могло затем раздавать этот капитал в частные руки, является морально крайне сомнительной и предосудительной.

Тому, кто не боится данную проблематику продумать строго до конца, придется признать всю иллюзорность этой потребности в обеспеченности. Народ не может потреблять больше, чем он создает ценностей; и отдельный человек не может добиться понастоящему гарантированной обеспеченности в большей степени, чем мы приобрели обеспеченности в общем результате наших усилий и достижений.

Эту основную правду не могут поколебать попытки затуманить положение путем применения различных методов коллективных перераспределения и раскладки.

Да, эти попытки раскладки должны быть очень дорого оплачены, хотя они и исходят из социального замысла, они как раз и сводят на нет стремление освободить отдельного человека от слишком значительного влияния государства и зависимости от него. Связанность с коллективом становится все сильнее. Индивидуум должен дорого оплатить обеспеченность, которая ему якобы дается государством или иным коллективом. Ищущий

такого рода защиту должен, таким образом, сперва за это «заплатить наличными» и притом вперед.

Ошибочно также мнение, будто путь к снабженческому государству начинается лишь там, где коллективное обеспечение полностью или частично оплачивается государством из налоговых поступлений.

Точно так же нельзя избежать этих опасных последствий, если ввести принудительное всеобщее страхование, а выплаты по нему покрывать из средств, собранных путем раскладки разных взносов.

Основанное на принуждении всенародное всеобщее страхование, – все равно, финансируется ли оно из единообразных взносов всего населения, или платежи разбиты по группам, – в принципе ничем не отличается от системы государственного всеобщего снабжения и обеспечения граждан. Эволюция в сторону снабженческого государства начинает проявляться уже тогда, когда государственное принуждение выходит за пределы оказания помощи или защиты только нуждающимся в ней, и когда этому принуждению начинают подчинять людей, которым оно, и вообще всякая зависимость. чужды, или по меньшей мере должны были бы быть чуждыми, в силу их хозяйственного и имущественного положения или их направленной на заработок деятельности.

Здесь с полным правом можно каждому поставить щекотливый вопрос: действительно ли вмешательство в человеческую жизнь со стороны государства, официальных инстанций и прочих больших коллективов, а равно и вытекающее из этого увеличение бюджетов и вызванное этим возрастающее обременение отдельного гражданина, имело ли все это когда-либо на деле последствием действительно повышение гарантированной обеспеченности человека, улучшение его жизни и уменьшение страха за свою жизнь? Если я ставлю этот вопрос категорическим образом, то я тут же хотел бы на него ответить отрицательно таким же категорическим образом. Обеспеченность отдельного человека – или по меньшей мере чувство обеспеченности – не повысилась, а скорее понизилась в связи с передачей ответственности за его судьбу государству или коллективу [20].

В конце концов мы приходим к социальному «подданному»

Оправданная потребность человека в большей обеспеченности может быть удовлетворена только тем, что наступает увеличение общего уровня благосостояния и тем самым у каждого отдельного человека зарождается или повышается чувство человеческого достоинства и, вместе с тем, уверенность, что он независим от превратностей судьбы. Представляющийся мне идеал покоится на том, чтобы человек мог сказать: «У меня достаточно сил, чтобы постоять за себя, я хочу сам нести риск в жизни, хочу быть ответственным за свою собственную судьбу. Ты, государство, заботься о том, чтобы я был в состоянии так поступать. Не так должно было бы звучать: „Ты, государство, приди мне на помощь, защищай меня и помогай мне“, но наоборот: „Ты, государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи“.

Растущая социализация использования дохода, распространяющаяся коллективизация в планировании образа жизни, далеко идущее обезличивание человека и растущая зависимость от государства и коллектива, – и неизбежно связанное с этим захирение свободного и работоспособного рынка капитала, – все эти явления по необходимости являются последствиями хождения по опасному пути к снабженческому государству; в конце такого пути человек превратился бы в «социального подданного», гарантирование материальной обеспеченности осуществлялось бы под опекой всемогущего государства, но и свободный экономический прогресс оказался бы парализованным.

Особенно чреваты последствиями тенденции к снабженческому государству, если они возникают как раз тогда, когда объективные, т. е. материальные предпосылки начинают все яснее говорить в пользу отказа от такого направления мысли. Если мы должны были бы считаться с возможностью того, что несмотря на прогрессирующую технику развитие

современного народного хозяйства может пойти вспять и условия жизни народа могут ухудшиться, то тогда еще можно было бы понять стремление к установлению всеобщего коллективного снабжения. Однако, все говорит за то, что условия жизни народов, придерживающихся принципа социального рыночного хозяйства, постоянно улучшаются. Поскольку же приходится считаться с систематическим повышением доходов и все более высоким уровнем жизни, представляется оправданным и с социальной точки зрения, чтобы на каждого отдельного человека была возложена индивидуальная ответственность за самого себя, и притом даже в более сильной мере, чем до сих пор. Это требование тем более оправдано еще и потому, что весь имевший место предыдущий опыт говорит о том, что «государство благоденствия» может означать все, что угодно, но только не «благоденствие»; это скорее очаг скудости.

Основательный анализ вопросов, мимо которых не может пройти дискуссия по вопросам социальной политики, не должен склонить меня к умолчанию о тех заботах, которые занимали нас в последнее время. Когда читатель прочтет эти страницы, социальная реформа вероятно уже найдет свое оформление в законодательном акте. Тем не менее я сомневаюсь, чтобы дискуссия о целесообразности социальной реформы на этом закончилась. Если бросить взгляд на те государства, которые за последние годы провели аналогичные опыты, то мы увидим, насколько такого рода реформы являются лишь исходным пунктом борьбы за осмысленный социальный порядок.

Моя критика пагубного стремления к снабженческому государству, конечно, не должна быть превратно истолкована как мой отказ от социального страхования, в том виде, как оно исторически выросло. Помоему, вполне даже возможно еще дальнейшее развитие социального страхования. Однако я считаю, что на ложном пути находятся люди, которые по соображениям профессии или призвания и исходя из занимаемого ими положения в народнохозяйственном процессе имеют право и обязанность стоять за свободу, – а они стремятся подчиниться коллективу или, лучше сказать, стремятся быть втянутыми в него.

Пределы социального страхования

При современной оценке социального страхования надо учесть, насколько за последние десятилетия изменились формы и принципы экономики и как за это же время изменилась общественно-политическая структура. «Пролетарий», который не мог или не хотел позаботиться об обеспечении своей старости и поэтому неизбежно должен был пользоваться защитой со стороны государства, в скором времени – при продолжении современной экономической политики – исчезнет. Условия жизни германского рабочего со времен Бисмарка стали несравнимо лучше и свободнее. Там, где человек и его семья, сознавая ответственность перед самим собой, в состоянии сами позаботиться о себе, – там принудительная защита со стороны государства должна прекратиться. Это относится, по меньшей мере, к служащим, получающим более высокие доходы и занимающим ответственные посты, – все равно, где, – в экономике или администрации. Кроме того, это было бы весьма сомнительным и для нашей общественной и политической жизни решением вопроса, если бы такие граждане были втянуты в принудительное страхование. Ведь благодаря их положению и занимаемым постам они могут существовать и на доходы от своего труда, полагаясь на собственные силы. До известной степени понятно, что война и валютная реформа со связанными с ними глубоко идущими перемещениями и перегруппировками среди различных слоев общества, вызвали стремление к коллективной обеспеченности.

Все эти мои высказывания говорят о желании ограничить объем коллективной обеспеченности, то есть о желании скорее сузить, чем расширить ее границы. Однако, чтобы все-таки избежать неправильного толкования, надо в связи с этим подчеркнуть, что я также считаю само собой разумеющимся долгом общественности заботиться об обеспечении людей на старости лет. Я имею ввиду тех старых людей, которые не по своей вине потеряли

свои сбережения в результате политики, приведшей к двум инфляциям. Тут не может быть социальных различий; надо старым рабочим и служащим помогать в той же степени, и таким же образом, как и представителям вольных профессий, работающим самостоятельно. Надо помогать одинаково местным жителям (Западной Германии) и беженцам. Но это – особая проблема, родившаяся из особенности нашей германской судьбы, и эта проблема не должна приводить нас к ложным выводам, а именно, будто принудительное страхование и коллективная обеспеченность являются именно тем, на что эти категории лиц как раз только и могут претендовать. Последствия инфляции, дважды пережитой одним поколением, не может, конечно, укрепить доверие людей к собственным нашим силам. Этот трагический опыт должен быть учтен; но он должен был бы, наоборот, послужить поводом к тщательной проверке и переоценке всех хозяйственных и финансовых мероприятий, чтобы мы снова не стали на роковой путь, ведущий к обесценению денег.

Во всяком случае серьезнейшие опасения уместны по отношению ко всем попыткам втянуть самостоятельных трудящихся в систему коллективной обеспеченности. Готовность к свободному и ответственному преодолению трудностей жизни является необходимой предпосылкой независимого существования в свободном экономическом и общественном строе. Самостоятельность в области рыночного хозяйства означает не что иное, как проявление людьми собственной инициативы и при наличии личной ответственности в самостоятельной деятельности, направленной на заработок и доход, в результате чего такие люди становятся носителями предпринимательской инициативы или же инициативы в области духовного творчества. Для самостоятельных открывается, с одной стороны, путь для использования возможностей, предоставляемых хозяйственным развитием; с другой стороны, последствием этого должна быть готовность людей нести, связанный с этим, хозяйственный риск.

В рамках рыночного хозяйства такое положение в хозяйственной жизни никоим образом не может быть гарантировано государством. Оно скорее должно быть результатом ежедневно проявляемых качеств и устремлений – хозяйственной производительности, готовности и мужества к дерзанию и, прежде всего, стремления к ответственному и индивидуальному оформлению собственного образа жизни. Отсюда вытекает прямо неизбежное требование, что от людей, занимающихся самостоятельной и независимой деятельностью в рамках нашего хозяйственного и общественного строя следует ожидать ответственной предусмотрительности в отношении любого социального жизненного риска.

Внутренне противоречивым было бы положение, и оно означало бы предоставление совершенно неоправданного преимущества, когда, с одной стороны, каждому гражданину в рамках свободного экономического строя предоставляется возможность заниматься самостоятельной деятельностью и поощряется стремление к самостоятельному и независимому существованию, а, с другой стороны, когда этот же гражданин освобождается, даже в государственно-принудительном порядке, от ответственности за построение и оформление собственного образа жизни [73].

Схематическое, по необходимости, принудительное снабжение всегда недоучитывает, что в случае самостоятельных производителей и свободных профессий дело всегда касается весьма разношерстных и внутренне дифференцированных групп. Следовательно, предусмотреть и обеспечить здесь удовлетворение всех индивидуальных нужд и потребностей не представляется возможным. При критическом анализе этого вопроса нельзя не коснуться также и другого вопроса: к чему бы это привело, если среди свободных профессий каждая группа в отдельности взялась бы за построение своей системы коллективного обеспечения и снабжения?

Отказ от анахронических решений

Не были ли мы в течение последних восьми лет свидетелями того, какие трагические последствия вызывает распыление усилий народного хозяйства? И особенно тогда, когда

каждый отдельный слой и класс, каждое сословие полагает, что можно вести свою собственную жизнь вне контакта с другими группами населения. Что было бы, если бы люди свободных профессий – пусть это будут врачи, адвокаты или хозяйственные ревизоры – придут к тому, чтобы создать организации, которые снабжали бы только их? Тогда эта обеспеченность в узких рамках станет сама по себе все более проблематичной. Этим путем будет поощряться замкнутая жизнь этих отдельных групп, вскармливаться пагубный эгоизм, – явления абсолютно анахронические, – раз в то время, когда мы, наконец, подходим к освобождению от протекционистского мышления и националистического эгоизма, чтобы прийти к более всеобъемлющим формам человеческой и общественно-экономической жизни. Не следует думать, что можно, с одной стороны, добиться обеспеченности путем создания узких групповых перегородок в рамках коллектива, а с другой стороны, уничтожить одновременно все стеснительные ограничения и устремиться на широкие просторы.

И с других точек зрения возникают сомнения по поводу подобных заблуждений. Например, попытка перенести принципы социального страхования, применяемые в существующих двух крупных секторах страхования – страхование рабочих и страхование служащих, – в область социального обеспечения по старости, отдельно по отдельным профессиональным группам, потерпит неминуемо неудачу. Такая попытка еще могла бы обсуждаться и претворяться в жизнь, если на протяжении ближайших десятилетий можно было бы считать исключениями крупные изменения в структуре общества. Правда, в отношении большого числа не самостоятельных трудящихся можно без большого риска предвидеть постоянство развития, но что касается некоторых определенных средних слоев населения, например, ремесленников или лиц, занятых в розничной торговле, то никто не может предвидеть и с уверенностью сказать, каким путем пойдет развитие в каждом из этих секторов в отдельности.

Здесь должна быть учтена по меньшей мере возможность больших структурных изменений. Чем численно меньше круг лиц, желающих применить для своей группы новые принципы для крупнейших видов социального страхования, тем менее устойчивым будет здание, построенное на этих принципах.

Естественно, подобные соображения не могут не считаться со столь широко обсуждаемой реформой пенсий, – независимо от того, о каком методе начисления пенсий идет речь. Главное в том, чтобы пенсии изменялись в общем и целом автоматически в связи с изменениями в показателях народного хозяйства. Основанием этой «подвижной» шкалы пенсий служит присущая рыночному хозяйству идея о постоянном росте производительности; названная шкала пенсий исходит из проверенного опыта, что рост производительности сказывается меньше в понижении цен, но, главным образом, в повышении номинальной заработной платы. Такие пенсии, исчисленные на основании ставок заработной платы, в свою очередь зависящих от уровня производительности, не опасны с точки зрения конъюнктурной и валютной политики лишь до тех пор, пока сами эти изменения в оплате труда не приводят к перебоям валютного или конъюнктурного характера. Если этого приходится все же опасаться, тогда этот способ исчисления пенсий с неизбежностью приведет к усилению опасностей для устойчивости валюты. Здесь не исключена возможность сочетания разного рода влияния и воздействия, о последствиях чего речь еще впереди.

Хорошая социальная политика нуждается в валютной устойчивости

С точки зрения политики следует, прежде всего, выяснить, не приведет ли слишком сильная связь пенсий с заработной платой к ослаблению сопротивления требованиям профсоюзов, часто весьма чрезмерным, которые предъявляются ими во время переговоров о ставках заработной платы. Этот ход мыслей основан на столь же опасной, как и ошибочной установке, будто социальная политика не должна интересоваться устойчивостью валюты.

Мне представляется во всех отношениях невозможным и даже преступно

легкомысленным исходить при нововведениях, каким является, например, пенсионная реформа, из соображений о преступно вызванных катастрофах, какой была последняя инфляция. Было бы невероятным заблуждением, если бы народ или государство поверили в возможность проведения инфляционной политики, в то же время веря в возможность предотвращения ее последствий. Это было бы равносильно попытке поднять самого себя за волосы. Наоборот, следует сосредоточить все силы на том, чтобы избежать инфляции. Нужно заклеить всякое потворство инфляционной политике перед лицом всей общественности и этим воспрепятствовать всякой такой попытке.

Инфляция не обрушивается на нас как проклятие или трагически роковое событие. Она всегда вызывается легкомысленной или даже преступной политикой. Всякое новое урегулирование положения о пенсиях для стариков, заранее принимающее в расчет неизбежность роста цен или понижение покупательной способности населения, не может привести к благоприятным или хотя бы даже только сносным результатам. Такое урегулирование скорее способно преумножить беду. Все более и более многочисленными будут группы нашего народа, которые захотят избежать личной ответственности и попытаются добиться и для самих себя якобы абсолютного, и все же столь иллюзорного обеспечения, как бы «застрахованности» от всех превратностей судьбы.

Перенесение в область вопроса о пенсиях принципов политики заработной платы (так называемой «активной» политики заработной платы), которая имела бы своим последствием постоянное повышение цен, должно было бы в очень короткий срок уменьшить общий интерес к устойчивости валюты, но и вызвать затем к жизни пагубнейшее развитие. Всеобщая заинтересованность в сохранении реальной покупательной силы наших денег как раз и является одной из главных сил, противодействующих инфляционной политике. Кроме того, необходимо спросить самих себя, каким образом можно рассчитывать на образование крупного капитала путем накопления сбережений, если социальное законодательство явно делает ставку на постоянно растущие цены? И если к тому еще вера народа в устойчивость валюты начнет колебаться, а стремление к наиболее полной «обеспеченности» и «застрахованности» потребует таких высоких взносов социального обеспечения, что для индивидуального накопления сбережений останется – фактически и психологически – очень мало места?

Когда шла дискуссия об исчисляемой по индексу пенсии, то есть об одном из типов пенсии с подвижной шкалой, то я указывал, что было бы неправильно выступать вообще против такого рода пенсий. О том, что известная зависимость пенсий от состояния экономики должна иметь место, говорит то обстоятельство, что наше представление о прожиточном минимуме, иначе говоря об уровне достойного существования, с годами подвергается постоянным изменениям. Недостаточно исчислять и начислять пенсии лишь на основании внесенных взносов и пользуясь классическими формулами; такие пенсии, по достижении человеком пенсионного возраста, оказывались бы недостаточными для жизни, да и несправедливыми. Иными словами, пенсии должны быть динамичными, а не неподвижными, но было бы ошибкой установить тесную связь пенсионных ставок с изменениями в заработной плате, могущими достигнуть размеров, уже несочетаемых с устойчивостью валюты.

Но на более продуманной основе исчисления пенсий имеется возможность подвижного приспособления их к меняющимся условиям жизни. Такая практика могла бы иметь место тогда, например, когда вместо ставок заработной платы мы взяли бы за основу исчисления коэффициент текущего роста производительности. Этим было бы обеспечено, что и пенсионеры получали бы свою долю из повышенной производительности народного хозяйства, то есть участвовали бы в действительном прогрессе страны.

Эта формула могла бы звучать следующим образом: в той мере, в какой национальная продукция, выраженная в текущих ценах, разделенная на число трудящихся или число жителей, показывает повышение производительности, в такой мере, или пропорции, повышаются и пенсии. Получатель пенсии соучаствовал бы тогда в результатах повышения

производительности; но он был бы заинтересован и в собственной активности в период своей активной трудовой жизни; он постоянно будет заинтересован в качественном повышении народного хозяйства. Такой рабочий или служащий (или пенсионер) не будет считать, что накопление сбережений является чем-то лишним. Он будет сознавать, что капиталовложения, которые финансируются, в частности, путем использования сбережений, служат улучшению его положения и положения его семьи.

Каждый трудящийся, как и каждый пенсионер будет тогда представлять собой некий центр сопротивления любой попытке вызвать инфляцию. Иначе говоря, он будет выступать против безответственных действий других в области ценообразования.

В заключение можно сказать: социальная обеспеченность, конечно, есть благо, и она в высшей степени желательна, но она должна быть основана, прежде всего, на собственной энергии каждого, на собственных достижениях, на собственных устремлениях каждого в отдельности. Социальное обеспечение не означает социальное страхование для всех; оно не означает перенесения индивидуальной ответственности человека на коллектив. Вначале должна быть собственная личная ответственность, и только тогда, когда одной этой ответственности оказывается мало или она безрезультатна, вступают в силу обязательства государства или общества в отношении человека.

В социальной жизни нашего народа было бы многое лучше, если бы мы стремились выявить побольше социального сознания и образа действий, чем чрезмерно много социальной коллективной воли. Однако одно не может жить рядом с другим, поэтому в конце концов ставится вопрос: должны ли мы, объединенные в стремлении и в обязанности предохранить немецкого человека от нужды, пойти путем коллективизма (что, в свою очередь, неизбежно привело бы к удушению лучших человеческих добродетелей) или же, наоборот, – стремлением к большему благосостоянию, и используя для этого все лучшие шансы для приобретения личного имущества, – вынести смертный приговор духу коллективизма? Я думаю, что мое мнение высказано ясно и недвусмысленно; я надеюсь, что мои призывы не останутся гласом вопиющего в пустыне.

Глава XIII. Экономика вооружения и рыночное хозяйство

Вооружение должно проводиться таким образом, чтобы оно не вредило системе свободного социального хозяйства. Я стою на этой точке зрения уже с того времени, когда впервые возник вопрос о вооружении Западной Германии. Я часто высказывался в пользу такого подхода к вопросу, но при этом мной руководили не какие-либо догматические соображения, а забота об обеспечении нашего социального бытия. В конце концов смысл всякого участия в общей обороне заключается не только в том, чтобы сохранить свободный общественный строй Запада, но и в том, чтобы укрепить его. Нельзя допустить, чтобы в результате участия в общей обороне Запада оказались подорванными основы свободного строя.

Утверждение о совместимости экономических последствий вооружения с рыночным хозяйством отнюдь не является чисто теоретическим; оно приводит нас к весьма конкретным и вполне близким реальной жизни заключениям.

Мировой общественности следует напомнить о том, насколько в прошлом при вооружении Германии игнорировались принципы финансового равновесия и экономической целесообразности, что положило начало подрыву валюты. Горький опыт, дважды повторенный, еще не изгладился из памяти всех трудящихся Германии. Всем им пришлось испытать на собственной шкуре последствия безответственной политики. Последнюю инфляцию в значительной степени надо отнести за счет войны, но корни ее следует искать уже в методах довоенного финансирования вооружения.

Нельзя допустить, чтобы население в третий раз испытало зло такого опыта. Мы должны противостоять всем соблазнам покрыть стоимость вооружений за счет понижения ценности наших денег. Уже малейшее отклонение от пути добродетели может вызвать

катастрофические последствия у немецкого народа, обладающего столь богатым инфляционным опытом. Следует непременно оставаться честным и финансировать вооружение только путем перемещения покупательной способности, иначе говоря, при помощи налогов, но никоим образом не злоупотреблять возможностями эмиссионного банка. Надо сказать твердое «нет» всем манипуляциям этого рода, как бы искусно они ни были закамуфлированы и какую бы внешнюю форму они ни принимали.

Устойчивость валюты – вне опасности

Этот отказ от сомнительных средств финансирования должен быть тем более решительным, что предвидимые расходы не превысят пределов того, что в состоянии будет дать наше экспансивное народное хозяйство, – и это несмотря на все несомненные хозяйственные тяготы, вызываемые каждым и любым вкладом в дело обороны. На протяжении ряда лет наша экономика вынуждена была справляться с платежами в пользу оккупационных войск в размере 7 миллиардов марок в год, однако наша валюта оставалась вне угрозы, не появлялись и какие-либо другие заботы подобного рода. Что касается общих расходов на оборону, то они определены примерно в 9 миллиардов марок в год. Вопреки всем уже давно выдвигаемым критическим замечаниям, никто не может утверждать, что указанная сумма была превзойдена. Расходы на оборону превысили расходы на содержание оккупационных войск всего на 2 миллиарда марок; это превышение покрывается из ежегодного прироста национальной продукции, за последние годы выражавшегося в размере 10-12 миллиардов марок (1950 год – 97,2 млрд. марок, 1953 год – 143,8 млрд. марок, 1954 год – 153,9 млрд. марок, 1955 год – 175,6 млрд. марок, 1956 год – 192,5 млрд. марок).

Не следует преуменьшать значение упомянутого превышения расходов на оборону в 2 миллиарда марок, но нужно признать, что в сравнении с приростом национальной продукции оно не представляет никакой опасности для стабильности нашего хозяйства. Как в предыдущие годы, мы вносили оккупационные взносы, не нарушая или не прерывая этим дело нашего хозяйственного восстановления, так и теперь заменившие их расходы на оборону не могут вызвать подобных последствий [42].

Названная сумма в 10 миллиардов марок не должна внушать опасений до тех пор, пока последовательно проводится в жизнь политика рыночного хозяйства, направленная на внутреннюю стабильность рынка. Следованию принципам этой политики мы обязаны тем, что с 1949 года национальная продукция увеличилась приблизительно на 100 млрд. марок.

Следуя этому пути, ГФР всегда будет в состоянии удовлетворить требования бюджета обороны, не отказываясь при этом от повышения жизненного стандарта населения и от увеличения и расширения объема социального обеспечения. Растущая сила нашей экономики создает для этого наилучшие предпосылки.

До сих пор мы рассматривали связь между рыночным хозяйством и экономикой вооружения преимущественно в аспекте хозяйственно-финансовом. Но аналогичное положение имеет силу для экономики вооружения и в аспекте производственном; иными словами, и в этой области должны найти применение правила игры сил рыночного хозяйства. Следует избегать, где только возможно, всякого стеснения функции свободного рынка или соответственно применять принципы, определяющие эту функцию. Поэтому я всегда отстаивал применение метода снабжения путем закупок с публичных торгов или сдачи подрядов с торгов. При таком способе обеспечено, что каждый заинтересованный может сделать предложение и что будет соблюден принцип свободной конкуренции, ибо предпочтение оказывается тому, кто способен поставить на наиболее выгодных условиях наиболее доброкачественный товар, – что не означает, однако, что предпочтение будет всегда оказано только наиболее дешевому товару.

Такой метод может найти применение – с возможными вариантами в отдельных случаях – при снабжении оборудованием, обычно или постоянно имеющемся на рынке. В отношении же специальной продукции в области вооружения ценообразование подобного

рода неосуществимо. Но во всяком случае, применением способа отдачи поставок и подрядов с публичных торгов устанавливается важнейший принцип того, какими путями государство должно снабжаться в условиях рыночного хозяйства. Поэтому мне хочется решительным образом высказаться против попыток свалить ответственность за встречающиеся недостатки в поставках на этот метод рыночного хозяйства.

Недостатки эти являются результатом не применения метода соревнования на торгах, а проведения его закостенелыми, бюрократическими способами. Не последнюю роль играют и недостатки находящегося еще в стадии организации аппарата отдачи и приема поставок. Например, предлагаемая цена, согласно соответствующим предписаниям, не может быть единственным решающим фактором при отдаче поставки или подряда; должны быть приняты в соображение, и серьезным образом, и другие обстоятельства, как, например, специализация данного предприятия на фабрикации определенного товара. Качественные показатели должны быть точно оговорены, причем проверка качества изделий может проводиться при сдаче.

Было бы разумным товары, требуемые в малых количествах и имеющиеся в торговой сети, приобретать здесь же, а не прибегать к конкурсу. Не следует слишком формально применять какой-либо принцип. Этим самым мы практически могли бы придти к саботажу принципа, который сам по себе и не плох. Каждый конкурс подразумевает, конечно, наличие значительного числа предлагающих товары. Оно теряет там свой смысл, где нет «рынка», – например, когда дело касается тяжелого оборудования, каким являются танки. Однако и в таких случаях выбор предприятия должен по меньшей мере исходить из принципов рыночного хозяйства. При помощи имеющихся средств надо всегда добиваться наилучшего и наибольшего результата. Исходя из признания этого общего экономического принципа, следует, прежде всего, решить вопрос, целесообразно и оправдано ли, с этой точки зрения, военнопромышленное производство в Германии и если да, то в какой мере.

Европейский клиринг экономики вооружения.

Создание местной германской военной промышленности вызывает сильные сомнения с точки зрения экономии (вопрос фабрикации большими сериями) и ввиду необходимости огромных капиталовложений. Инвестированное здесь уже не может быть больше инвестировано в других секторах народного хозяйства. Это несколько примитивное понимание вещей, но оно очень веско в стране, где рынок капиталов находится еще в стадии воссоздания.

Тяжелое вооружение, изготовление которого в Западной Германии и только для нужд ГФР потребовало бы создания новых мощных производственных установок, представляет поэтому собой, вполне естественно, объект возможного европейского сотрудничества.

Я вел от имени ГФР переговоры об учреждении «Постоянной комиссии вооружений». Я надеюсь, что основная идея этого начинания – организация чего-то вроде расчетной палаты для европейского сотрудничества в области вооружений – получит в скором времени свое осуществление. Было бы желательно, чтобы все государства Европы отказались от стремлений к автаркии в области военного хозяйства.

К сожалению, первые попытки придти к настоящему сотрудничеству еще не дали конкретных результатов. Тут играет роль различное понимание вопроса: одни государства могут быть озабочены тем, что Западная Германия производит слишком много вооружения, другие же, наоборот, могут придерживаться точки зрения, что нами производится очень мало оружия. Эти различия в подходе к вопросу о вооружении и явились, возможно, одной из причин того, что планы совместного производства оружия еще не приняли определенной формы.

После того, как были преодолены некоторые препятствия и выяснены материальные потребности германских вооруженных сил, следует с настойчивостью повторно обратиться к другим западноевропейским государствам с приглашением придти к систематическому

разделению труда в указанной области. Еще имеется время, чтобы воспрепятствовать развитию в неправильном направлении – не пойти путем расточительства сил. Если начнут стремиться к своему осуществлению хотя бы даже только зачатки собственной, то есть национальной, военной промышленности, в частности для выпуска тяжелого вооружения, то уже нелегко будет изгнать дух (вернее, злой дух) автаркии. Такие начинания, как организация военной промышленности, приобретают свой самостоятельный вес, и, соответственно этому, все труднее стало бы вносить изменения.

Желание отдать преимущество общеевропейскому производству оружия перед национальной автаркией в этой области вытекает также из ряда других экономических соображений, не говоря уже о политических и военных преимуществах. Прежде всего, стало бы возможным осуществить более рациональное производство, выпускающее продукцию значительно более крупными сериями. Все преимущества массовой и серийной продукции сказались бы на ее себестоимости. Отказ от производства у себя дома и вытекающая из этого необходимость получать тяжелое вооружение из-за границы оказались бы к тому же прекрасным средством для сокращения наших избытков в торговом и платежном балансе. И в этом отношении сектор вооружений следовало бы также расценивать лишь как составную часть наших общехозяйственных сношений с другими странами.

Вместо разговоров нужны действия

До сего времени мы были свидетелями лишь весьма незначительного совместного военного производства, организованного на европейской основе. Что касается вопроса о выпуске однотипных видов оружия, то разрешение его еще не вышло из зачаточного состояния. Такое неудовлетворительное состояние ни в коем случае не следует, однако, считать неизменным. Подобная фаталистическая точка зрения была бы равнозначна признанию идеи европейского объединения мифом. Я придерживаюсь взгляда, что именно на этом поприще дана прекрасная возможность придти к скорому осуществлению плодотворных сношений и связей и притом без того, чтобы годами разрабатывать на специальных конференциях сложные договорные соглашения. Организационно-технические рамки, как было упомянуто, для этого уже существуют.

Это признание необходимости европейского сотрудничества ни в коем случае не означает, однако, что в самой Германии распределение заданий по исследованию и разработке некоторых вопросов не будет иметь места. Исследования и разработка различного рода вопросов имеют, помимо своего специфического значения для экономики вооружения, незаменимую ценность для всего народного хозяйства. Поскольку эти работы поручаются частным предприятиям, необходимо распределять их таким образом, чтобы не давать повода к возникновению каких бы то ни было притязаний на получение в будущем соответствующих заказов; еще больше надо следить за тем, чтобы из этого не возникли притязания на ту или иную монополию в производстве. Такие тенденции противоречили бы вышеизложенным соображениям, а также желанию иметь руки не связанными для сотрудничества в более крупном европейском масштабе. Последовательное применение принципов рыночного хозяйства при осуществлении задач вооружения позволит принимать правильные решения также и по возникающим специальным вопросам, число которых исчисляется сотнями. Возьмем только один из многих примеров. Вхождение Западной Германии в организацию НАТО требует создания известных запасов, причем это требование касается, прежде всего, стратегически важных продуктов. Если эти запасы накапливать силами одного государства и путем создания гигантских складов, то такие мероприятия едва ли можно было бы совместить с принципами рыночного хозяйства, покоящегося на частной инициативе. Применение непосредственного принуждения, чтобы добиться накопления запасов, также противоречило бы свободному хозяйственному строю. Поэтому следовало бы заинтересовать народное хозяйство, например, путем налоговых льгот, чтобы достигнуть децентрализованного сосредоточения запасов, столь желательного с точки зрения обороны.

Принцип, согласно которому государству не следует создавать своих собственных предприятий там, где частный предприниматель справляется с задачей, запрещает также создавать государственное предприятие в секторе производства военных материалов. Такое решение вопроса, время от времени снова всплывающее на поверхность, должно быть отвергнуто категорическим образом.

Соображения конъюнктурного порядка – непригодный импульс

Желание как можно безболезненней ввести сектор вооружений в общие рамки экономики ведет и к административно-техническим последствиям. Поэтому я предложил уже заблаговременно образовать так называемый «Комитет шести», в котором министерство народного хозяйства и министерство обороны могли бы свободно обсуждать вопросы, касающиеся обоих министерств. Данный Комитет провел, и в этом согласен со мной мой коллега Штраус, большую работу при решении всех хозяйственных вопросов, связанных с обороной.

При рассмотрении всех этих задач и пожеланий германский народ никогда не должен забывать, что в своих решениях ГФР не исходила из стремления связать вооружение с соображениями конъюнктурного порядка. Мы свободны от подобных ошибок. Лично я, исходя из чисто экономических соображений, охотно отказался бы от такого рода сомнительных импульсов. Дело в том, что вооружение представляется нам роковым образом необходимым не в силу экономических причин, а исключительно на основании весьма веских политических соображений.

Отрицание экономического интереса в области вооружений дает министру народного хозяйства право и возможность поднять свой голос, если когда-либо военно-промышленный сектор или, вернее, применяемые в нем методы стали бы угрожать разрушением нашему свободному и социальному хозяйственному строю. Мы еще находимся под впечатлением того, что вооружение влечет за собой экономические и социальные потрясения. Нельзя, однако, из этого делать вывод, что это – причинная зависимость между экономикой и вооружением. Наш прошлый опыт говорит только о том, что мы шли неверными путями. Но имеются также правильные, упорядоченные и безопасные пути, и в будущем мы будем идти именно этими путями.

Наши усилия по организации обороны укрепляют сознание взаимной сопринадлежности стран свободного мира, и это опять-таки дает уверенность в возможности сохранить мир на земле.

Глава XIV. Против политики письменного стола

«В какую часть света снова забрался министр хозяйства?» – такой вопрос ставили, вероятно, довольно часто за последние годы, когда я считал полезным покинуть письменный стол в министерстве в Бонне, дабы не впасть в соблазн считать Бонн центром вселенной. Часто служил поводом к недоразумениям и к критическим замечаниям тот факт, что я постоянно испытывал потребность встречаться с политическими и экономическими деятелями как в Германии, так и за границей, чтобы в личных разговорах и докладах уточнить принципы германской экономической политики и приобрести сторонников нашей системы. Однако я расцениваю мою деятельность вне Бонна как значительную и необходимую часть моей работы, и мне кажется, что моя точка зрения оправдана теми положительными отзывами, которые мне приходилось слышать. В другой части настоящей книги я указывал, сколь необходимо учитывать мнение всех лиц, участвующих в экономической жизни и порой влиять на это мнение. В этом свете моя установка становится еще более понятной.

Из этого рождается желание иметь как можно больше контактов в самой Германии – со всеми людьми, участвующими в экономическом процессе – с предпринимателями и;

рабочими, со служащими и потребителями. Развитию таких; прямых контактов послужили десятки, вернее, сотни речей, которые я произнес за время прошедшее с марта 1948 года, когда я был избран директором Хозяйственного управления.

Были периоды, когда я особенно стремился к тому, чтобы выяснить текущую экономическую и политическую ситуацию; иногда я посвящал многие месяцы тому, чтобы добиться правильного понимания населением экономического положения и целей экономической политики. Я имею здесь в виду особенно то трудное время после валютной и хозяйственной реформы, когда успех дела зависел от того, возможна ли добиться от людей трезвой оценки экономических факторов. Таким же трудным был период после возникновения корейского конфликта: тогда нужно было информировать всех деятелей рынка – производителей, торговцев и потребителей – о действительном положении дел в области экономики, чтобы избежать порочных установок. Наконец, нужно упомянуть в качестве третьего характерного периода такого рода, время благоприятной конъюнктуры недавних лет. В этот период, пожалуй, было и остается еще более необходимым ясно показать всем гражданам, что наша дальнейшая экономическая судьба – в хорошем или дурном смысле – непосредственно зависит от того, насколько все участвующие в экономическом процессе способны или неспособны уразуметь истинное положение вещей.

Из благоприятной конъюнктуры рождается опасность переоценки экономических возможностей. В борьбе с этой опасностью необходимо было постоянно и повторно призывать к умеренности. И сегодня еще представляется совершенно необходимым объяснять каждому гражданину, что устойчивость валюты непосредственно зависит от его собственного поведения; это необходимо для того, чтобы воспрепятствовать повышению цен, вызываемого слишком завышенными ставками зарплаты или же для того, чтобы противодействовать использованию благоприятной конъюнктуры для произвольного назначения цен. Без этого почти непрерывного контакта, настойчиво мной осуществляемого, было бы невозможно разъяснить широким слоям населения идейные принципы социального рыночного хозяйства.

В основе этой деятельности лежит сознание того, что в современном государстве создание общественного мнения играет весьма значительную роль. Но моя деятельность отнюдь не ограничивалась одной Германией. В моих многочисленных заграничных поездках я не только завязывал деловые и личные контакты; и там я стремился непосредственно обратиться к тем людям, которые были заинтересованы нашей экономической политикой и теми успехами, которых добилась Германская Федеративная Республика.

Новый стиль торговой политики

Значение экономической политики во взаимоотношениях и между государствами и между народами претерпело принципиальное изменение. Это также отразилось в моем стремлении развивать непосредственные связи с другими государствами. Это перемещение центра тяжести находит свое выражение и в новом значении, которое получила торговая политика. Я считаю, что установка, согласно которой торговая политика является служанкой внешней политики или даже инструментом государственной политики силы, – относится к тому прошлому, которое мы, нужно надеяться, уже преодолели. К сожалению нужно признать, что некоторые до сих пор не поняли до конца принципов свободной экономической политики и потому по сей день понимают под торговой политикой комплекс тех мероприятий, которые находят свое выражение в двусторонних договорах от страны к стране, от товара к товару, от случая к случаю. Эта политика кажется мне просто недостойной – своей произвольностью и беспорядочностью она не помогает, а мешает упорядочению мирных экономических сношений между всеми народами и странами свободного мира. Установление дружественных двусторонних отношений между народами – важная и ценная задача, и призвание внешней политики в том, чтобы создавать и укреплять такую дружбу; но было бы принципиальным недоразумением считать, что в экономической

области двусторонние договоры являются пригодным средством для построения и укрепления дружбы между народами.

В области экономики этот метод с необходимостью предполагает дискриминацию других стран – хотя защитники такого метода, конечно, этого совсем и не желают. Этот метод вызывает неуверенность и подозрительность и при всех условиях снижает возможную пользу, которая возникает из операций обмена между государствами. Оправданием этого метода не может служить и то, что в связи с нарушением свободного экономического порядка после последней мировой войны и до сего времени во всем мире к нему прибегали. В лучшем случае этот метод можно признать в качестве крайнего средства в тяжелые переходные периоды или же при условии особой хозяйственной структуры стран – участниц обмена, – как это было в продолжении долгого времени в странах Южной Америки. Этот принцип торговой политики окутал весь мир сетью двусторонних торговых сношений – особенно после мирового экономического кризиса 1929 года. Но такая политика вела ко все большему дроблению мира на враждебные лагеря, в ней ощущался недостаток общей для всех политико-экономической платформы и она вела к изоляции народных хозяйств. Теория и практика экономической политики, нашедшей применение после Второй мировой войны, и которую я защищал, мне хотелось бы сказать, с большой страстностью, отличаются, в противовес этому, стремлением к созданию всеобъемлющего свободного мирового рынка; эта политика ставит себе задачей установление многосторонних связей и отказывается от дискриминации, она стремится к преодолению протекционистской и националистической узости и к устранению любых фальсификаций подлинно свободной конкуренции.

Если так понимать задачу и цель экономической политики, то для самодовлеющей торговой политики остается столь же мало места, как и для такой торговой политики, которая считается лишь подсобным средством внешней политики. До тех пор, пока торговая политика не перестанет быть оружием в руках иностранной политики, ею с неизбежностью злоупотребляют. Пока имелась возможность проводить двустороннюю торговую политику согласно принципу «кнута и пряника», – до тех пор эта торговая политика с неизбежностью должна была вести к образованию противоположных фронтов и к враждебным обострениям. Эта отрасль хозяйственной политики при таких условиях не служила ни сближению народов, ни преодолению границ, ни ликвидации всего, что разделяет народы. Но в способности ко всему этому заключаются как раз все преимущества и вся привлекательность политики рыночного хозяйства.

Преодолеть проклятое наследие прошлого

Исходя из такой установки, я стремился к тому, чтобы повсюду, где я усматривал хоть какую-нибудь возможность успеха, способствовать отказу националистических государств от примитивной торговой политики, меняющейся в зависимости от их отношения к той или иной стране. Чем меньше проявляется тенденция к использованию обмена товарами или иными экономическими услугами между государствами в качестве инструмента государственной политики, тем меньше и опасность отравления международной атмосферы. Только такая установка может освободить внешнеторговую политику от лежащего на ней проклятия прошлого. При таких условиях на первый план выступают трезвые коммерческие соображения и может развиваться честное соревнование между отдельными народными хозяйствами. Осуществление этого требования ведет к тому, что отдельные государства договорным путем отказываются от права одностороннего посягательства на свободный и всеобщий мировой экономический порядок.

Особенно Германская Федеративная Республика должна была бы чувствовать себя обязанной предпочесть такую установку чисто политическим соображениям. Помимо принципиальных соображений, в пользу такой установки можно выдвинуть и политический аргумент – германская экономика в сильной степени зависит от импортных и экспортных операций. Достаточно вспомнить, что за последние годы в валовой национальной продукции

доля оборота внешней торговли не переставала расти. Из года в год растет количество ценностей, – то есть произведенных в Федеративной Республике товаров или оказываемых услуг, – отправляемых за границу в обмен на соответствующие ценности, производимые народным хозяйством других стран. Как внешней торговле, так и, в особенности, принципу социального рыночного хозяйства, без применения которого рост внешней торговли был бы немислим, принадлежит все растущее значение.

Такое положение вещей уже больше не могут оставлять без внимания даже те, кто еще сегодня думает, что торговую политику следует проводить, не исходя из нужд экономики или экономической политики, а ради других целей и надобностей. Было бы прямо уродливой идеей – лишить нашу, столь очевидно успешную, экономическую политику ее целостности и законченности путем отделения от нее торговой политики. Мы и без того страдаем от дробления политико-экономических компетенции.

Г	Н
од	а
	л
	с
	в
	а
	я
	я
	н
	а
	ц
	и
	с
	н
	а
	л
	в
	н
	а
	я
	я
	г
	р
	с
	д
	у
	к
	ц
	и
	я
19	1
48	0
	0
19	1
50	0
	0
19	1

52	0
	0
19	1
54	0
	0
19	1
55	0
	0
19	1
56	0
1-	0
е	
по	
лу	
го	
д	
ие	

Показанное выше развитие той части валовой национальной продукции, которую составляет оборот внешней торговли, наглядно подчеркивает то, что нами было по этому вопросу сказано.

Но читатель ошибется, если выскажет предположение, что приведенные здесь принципы повсеместно принимаются без спора или возражения. И в Германии в самом недавнем прошлом имели место бурные дискуссии по вопросу проведения этих принципов в жизнь. Потребовалось приложить всю мою энергию, чтобы воспрепятствовать передаче торговой политики во всем ее объеме воздействию тех, кто осуществляет внешнюю политику. Здесь необходимо еще провести большую разъяснительную работу. Этот решающий вопрос поставлен не только в Германии. Необычайно важно, чтобы все те, кто исповедует идею, охватывающей весь мир, а потому свободной экономической политики, не щадили труда для того, чтобы во всех государствах западного мира эти мысли стали воплощаться в действиях и поступках.

Непосредственный обмен мнениями между ответственными деятелями в политико-экономической области может особенно способствовать этому. Например, я стою на той точке зрения, что переговоры о создании «общего рынка», представляющего собой необычайно важную хозяйственно-политическую проблему, относятся к непосредственной компетенции специалистов, то есть к компетенции министров хозяйства. Помимо отдельных конкретных поводов для моих поездок за границу, последние были в большинстве случаев запланированы и проведены, исходя из этой принципиальной установки.

Интерес заграницы

Не может быть сомнения, что частые и многосторонние контакты с руководящими политическими деятелями и руководителями экономики иностранных государств привели к тому, что общественное мнение за границей проявило растущее понимание в деле хозяйственного развития Германии. В этом, быть может, важнейший результат этих контактов. Но и сегодня приходится слышать голоса тех, кто не решается признать, что экономическая выгода одного государства в конечном счете полезна и всем соседям этого государства. К счастью, мы все же можем отметить, что дилетантские споры на эту тему становятся все реже, и что с другой стороны число тех, кто с полным пониманием следит за экономическим прогрессом Западной Германии и нередко даже восхищается им, несомненно

выросло. В рамки настоящей книги не уложились бы попытки дать общую сводку тех очень многочисленных отзывов иностранной печати, в которых была затронута данная тема. Тем не менее, я постараюсь показать на примере некоторых таких отзывов, что идеи, которые я защищаю, встречают все больший отклик за границей. При этом я сознательно выбираю отзывы, которые относятся лишь к двум кратким отрезкам времени.

Газета «Экономист» от 4 августа 1956 года ставит вопрос: «Как добилась Германия повышения экспорта?»

«... Опубликованное в „Борд оф трейд джорнэл“ сообщение о немецком соревновании дает некоторые ответы на это.

Старое утверждение, согласно которому немецкая промышленность все еще пользуется особыми преимуществами, больше не выдвигается. Действительно, сырье и топливо в Великобритании дешевле, чем в Германии. Налоги на предприятия в Германии почти так же высоки, как в Великобритании, а местные налоги в Германии – выше. В Германии обратное возмещение экспортерам уплаченных налогов прекращено с конца прошлого года. У британских экспортеров – более крупные источники кредита, они платят за это меньше и могут так же легко получить кредит, как и их немецкие конкуренты...»

Бурного развития германской экономики касалась также газета «Таймс» (27 июля 1956 года).

«Судя по имеющимся материалам, – пишет газета „Таймс“, – можно предположить, что продукция за последние годы возросла в Германии сильнее, чем в Великобритании.

Причина такого более сильного роста продукции может заключаться в том, что размер капиталовложений в промышленность в Германии выше. Разработанная Организацией европейского экономического сотрудничества статистика показывает, что с 1950 года по 1954 год в Великобритании для капиталовложений было использовано в среднем 14% продукции, в то время как в Германии – 21%».

От Лондона до Нью-Йорка...

Журнал «Бэнкерс мэгезин» от 1 августа 1956 года подробно разбирает положение Европейского платежного союза в статье, озаглавленной «Центр валютной проблемы», и касался предложений германского министра хозяйства, направленных на преодоление недостаточного равновесия в рамках этого союза. Статья заканчивалась словами:

«... обезопасить себя вполне от нападения со стороны Советского Союза можно только в том случае, если Запад сделает себя экономически неуязвимым путем создания общего мирового рынка, могущего функционировать беспрепятственно, как до 1914 года. При таком положении вещей каждое государство несло бы само ответственность за свою экономику. Д-р Эрхард стремится только к тому, чтобы эти вопросы были поставлены на обсуждение в Организации европейского экономического сотрудничества и в Международном валютном фонде».

«Экономист» от 30 июня 1956 года касался хозяйственно-политических мероприятий по направлению в то или иное русло благоприятной конъюнктуры:

«Довольно редко случается, что государство, которое играет в торговле крупную роль, заявляет о своей готовности снизить таможенные пошлины. Одобренные германским парламентом меры по снижению таможенных пошлин, заслуживают искреннего признания ... Профессор Эрхард стремится таким путем использовать имеющиеся значительные резервы иностранной валюты. Борясь с инфляцией, он снова воспользовался своим главным оружием – либеральными мероприятиями. Эти мероприятия будут полезны мировой торговле и не в последнюю очередь также и британским экспортерам.

Но снижение таможенных пошлин было проведено гораздо менее решительно, по сравнению с тем, что предложил проф. Эрхард несколько месяцев тому назад, – а именно, снижение на 30%. Представителям сельского хозяйства удалось урезать его предложения, которые он внес в кабинет министров. В результате эти меры были лишены своего

сильнейшего действия в наиболее жизненно важной области – в области цен на продукты питания. Не впервые профессору Эрхарду приходится с грустью выслушивать парламентские споры, в которых представители оппозиции пользовались теми аргументами, которые он высказывал кабинету министров, и поддерживали его первоначальные предложения ... За последние недели появились успокоительные признаки того, что немцы способны справиться с инфляцией ...»

«Нью-Йорк таймс» поместила в номере от 15 июня 1956 года статью под заглавием: «Боннский министр настаивает на укреплении ценности западногерманских валют»:

«... Это не первая крупная задача, которую ставит своим европейским коллегам д-р Эрхард. Он уже давно убеждает их в официальных и частных разговорах ввести для валют их стран свободную обратимость в доллары и отказаться от валютных ограничений. Своего мнения по этому вопросу он не изменил. „Если бы Великобритания имела сегодня свободнообратимую валюту, то значительное число затруднений отпало бы“, – заявил д-р Эрхард.

«Подлинная трудность в том, – сказал он, – что еще не существует настоящей интернациональной системы цен. В различных странах развитие цен может идти по-разному, в результате чего существующие курсы валютного обмена становятся нереальными и правительства должны принимать меры к их удержанию ...»

Д-р Эрхард сам поступает так, как он говорит – он постоянно приближает германскую экономику к идеалу открытого хозяйства (открытого рынка), которое реагирует на цены на мировом рынке. За исключением номинального контроля за вывозом капиталов, германская валюта свободно разменивается ...»

«Опасность, что немецкая марка займет место стерлинга в качестве интернационального платежного средства, увеличивается со дня на день и правительство Германской Федеративной Республики не теряет времени, чтобы использовать улучшающийся баланс своей страны», – заявил специалист по вопросам валюты газеты – «Файненшел таймс» в номере от 11 апреля 1956 года. – Зона свободнообратимой немецкой марки за последнее время увеличилась и охватывает теперь почти весь мир ...»

Газета «Нёйе цюрхер цейтунг» высказала 20 марта 1956 года следующее:

«... Почти ровно восемь лет назад профессору Эрхарду было поручено руководство западногерманской экономической политикой. Сначала он был директором Хозяйственного управления, затем – федеральным министром хозяйства в первом и втором кабинете Аденауэра. За этот относительно короткий период профессору Эрхарду, конечно, не удалось достичь всех целей, которые он сам себе поставил, намечая свою концепцию „социального рыночного хозяйства“.

Однако возрождение западногерманской экономики, ставшее возможным в результате проводимой им политики, значительно превзошло все ожидания. Тем самым Эрхард создал для Федеративной Республики тот экономический фундамент, который дает ей возможность нести политическое и социальное бремя, которое оказалось возложенным на нее в результате военного разгрома Германии.

Сегодня перед федеральным министром хозяйства Эрхардом стоит трудная задача – обуздать им самим созданную психологию преуспеяния, – ибо конъюнктурный бум таит в себе опасности, рано или поздно могущие стать роковыми для рыночного хозяйства как такового. И в этой изменившейся ситуации профессор Эрхард проявляет себя как личность, способная удержать в надлежащих рамках проявление групповых интересов и оградить интересы всего общества – даже ценой мало популярных мероприятий.

Федеральный министр хозяйства Эрхард всегда является дорогим гостем в Швейцарии и, особенно, в Цюрихе. Проявленное им неоднократное понимание интересов Швейцарии и его заслуги в деле либерализации европейской внешней торговли и межгосударственных платежных сношений дают основание назвать профессора Эрхарда одним из лучших и ценнейших друзей нашей страны ...»

Доверие к рыночному хозяйству

Газета «Торонто стар уикли» посвятила 17 марта 1956 года подробную статью «германскому апостолу свободной экономики». В статье говорилось:

«В июне 1948 года, незадолго перед валютной реформой, промышленность Западной Германии производила лишь половину того, что производила промышленность на той же территории в 1936 году. Сегодня западногерманская промышленность производит примерно вдвое больше, чем в 1936 году. За истекший год производство выросло, по сравнению с 1954 годом, на 17% и достигло, таким образом, самого высокого уровня, когда-либо достигнутого в Германии – более высокого уровня, чем любая другая европейская страна.

Этим экономическим положением Германия обязана в первую очередь приземистому 59-летнему человеку с голубыми глазами и двойным подбородком, предающемуся своему оптимизму и крепким сигарам. Как курильщик сигар, он побил рекорд Черчилля, который курит семь сигар в день – Эрхард курит двенадцать. В качестве оптимиста он тоже не уступает Черчиллю...

Эрхард стал «апостолом свободной экономики» и, кроме того, вызывающей наиболее страстные споры и нападки личностью в немецком правительстве. Руководящие хозяйственные круги слепо ему доверяли, социалисты яростно нападали на него и предсказывали, что он разорит рабочих. Парламентские выборы 14 августа 1949 года были борьбой за или против Эрхарда. Большинство народа высказалось за него ... Можно, пожалуй, оспаривать экстремизм Эрхарда, но почти все сегодня признают, что постоянный экономический прогресс Федеративной Республики стал возможен благодаря доверию, оказываемому многими немцами социальному рыночному хозяйству Эрхарда ...

Эрхард не претендует на то, чтобы ему одному приписывали славу за совершение западногерманского чуда. Он сознает, что для этого понадобились американские деньги и помощь немецких рабочих. Каждый доллар, истраченный в Германии по плану Маршалла, дал возможность осуществить материальные и трудовые достижения ценностью от 10 до 20 долларов ... На вопрос – в чем он видит свое главное достижение, Эрхард отвечает: «Нацисты обманули весь мир. Своим лукавством такие люди, как Функ, разрушили доверие всего мира к немецкому хозяйству. Я горжусь тем, что нам теперь удалось снова восстановить доверие мира к Германии».

Газета «Файненшел таймс» от 13 января 1956 года высчитывает, что «Федеративная Республика является единственной крупной страной западного мира, промышленное производство которой растет быстрее, чем производство Советской России. Это относится не только к 1955 году, но и ко всему периоду последнего пятилетнего плана Советской России.

Промышленное производство Советской России – по данным, сообщенным министром финансов Зверевым несколько дней тому назад перед Верховным советом, возросло в 1955 году на 12%. Однако немецкое промышленное производство выросло на 16%. Год назад Москва официально заявила об увеличении на 13 %; рост германской продукции был, правда, несколько ниже, но выражался, примерно, в тех же размерах, а именно – 12,1%. Кроме того, советская промышленность показывает тенденцию к понижению своего роста...»

Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» от 11 января 1956 года признала... беспрерывное развитие немецкого хозяйства в 1956 году во многих отраслях:

«Производители стали Рурского района могут отметить еще один рекордный год. Годовая продукция составляет от 20 до 21 миллиона тонн, что выше британских показателей. Германия, таким образом, стоит по производству стали на третьем месте после США и Советского Союза.

Значение такого развития становится особенно ясным, если принять во внимание, что сегодняшняя Федеративная Республика составляет лишь часть довоенной Германии. Теперешних показателей удалось добиться без тех 3 миллионов тонн, которые производила ранее принадлежавшая Германии Саарская область и бывшие силезские заводы, которые теперь принадлежат Польше...»

Указание «Нью-Йорк геральд трибюн» можно подкрепить статистикой производства стали (в тысячах тонн)

Год	П
1947	3060
1949	9156
1950	12121
1952	15806
1954	17435
1955	21336
1956	23188

(Источник: Федеральное статистическое бюро и Верховный орган Европейского объединения угля и стали (ЕОУС))

Эти выдержки из публикаций за 1956 год следует дополнить некоторыми сообщениями за 1954 год, чтобы показать оценку другого периода германского восстановления.

Газета «Дзе лисенер» напечатала в номере от 21 января 1954 года статью Теренса Притти на тему «Германия как конкурент в торговле».

«Профессор Эрхард не только считает, что соревнование с обеих сторон ведется честно – он полагает также, что как для Великобритании, так и для Германии было бы выгодно отказаться от остатков политики, предусматривающей премии за экспорт и другие стимулирующие планы, и превратить как фунт, так и марку, в свободнообратимые валюты. Он сказал мне, что освобождение марки будет увенчанием его усилий, направленных на то, чтобы германская торговля была успешной, свободной и честной. Немецкая экспортная политика, пожалуй, честная, но нельзя ни на минуту недооценивать той угрозы Великобритании, которую она собой представляет... Методы свободного хозяйства, применяемые Эрхардом, привели снова к преуспеванию и пользуются общим признанием. Немцам надоели методы контроля времен нацистов и последней войны и они честно готовы больше работать, чтобы больше зарабатывать и иметь возможность больше покупать ...»

«Альгемеен дагблад» от 1 февраля 1954 года называет немецкого министра хозяйства «либералом современного типа». «Профессору Людвигу Эрхарду, западногерманскому министру хозяйства, принадлежит основная заслуга в том, что Германия пребывает в экономически прочном положении. Он пользуется дальновидными методами, весьма необычными в наше время, когда многие столь охотно склоняются к плановой экономике. Он сам называет себя „либералом нового, современного типа“ и он постоянно борется, устно и письменно, за освобождение международного товарного и денежного обмена ...»

Краеугольный камень европейской экономики

Парижская газета «Л'аксион републикэн э сосиал» в номере от 15 марта 1954 года касается основного вопроса немецкого восстановительного процесса.

«... Мы далеки от того, чтобы недооценивать традиционные качества немецкого населения – его организационный талант, его дисциплину, его дух методичности и предприимчивости. Но в области экономики не бывает чудес, даже в Германии. Все эти качества оказываются бессильными, если нет последовательной политики, которая превращает эти положительные качества в реальные дела. Мы не предаемся чрезмерно большим иллюзиям относительно политического реализма немцев. Однако несомненно, что экономический либерализм является основой успеха, который может вызывать одновременно как радость, так и беспокойство.

Немецкий министр хозяйства Эрхард преследует свою цель с выдержкой, которая черпает силы из просветленного подчинения классическим принципам экономики и из подвижной гибкости в приспособлении; его эмпиризм мог бы послужить примером для людей латинского склада ума...»

По сообщению агентства Юнайтед пресс от 21 апреля 1954 года, Уолтер Харнишфегер, выступивший в качестве гостя на 7-м ежегодном банкете немецко-американской торговой палаты в Нью-Йорке, заявил, что ГФР является краеугольным камнем, вокруг которого должна быть построена здоровая европейская экономика.

«Газета дель пополо» писала в номере от 29 мая 1954 года:

«... Было бы заблуждением предполагать, что Западная Германия добилась успехов на рынке, благодаря политике демпинга в японском стиле. Уже в течение некоторого времени цены на немецкую продукцию относительно устойчивы. Но эта продукция говорит за себя своим превосходным качеством и многообразием, а также своей высокой

приспособленностью даже для наиболее специального использования...

Экономический либерализм Эрхарда одержал победу: в деле хозяйственного восстановления оправдалась ставка на силу частной инициативы и на производительную работоспособность частного предпринимательства. Социальное рыночное хозяйство Эрхарда имеет своей основой регулирующую и стимулирующую функцию цен: как говорит Эрхард, создавать политические цены – значит совершать грех против Святого Духа. Он верит в свободное предпринимательское хозяйство, – конечно, не в такое, которое требует для себя защиты или специальных удобств, а в предпринимательское хозяйство, готовое участвовать в конкуренции.

Добросовестный немецкий предприниматель должен уже дома ценить конкуренцию, чтобы не бояться ее на зарубежных рынках. Он не должен также стремиться занять положение, предоставляющее ему ту или иную монополию ибо он тем самым лишил бы себя данной ему возможности быть и оставаться свободным предпринимателем ...»

Газета «24 ОРЕ-Милано» рассматривает, в номере от 5 июня 1954 года, «психологию успеха» в Германии.

«... Каковы основные признаки этой психологии? Чувство гордости, основанное на том, что была сделана попытка найти новый путь между экономикой, построенной на чистом принципе примитивной конкуренции, и неизбежными социальными требованиями современного государства, тот новый путь, который указан в формуле „социальное рыночное хозяйство ...“

Чудесный кабинет доктора Калигари

В газете «Комба» от 20 августа 1954 года Юбер Жуэн, касаясь «германского чуда», писал:

«Я не знаю ничего более поучительного, чем чтение книги „Германская экономическая экспансия“⁸ Людвига Эрхарда, министра хозяйства федерального правительства. Господин Мендес-Франс дал обстоятельную рецензию этой книги в газете «Монд», но ничего не может заменить чтения 350 страниц, до предела заполненных числами и статистикой, до края наполненных миллионами долларов ...

Эта книга – представляет собой подлинно «чудесный кабинет доктора Калигари», но облеченный в плоть и кровь – вернее, в импорт и экспорт, в звонкую и полновесную монету с астрономически высокими конечными цифрами, превосходящими все самые высокие суммы и распространяющимися во всем общеизвестное „Made in Germany“ («сделано в Германии»), за которым одновременно скрывается желание и воля жить и побеждать – вот подлинный лик упорного, мужественного и стремящегося к экспансии народа!..

С сентября 1949 года господин Эрхард привел Германию на путь чисто либерального хозяйства. Иными словами, он направил Германию на путь классической капиталистической экспансии, благодаря снижению производственных расходов и росту капиталовложений...»

В подробном отчете VWD из Парижа от 11 октября 1954 года говорилось:

«Несколько дней тому назад книга профессора Эрхарда об экономическом возрождении ГФР вышла также и на французском языке. Французский премьер-министр Пьер Мендес-Франс дал летом этого года, еще до того, как он стал главой правительства, критический разбор этой книги, которая появится в середине месяца в журнале радикал-социалистов „Кайе дю сёркл Жозеф Кайо“.

В этом разборе Мендес-Франс высказал мнение, что «чудо» немецкого хозяйственного восстановления не является исключительно реваншем либерализма над автаркией, но было вызвано, по меньшей мере, мероприятиями государственной власти. Речь идет не о либерализме в классическом смысле слова, но именно о «социальном рыночном хозяйстве», ибо ни профессор Эрхард, ни его правительство не намерены оставаться бездеятельными по

⁸ Хозяйственный совет. – Прим. перев.

отношению к экономическому развитию, его ежедневным колебаниям, или по отношению к общим конъюнктурным тенденциям.

От либерализма в позиции профессора Эрхарда и его сотрудников остается несомненно честное желание соблюдать классическую либеральную доктрину, но, конечно, толь ко в той мере, в которой это допускают как события, так и люди. Нельзя сомневаться в серьезной воле министра оживить свободную экономику.

Вся его книга свидетельствует о хорошо обоснованном динамизме и оптимизме, о готовности честно доверять торговцу, предпринимателю и экспортеру. Но это доверие отнюдь не ведет Эрхарда к тому, что он считает возможным положиться на них настолько, что можно спокойно – согласно традиционной установке либерализма, предоставить их своей судьбе посреди трудностей и препятствий сегодняшнего мира. Нет, это доверие побуждает Эрхарда к тому, чтобы их активно поддерживать и оказывать им в каждом необходимом случае содействие государства. Следуя такой точке зрения, приходится поступаться принципами, отодвигая их на задний план. Чувство реальности должно в конечном итоге решать вопрос ...

«Немецкие министры, – писал Мендес-Франс в конце своей рецензии, – заслуживают похвалы за то, что они энергично проводят свою политику и упорно защищают ее. Было бы неправильно, если мы, французы, стали бы упрекать их за умение намечать себе цели и за то, что они упорно боролись за равновесие во внешней торговле и, тем самым, за свою экономическую независимость. Но, принимая во внимание, что наши соседи, являющиеся одновременно нашими конкурентами как в политическом, так и в экономическом отношении, дают нам такой пример, – давно пора и нам сделать выбор и взяться за работу. Нам нужна та ясность и дальновидность, которой так недоставало нам в нашей политике в прошлом».

Глава XV. Решение европейской проблемы

На открытии Франкфуртской международной ярмарки 2 сентября 1956 года я выступил, уже не в первый раз, со следующим заявлением:

«Мы нуждаемся в интеграции Европы более, чем когда-либо; она стала просто необходимой. Но лучшая интеграция Европы, которую я могу себе представить, покоится не на создании и организации ведомств и разного рода администраций, и не на бдительности бюрократии; ее предпосылкой, в первую очередь, является восстановление свободного международного хозяйственного порядка, который лучше и полнее всего найдет свое выражение в свободном обмене валюты. Свободный размен валюты подразумевает, само собой разумеется, и свободу обращения товаров, услуг и капитала».

В этих немногих словах можно формулировать мое принципиальное понимание вопроса полезной интеграции Европы. По моему мнению, мир стоит перед бесконечными возможностями; существенно, чтобы он сумел использовать эти возможности. Трудно себе представить, насколько благотворно влияние свободной экономической политики. Однако к смелым аспектам завтрашнего дня можно прийти лишь через «суровое сегодня» [23].

Несмотря на общее согласие в том, что европейское единство необходимо и что, в частности, необходим общий рынок, все же представляется полезным и даже необходимым остановиться на рассмотрении ряда частных вопросов. Обсуждение этих проблем необходимо для того, чтобы приступить к серьезной дискуссии о будущем построении Европы.

В связи с тем, что уже несколько лет существует Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), следует посвятить несколько слов вопросу, надлежит ли идти к организации Европы путем суммирования частичных объединений или же отказаться от этого пути, поскольку опыт и основанные на нем соображения говорят против этого. Этот вопрос приобрел большое значение за последние годы, когда появилась угроза того, что может войти в моду стремление создавать чуть ли не для каждой отрасли народного хозяйства свое

собственное объединение. Я вообще полагаю, что является весьма сомнительным положение, когда хозяйственная интеграция – независимо от того, каких областей она касается, – охватывает только отдельные товары и продукты, то есть когда она мыслится только в порядке осуществления ряда частичных интеграции.

При этом не следует упускать из виду, что духовные отцы Европейского объединения угля и стали вполне сознавали эти недостатки. У них не было намерения ограничить Европейское сотрудничество только областью угля, железа и стали. Они воспринимали ЕОУС лишь в качестве первого связующего звена, принудительно заставившего всех сесть за один стол, обсуждать совместно проблемы народного хозяйства и приходиться к полюбовным мирным соглашениям. Очень скоро всем трезво настроенным стало затем ясно, что при этом можно было с успехом обсуждать также и иные вопросы, как например, вопросы инвестиционной и конъюнктурной политики или проблемы валютные. Удастся ли опыт с ЕОУС и осуществится ли плодотворная работа этого объединения – это существенным образом будет зависеть от того, какими темпами, в каком объеме и в каких областях будут осуществлены иные формы подлинной интеграции [24].

Последние годы, к сожалению, не привели ни к какому решительному прогрессу, и мы находимся поэтому сегодня (несмотря на брюссельские переговоры об общем рынке) в промежуточной стадии разрешения этого вопроса.

Цель – всеохватывающая интеграция

Как бы ни были серьезны поставленные вопросы и как бы мы ни были поэтому вынуждены бороться за нахождение новых решений, не следует забывать, что реальный успех и плодотворное решение проблемы, вызванной к жизни Европейским объединением угля и стали, лежат в иной плоскости.

Мы должны найти путь к полной интеграции. Необходимо, прежде всего, создать основы для истинной интеграции. Однако мне представляется, что, в первую очередь, эти основы должны быть даны в другом секторе: в установлении согласованности в валютной политике [24]. При этом следует исходить из установленного в экономической науке положения, что экономический строй не есть результат сложения отдельных видов урегулирования по различным секторам, подобно тому, как народное хозяйство нельзя рассматривать как здание, построенное из отдельных «ящиков». Народнохозяйственный строй воплощает собой некую функцию, нечто целое и неделимое. Здесь дело касается разнородных отношений, отношений между людьми и отношений материального рода, связь между которыми не может быть нарушена или разорвана с тем, чтобы потом произвольным образом снова свести их воедино [29].

В связи с этим следует упомянуть и другую мысль. В настоящее время люди повсюду как будто опасаются той свободной конкуренции, которая по необходимости связана с созданием рынков крупного масштаба или вызывается таковым к жизни. Они представляют себе, будто условия для свободной конкуренции при подобной интеграции будут слишком неравными для того, чтобы можно было допустить здесь установление этого организационного принципа рыночного хозяйства. Следовало бы поэтому – как полагают многие, занимающиеся экономическим «конструкторством», – сперва устранить это неравенство или свести все различия к одному уровню, прежде, чем дать ход свободной конкуренции.

Подобные попытки могли бы в известных узких пределах действительно привести к скромному успеху. Однако было бы иллюзией считать, что в нашем мире, то есть в мире, построенном на конкуренции, можно создать для всех участвующих в народнохозяйственной жизни одинаковые, равные отправные условия в области отдельных факторов, определяющих производственные издержки. Даже уже только одно желание стремиться к этой цели должно было бы вызвать к жизни беспримерный дирижизм и дилетантизм, заранее обреченные на бесплодие.

Мы вполне можем допустить, что выгода и невыгода распределены сравнительно равномерно и «справедливо». Милостивый Бог сделал свое дело не так уж плохо, когда он в этом отношении дал одному народу несколько больше, в то время как другие народы были одарены иного рода преимуществами. Как бы ни сочетались отдельные статьи издержек – в цене они всегда найдут свою интеграцию. Только цена, в которой естественно находит свое отражение также и качество, является экономическим масштабом для оценки труда и достижений. Поэтому нельзя понимать интеграцию лишь как нечто механическое или количественное, – иначе мы вернемся очень скоро к грехам и неполадкам прошлого. Для всякого, кто здраво рассуждает, интеграция означает свободную и широкого охвата конкуренцию, означает экономическое сотрудничество на функционально более высоком уровне [31].

Сицилия не находится на Руре

Это критическое замечание относится, естественно, также к таким представлениям, которые проталкивают столь же опасные мысли под другим лозунгом, под лозунгом «гармонизации», и пытаются под этим флагом провести уравниловку всех экономических отношений. Я не преувеличиваю, когда сообщаю, что при этом думают о заработной плате, о социальном обеспечении, о правилах для отпусков, об оплате сверхурочных часов. Если склониться к признанию тезиса гармонизации, то тогда логически нет дальше никаких границ, и с тем же правом можно тогда выставить требование о включении в эту область стоимости энергии, расходов по транспорту или налогов.

Если бы была сделана попытка привести все элементы производственных издержек предприятий в разных странах в пределах значительной зоны к одному знаменателю, то есть гармонизировать их до такой степени, что «разрушительные» последствия конкуренции больше не сказывались бы, то это привело бы не к интеграции, но к худшей форме дезинтеграции.

Этим я не хочу ни в коем случае отрицать, что каждый очаг заболевания в государственном организме в то же время является угрозой для межгосударственных отношений. Однако это понимание вещей не должно привести нас к предоставлению каждой стране права требовать от своих партнеров по общему рынку, или даже принуждать их к тому, чтобы они в срочном порядке вводили у себя сомнительные принципы, применяемые в данной стране.

Под лозунгом «гармонизации» с такого рода притязаниями зашли даже столь далеко, что стали выдвигать требование об уравнивании в конце переходного периода ставок заработной платы в отдельных государствах-членах, а также о том, чтобы общие производственные издержки оказались «эквивалентными». Можно было бы это требование просто игнорировать, ибо совершенно исключено, что на всем пространстве от Сицилии до Рурского бассейна производительность могла бы быть одинаковой, и, следовательно, что издержки производства могли бы быть такими же. Применение этого принципа должно было бы местами привести к массовому отмиранию экономической деятельности. Размер издержек по заработной плате зависит от уровня производительности; но одинаковый размер этих издержек не свидетельствует о наличии одинаковой работоспособности.

Никто не станет полагать, что представляется возможным установить во всех соучаствующих странах и во всех отраслях производства одинаковые стандарты или нормы производительности и добиться одинакового роста производительности. Даже если при помощи искусственных манипуляций можно было бы в какой-либо заранее определенный день установить одинаковые отправные условия, то уже на следующий день имели бы место изменения, так как никогда нельзя привести к общему знаменателю представления и поступки людей, а также и народов, относящиеся к их стремлению к накоплению сбережений и к потреблению, к их стремлению к повышению производительности, к их прилежанию и так далее, – даже в условиях общего рынка.

Итак, это требование основано на иллюзии и на полном незнании экономических законов и фактов, но в то же время оно характеризует умонастроение, которому в рамках интегрированной Европы ни в коем случае не должно быть дано хода, если мы хотим избежать того, что окажутся задушенными инициатива человека и его творческая сила, и даже само его существование.

Было бы иллюзией, если не безумием, верить в то, что естественные данные поддаются исправлению и что можно искусственным образом сгладить разницу хозяйственных структур отдельных стран до такой степени, что во всех странах и во всех областях издержки производства окажутся одинаковыми. Я это и никоим образом не считаю столь ценным, что этого следовало бы добиваться, – независимо от того, что достижение когда-либо этой сомнительной цели не представляется возможным. Тогда не было бы причины, которая нас могла бы удерживать от возвращения к изоляции отдельных наций. Это и понятно: если каждый человек смог бы покупать любой товар всюду по той же цене, то спрашивается, зачем тогда обращаться за границу, вместо того, чтобы покупать у себя дома. Тут межгосударственный обмен потерял бы всякий смысл. Именно в том и дело, что отдельные страны работают в различных условиях, так что выгода у одних распространяется на одни предметы, а у других – на другие, одна страна работоспособнее в одном направлении, другая – в другом. Как раз из этого вытекает необходимость взаимного дополнения и плодотворность подобных усилий.

Кто придерживается этой теории гармонизации, тот не может уклониться от ответа на вопрос, кто же должен принести жертвы и кто заплатит тому, кто в результате всего этого понесет убытки. Практическое применение этого безумия естественно приведет к созданию «общего горшка», то есть фонда, из которого будут даваться ссуды тем, кто терпит убытки, или считает, что он их терпит. Однако такие принципы не согласуются с рыночным хозяйством. Здесь вознаграждается не достижение в производительности, здесь делается обратное – более слабый с точки зрения производительности, какова бы ни была причина этого, получает поддержку. Этот принцип не представляется мне пригодным для способствования настоящему прогрессу, то есть тому быстрому прогрессу, который нам в Европе так нужен. Этим путем также не достигается цель улучшения жизненных условий нашего народа и других народов Европы.

Против этих теорий я не раз выступал, указывая, что эта «социальная романтика», которая находит в них свое выражение, чрезвычайно опасна [65]. Наоборот, я стою за то, чтобы общие средства были использованы на основании структурных и социологических масштабов, для подлинного повышения производительности, равно как и для поддержания жизнеспособных отраслей экономики. Мнения расходятся не в постановке вопроса, должен ли общий рынок быть создан как можно скорее или нет; дело сводится исключительно к пониманию принципов организации и к направлению нашего умонастроения.

Против Европы, управляемой бюрократически

Европа, которая не живет в сфере веры человеческого сердца, которая не понимается, как настоящее содружество перед лицом общей судьбы, ради которого стоит приносить жертвы, Европа, которая не ставит свободу во главу угла, но хотела бы ее обуздать и водить на помочах, наконец, Европа, которую в очертаниях своего духовного и политического облика нельзя узреть уже сегодня – такая Европа не может вызвать воодушевления ни у мира, ни даже у самих европейских народов. Бюрократически управляемая Европа, которая скорее переполнена недоверием, чем общностью, и от всего построения которой веет духом материализма, такая Европа принесет нам больше опасностей, чем пользы. Западная Германия добилась иммунитета против попыток инфильтрации с Востока благодаря своей политике сохранения устойчивости, и уже только из-за одного этого общий рынок должен быть подчинен тем же принципам. Изменить этой политике означало бы отказаться от первопричин этого положительного иммунитета против коммунизма.

Помимо политических опасностей, которые связаны с так называемой социальной гармонизацией, это понятие с чисто научной точки зрения вообще не выдерживает критики. Социальная гармонизация стоит не в начале, а в конце интеграции; она осуществима не с помощью вымученных конструкций, а путем сближения образа жизни и взглядов на жизнь по мере осуществления прогрессирующей интеграции. Хотя я таким образом и одобряю общий рынок, я все же придерживаюсь мнения, что и в такого рода интегрированной Европе условия жизни и производства никогда не будут едиными или одинаковыми. В известном смысле назначение общего рынка, наоборот, основано как раз на возможности и необходимости взаимного между отдельными странами плодотворного дополнения соответственно их особой и отличной от других работоспособности и наличием разнообразных природных и структурных особенностей.

Если путь частичных объединений, а также путь бездушной уравниловки не могут быть признаны пригодными, то остается задать себе вопрос – может ли Европа быть создана, следуя путем создания лишь соответственных учреждений, то есть путем «институциональным». Понятно, что при современном состоянии организации национальной экономики в отдельных странах повсеместно наблюдается склонность к созданию новых учреждений для осуществления межгосударственного сотрудничества. При наличии разного рода экономических неполадок и разнобоя какое-либо иное решение не представляется возможным. Однако и это утверждение не может быть принято без критики и без надлежащего рассмотрения.

«Легкой поступью вводить порядок»

С хозяйственной точки зрения Европу нельзя понимать только как организацию или учреждение, ее следует понимать как функцию. Тогда, однако, надо поставить вопрос следующим образом: что мы можем сделать, чтобы эта Европа оказалась способной к проявлению свободных функций. Тягостно приходится к сознанию того, что мы внутренне настолько заостенели, что понятия «порядок», «строй» воспринимаются нами уже лишь как нечто связанное с представлением об «организации». Мы потеряли чувство подлинного порядка, строя, который как раз там сильнее и яснее всего проявляется, где его вообще не замечают [19].

Этим не сказано, что я принципиально противлюсь установлению европейских организационных связей. Я хочу, напротив, создать предпосылки для этого, когда я высказываюсь за необходимость в первую очередь наладить внутренний порядок в народном хозяйстве отдельных стран, потому что иначе интеграция неизбежно приведет к надгосударственному дирижизму.

Европу нельзя построить при помощи дешевеньких средств. Ее следует понимать как сложную совокупность экономических и политических функций. Представление, согласно которому следовало бы во все возрастающей мере изымать из сферы государственного суверенитета отдельные области и секторы вопросов и дел и передавать их в руки надгосударственного управления, и что потом, с какого-то момента, удельный вес надгосударственного авторитета автоматически приведет к полному преодолению компетенции отдельных государств, – такое представление кажется мне мало реальным; оно не выдерживает критики с точки зрения экономической теории [58]. Народнохозяйственная функция является чем-то единым и целым и не поддается расчленению по компетенциям. Каждая попытка такого рода должна была бы привести к тому, что народное хозяйство каждой отдельной страны оказалось бы как бы между двумя стульями, и что никто уже не мог бы определить, кто чем ведает и кто за что отвечает.

Расширение сферы компетенции надгосударственных объединений может иметь известное политическое значение, но существенным образом содействовать решению затронутых экономических проблем оно едва ли будет в состоянии [51]. Мои опасения, поэтому, остаются в силе, что мы можем оказаться чрезмерно склонными придавать вес

вопросу создания учреждений, то есть что мы переоцениваем институциональное в противовес функциональному, форму в противовес сущности [32]. Эти опасения находят за последнее время все большее признание.

В связи с этим следует сказать также несколько слов по поводу расчетов некоторых, сторонников планового хозяйства на то, что им удастся теперь провести в плане европейском свои идеи и идеологические соображения, осуществления которых им не удалось добиться в плане внутригосударственном. После нашего внутригосударственного опыта уже нет нужды объяснять, почему принципы планового и направляемого хозяйства не являются пригодным средством для того, чтобы способствовать – теперь уже в более широких рамках – раскрытию производительных сил Европы. Такое понимание проблем экономики неприспособлено даже для того, чтобы привести нас хотя бы только к самым примитивным формам разделения труда, не говоря уже о содействии плодотворному и бесперебойному сотрудничеству народного хозяйства отдельных стран.

По моему мнению у нас нет иного пути, как идти быстрым темпом по пути расширения свободы и воздерживаться на этом пути от всех государственных манипуляций, которые этой свободе препятствуют, – и это по всем вопросам, относящимся к обмену товарами и услугами, к обращению денег и капиталов, к таможенной политике и к свободе выбора местожительства и работы. Где нельзя обойтись без содействия каких-либо учреждений для проведения этих принципов свободы, там я всецело поддерживаю необходимость таких учреждений. Мне кажется, что истинно хорошим европейцем является тот, кто считает необходимым вменить такое единство действий и поведения в обязанность всем участникам [58].

Если я только что указал, что политический деятель склонен в вопросе о надгосударственных организациях судить иначе, чем деятель экономики, то, исходя из точки зрения этого последнего, я не могу не высказать опасения по поводу того, что можно потерять из виду правильную последовательность во времени и придти к политическим формам европейской организации до того, как будет в той же мере осуществлена экономическая интеграция. Большая опасность состояла и состоит еще сегодня в том, что, несмотря на наше общее стремление к свободной Европе, чисто политические устремления односторонне, то есть без соответствующих экономических предпосылок, выдвинутся на первый план и могут в результате этого привести к централизму, – к такому централизму, который должен был бы удушить все, что выросло богатого своей пестротой и своим многообразием на этой древней почве европейской культуры.

Успехи Европейского платежного союза (ЕПС)

Такое рассмотрение вопроса должно по необходимости повести к критической оценке существующих общеевропейских учреждений. Об Европейском объединении угля и стали уже шла речь постольку, поскольку его значение усматривалось главным образом в той роли, которую оно должно сыграть в создании почвы для скорого и широкого европейского объединения. Конечно, не вина Европейского объединения угля и стали, что оно не выполнило всех возлагавшихся на него надежд. Можно ли еще высоко расценивать значение этого объединения как фактора в деле создания Европы – об этом пусть каждый выносит свое индивидуальное суждение. Вне зависимости от этого, Европейское объединение угля и стали может в сфере своей непосредственной деятельности принести, несомненно, большую пользу.

Чтобы избежать упреков в том, что из-за леса мы не видим деревьев, укажем в этой связи подчеркнутым образом на большие успехи, достигнутые при помощи Европейского платежного союза (ЕПС). Этой, основанной на принципе многосторонности, системе объединения мы, главным образом, обязаны тем, что участвующие в ней государства смогли освободиться от узких рамок двусторонних хозяйственных отношений, что дало импульс успешному развитию хозяйственных сил Европы [27].

Беглый взгляд на статистику подтверждает это положение. Так, например, вывоз ГФР в страны ЕПС возрос с 6,32 миллиардов марок в 1950 году (год основания Союза) до 21,96 миллиардов марок в 1956 году. Это возрастание нашего экспорта в указанные страны развивалось на протяжении ряда лет следующим образом:

Внешняя торговля со странами Европейского платежного союза (в миллиардах марок)

Г	1
од	9
ы	5
	0
В	7
во	,8
з	7
В	6
ы	,3
во	3
з	2
	1
	,5
	5
	5

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Торговля между странами-членами Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) повысилась с 17,5 млрд. долларов в 1949 году до 30,0 млрд. долларов в 1954 году и 34,176 млрд. долларов в 1955 году. За первое полугодие 1956 года она достигла размера 18,066 млрд. долларов.

Однако при всем признании указанных успехов, нельзя все же не коснуться и отрицательных сторон и не выявить всего того, что в самом ЕПС еще не приведено в надлежащий порядок, что еще несовершенно и не может быть так просто достигнуто даже путем применения средств, которыми ЕПС будет располагать в будущем. И в этом случае критика означает не отказ или осуждение, но наоборот, – предупреждение, призыв к решительным действиям.

Чем же болеет Европейский платежный союз?

Тем, что экономика отдельных стран-участниц ЕПС не может быть со связующей силой побуждена или принуждена к упорядоченному образу действий в области экономики и финансов с целью сохранения внутренней стабильности. И в Европейском платежном союзе также еще играет значительную роль национальная щепетильная обидчивость и неправильно понятые представления о хозяйственнополитической автономии и государственном суверенитете. Ни одно европейское государство не проявляет готовности подчиниться общим обязательным директивам. Европейский платежный союз может в лучшем случае давать рекомендации, но у него нет возможности превратить эти рекомендации в действия и поступки даже только во внутригосударственном масштабе.

«Устойчивость начинается дома»

В Америке существует поговорка, которая гласит, что: устойчивость и свободная обратимость валюты начинаются дома. Это как раз то, чего нам не хватает в Европе. В этом отношении ЕПС обречен на такую же судьбу, как и такой общий рынок, в котором у участников его не хватало бы воли к порядку. Участие государства в подобного рода объединениях требует определенного образа действий и поведения этого государства в области экономики и финансов. Государство-член объединений, только тогда может созреть для интеграции, когда оно намерено не только установить у себя внутренний порядок, но и соблюдать его.

Само по себе теперешнее состояние Европы совсем не представляется столь удивительным, если учесть, насколько эта Европа была разрознена и разрознена еще сегодня. Сколько догматических мыслей пытались претворить в жизнь в народном хозяйстве отдельных стран, какие различные представления о хозяйственных и финансовых возможностях еще живы, сколько теорий владело умами! Стоит только вспомнить учение Кейнса, так называемую «политику дешевых денег» со всем тем, что сюда относится, чтобы понять, что в Европе будет и должно быть чрезвычайно трудно добиться совместного действия и твердой, единой политики. Это однако является предпосылкой для свободной обратимости валют.

Если во времена господства золотых валют некоторые государства полагали, что они могут отказаться от упорядоченной экономической и финансовой политики и не считаться с необходимостью построенной на чувстве ответственности кредитной политики или, иначе говоря, если какая-либо страна следовала бы идеологии, которая противоречила бы этому постулату внутреннего порядка и равновесия, тогда последствия такого образа действий ее не заставили бы себя долго ждать. Когда в условиях правил игры золотой валюты исчерпывалась возможность привлечения капитала или отлива золота за границу, тогда ни одна сила в мире не могла защитить вексельный курс этой страны от понижения. Во времена золотой валюты ни учреждения, ни люди не отдавали приказов. Существовал только анонимный приказ, который исходил из самого установленного порядка, из самой системы. Но такой анонимный приказ не был отягчен ни соображениями государственного суверенитета, ни сумасбродной верой в возможную хозяйственно-политическую автономию, ни какими-либо иными предрассудками или проявлениями болезненного самолюбия. К сожалению, мы еще не вернулись снова к такому положению.

Мы используем ЕПС, так сказать, как костыль. Когда все страны, участвующие в Европейском платежном союзе придут к выводу, что они должны сами взять на себя ответственность по созданию порядка у себя дома, только тогда будут созданы предпосылки для выполнения целей, которые ставит перед собой ЕПС.

Все же деятельности Европейского союза с самого начала было предпослано следующее положение: члены Союза должны стремиться к постоянной либерализации обращения товаров и услуг, идя этим путем к свободной обратимости валют. Это означает, что в конце концов все участники обрели бы в качестве зрелого плода своих стараний – свободные, обратимые валюты. Я совсем не собираюсь преуменьшать заслуги системы, когда я задаю себе вопрос, сколько еще имеется верующих, надеющихся, что ЕПС будет еще в состоянии достигнуть или принудительным путем добиться этой цели [27].

При этой оценке Европейского платежного союза все же нельзя упускать из виду, что в своих практических последствиях эта система приводит к сохранению дискриминации в отношении долларовой зоны и даже усиливает эту дискриминацию. Этим, конечно, устраняется возможность интеграции в более широких рамках западного свободного мира. Америка, которая оказала Европе помощь и хотела ее оказать, должна ожидать или опасаться, что потоки товаров во все большей степени будут проходить мимо американского рынка. Во время многочисленных переговоров в Париже я не раз обращал внимание на то, что здесь должна иметь место ошибка в конструкции всего начинания, раз более либеральная политика европейских стран по отношению к долларовой зоне воспринимается как ущерб, хотя и не прямой, для значения и эффективности ЕПС. Мы не раз сталкивались с этой

неправильной оценкой при наших повторных мероприятиях по либерализации торговли с долларовой зоной, либерализации, доведенной до уровня, превышающего 90% [32].

Эта критика Европейского платежного союза ни в коем случае не должна затмить собой то чувство благодарности, которое мы испытываем по отношению к этому союзу. Как уже было сказано, большим успехом ЕПС было превращение двусторонних международных сношений во многосторонние. Здесь ЕПС указал первый выход из узкого места.

Абсурдность двусторонних сделок

То, что двусторонние сделки не в состоянии привести к удовлетворительному результату, едва ли требует еще сегодня обоснования. Нельзя себе представить, чтобы потребности и желания двух стран так полно и органически дополняли друг друга с точки зрения экспортной политики, что между ними мог бы возникнуть удовлетворяющий обе стороны обмен. Поэтому всегда будут недовольные, ибо предел общему объему двустороннего товарообмена автоматически устанавливается по возможностям поставок или закупок более слабого партнера. Весь обмен в целом остается на таком низком уровне, что экономическая цель максимального или хотя бы только оптимального сотрудничества между народными хозяйствами ни в коем случае не может быть достигнута [12].

Деятельность ЕПС и ОЕЭС необходимо расценивать с учетом тех границ, которые поставлены задачам этих организаций. В рамках этих учреждений, мы, правда, продвинулись вперед в деле либерализации. Тем не менее, мы знаем, что пока существуют предписания касательно валютных ограничений, поставленная цель вообще не достижима.

Как же, спросят меня мои читатели, я себе представляю будущую Европу. В начале попытки представить по этому поводу конкретные соображения надо установить следующее положение: все усилия добиться политической и хозяйственной интеграции должны потерпеть неудачу, если все участники не найдут в конце концов мужество и силу, чтобы признать правильную необходимость постоянно прогрессирующей либерализации обращения товаров, услуг и капитала, необходимость ускоренного понижения и устранения таможенных пошлин, равно как и других протекционистских перегородок и манипуляций, – и не только признать необходимость всего этого, но соответственно и действовать.

Свободному и общему рынку, как и раньше в условиях золотой валюты, необходимы не богатство и сила, а скромное уразумение того, что государство, как и народ, не могут жить «выше своих средств». Я определенно отдал бы предпочтение этому свободному сближению, охватывающему не только отдельные страны или группы стран, сближению исключительно лишь в экономическом аспекте, – предпочтение перед попытками провести интеграцию в менее крупном масштабе. Я полагаю также, что этот путь, путь вхождения в пространственно обширную зону свободных экономических отношений, является с точки зрения целесообразности как раз для Германии лучшим, ибо наше благосостояние основывается не в последнюю очередь на наших связях и сношениях по возможности со всеми рынками.

Является ли Европа островом разъединения?

Поскольку мы в политическом аспекте все же вступаем на путь интеграции шести государств, членов Европейского объединения угля и стали, то мы должны особенно тщательно следить за тем, чтобы либерализация и свобода экономической деятельности осуществлялись в этой менее крупной зоне интеграции быстрее, чем на всем пространстве Западного мира. Ни в коем случае не должно случиться, чтобы устранение многочисленных перегородок, еще отделяющих друг от друга отдельные страны в экономическом отношении, было проведено в международном масштабе быстрее, чем, например, в рамках будущего общего рынка Западной Европы. Особенно уродливым явлением было бы, если этот Европейский союз стал бы тогда островом разъединения.

Эта европейская интеграция, на первых порах в виде таможенного союза, представляется нам оправданной нравственно, экономически и политически лишь в том случае, – и принимая при этом во внимание упомянутое требование об относительно более быстром устранении всего разъединяющего, – если это объединение с своей стороны не вызовет новых расхождений и трений. Это означает, что торговая политика таможенного союза по отношению к третьим государствам должна быть либеральной и не допускать их дискриминации.

В связи с этим следует упомянуть крайне важную инициативу Великобритании осенью 1956 года, согласно которой предлагалось расширить общий рынок шести государств ЕОУС и включить в него государства зоны свободной торговли стран Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС)⁹. Мне вполне понятно указание Лондона, что таможенная стена, ограждающая от остального мира предполагаемый меньшего масштаба европейский общий рынок не соответствует общим интересам всей Европы. За этой формулировкой скрыты именно те опасности, на которые я только что хотел указать. вполне последовательным выводом из этих истин является отказ от валютно-денежного хозяйства и возвращение к свободнообратимым валютам. Национальная политика, которая еще сегодня окапывается за этой варварской системой преград и ограничений, препятствует настоящему и широкому экономическому и социальному прогрессу. Это препятствие столь чудовищно, что лишь незнание действительной взаимосвязанности вещей препятствует всем свободным людям и свободным народам энергично восстать против такого порядка.

Мы не должны также забывать, что устранением этих ограничений свободы, и по-видимому именно только этим путем, мы сможем восстановить утраченные основы настоящего общественного строя в лучшем смысле этого слова.

Чем больше мы преуспеваем в том, чтобы люди себя чувствовали свободными индивидуумами и свою силу и свое достоинство как раз черпали в рамках личной свободы, тем лучше и благодетельнее будет общественное устройство в целом. Это общество будет покоиться на более высоких нравственных основах, чем то, которое нуждается в постоянном создании новых организаций и учреждений, чтобы совладать с хаосом в лишенном внутреннего единства народном хозяйстве. Я охотно беру на себя неблагоприятную роль одного из самых яростных глашатаев свободы. Я поступаю так, исходя из заботы о построении свободного мира и свободного сотрудничества между народами. Я стремлюсь к честному порядку вещей и в наднациональных рамках. Сюда в первую очередь относится ограждение человеческой свободы. Мы повсюду должны стремиться к осуществлению принципов общественного порядка, обеспечивающих свободные и истинно человеческие отношения между людьми, – как в области экономики, так и в области политической жизни [29].

При этом мы должны заботиться о том, чтобы – как это было до 1914 года – в наших руках были не только применимые на практике методы и орудия; теперь дело идет о том, чтобы сверх этого мы соединили наши духовные устремления в одном направлении – на преодоление национального эгоизма и протекционизма в новых формах настоящих и подлинных объединений. Настоящая интеграция духовно и нравственно поднимает нас на более высокий уровень сотрудничества.

Качественная сторона сотрудничества имеет большее значение, чем количественная. Интеграция и свободная обратимость валют не противоположные полюсы, которые исключают друг друга или такие, когда один полюс может сделать другой ненужным; наоборот, эти устремления дополняют друг друга. Например, когда мы говорим о конкуренции в масштабе общего рынка, то мы под этим понимаем такую форму сотрудничества, возможность которой подрывается тесными рамками разных ограничений на пространстве Европы. Поэтому приходится все время возвращаться к вопросу, почему же народное хозяйство разных стран Европы менее доходно и выгодно, чем американское

⁹ которых тогда было 16. – Прим. перев.

народное хозяйство? [30]

Ясно видимое здесь огромное различие проистекает не из того, что люди в США гораздо прилежнее и способнее европейцев. Оно является скорее следствием масштаба экономического пространства, а также результатом большей свободы в экономической деятельности. То и другое приводит к тому, что в США оказалось возможным достичь большей степени производительности и лучше использовать человеческие и технические возможности.

Это сравнение должно было бы нам также указать, что следует стремиться к созданию таких же условий, осуществление которых должно стать общей европейской целью. Мы должны создавать заново. Мы должны в связи с этим поставить во главу угла новый дух и обосновать солидарность, которая должна слить воедино усилия народов Европы и их экономики [31].

Из этих соображений вытекает то, что мы должны оказывать предпочтение функциональной интеграции, существенные особенности которой здесь неоднократно уже были отмечены. Как и во всех моих хозяйственно-политических соображениях, я и здесь исхожу из принципа неделимости свободы.

Свобода неделима

Для меня само собой разумеется, что тот, кто стоит за свободный народнохозяйственный строй внутри страны, будет также и передовым борцом за свободное разделение труда в мировом хозяйстве и сторонником тесного межгосударственного сотрудничества. ГФР, исходя из признания неделимости экономической свободы, не раз выдвигала эту свою точку зрения перед международными собраниями и учреждениями, настаивая на освобождении международных хозяйственных сношений от всех близоруких регламентации и мелочных придинок.

Разрешите мне в связи с этим коснуться вкратце одного принципиального вопроса, который всплывает в дискуссиях, как в частных кругах, так и в общественности: должно ли благосостояние какой-либо страны в свободном мире вызывать у соседей заботу или страх?

Само собой разумеется, что это следует отрицать со всей решительностью.

Избитой экономической истиной является то, что каждый участник экономических сношений может рассчитывать на благополучие лишь в том случае, если и другой участник будет преуспевать. С нищими дела не делаются [53].

Мое убеждение и мой опыт говорят мне, что все то, что имеет силу во внутргосударственных рамках и признано правильным, может и должно иметь значение и за пределами данной страны. В наших странах мы поставлены перед необходимостью освободить народы от бедности и нужды, открыть все большему числу людей возможность достижения более высокого жизненного уровня, обеспечить народу возможность свободно раскрывать свои силы и способности, стать независимым от могущества государства, и при этом все же чувствовать свою обязанность подчиняться государственному порядку; все эти принципы надлежит применять также в экономическом сотрудничестве народов свободного мира [32].

Тот, кто осознает значение этих устремлений, тот согласится со мной, что раз достигнутая степень свободы деятельности не смеет быть снова снижена при помощи односторонних мероприятий государства. Пока не исключена эта возможность возвращения вспять, до тех пор всякое признание необходимости европейской интеграции остается лишь объяснением в любви весьма платонического характера.

Сегодня этим уже нельзя больше помочь делу.

Этот принцип, естественно, должен быть действительным также и для общего рынка и для таможенного союза (как он определен в брюссельских рекомендациях). Было бы несомненно неразумным предоставить отдельным государствам право идти на попятный в деле интеграции. Так, например, в случае наступления затруднений в платежном балансе

отдельное государство могло бы, в силу восстанавливаемого для этого случая суверенитета его, применить разные защитные мероприятия. Никак не может быть признано удачным решение, когда такое государство – как было предложено во время брюссельских совещаний – может быть впоследствии принуждено отменить эти защитные мероприятия, если соответствующее постановление принято квалифицированным большинством голосов организации. Не требуется большой фантазии, чтобы признать, что подобное решение большинства едва ли вообще возможно на практике, ибо оно могло бы быть признано недружелюбным актом по отношению к данной стране. Подобные правила никак не свидетельствовали бы также о живом сознании связанного единой судьбой сообщества. Но именно такое сознание необходимо зажить; покуда оно отсутствует, мы никогда не достигнем цели, не найдем в себе сил для создания настоящего содружества, которое было бы сравнимо, например, с североамериканской экономической зоной.

Нужны, наконец, действия на этом поприще. Слов было сказано достаточно.

Сколько бы мудрые мужи ни говорили на эту тему – я твердо убежден: можно проблему довести до благополучного конца в кратчайший срок, если только мы приложим немного больше мужества и уверенности. Я в течение моей жизни не раз убеждался в том, что свобода и, прежде всего, мужество стоять за свободу, стоили того, чтобы за них бороться. Все, что только мы ни предпринимали в этом направлении, закончилось хорошо, – но там, где не хватало мужества быть на стороне свободы, там трудно было избежать беды [17].

К сожалению, в отношении упомянутой темы мне приходится подлить немного воды в мое вино. При теперешнем положении (январь 1957 года) нельзя ожидать, что в будущей организации общего рынка не будет предусмотрена возможность применения так называемых защитных оговорок. Однако в связи с этим следовало бы установить, в качестве меньшего зла, что неследование одной страны дальнейшим совместным мероприятиям или даже ее желание отступить от некоторых уже установленных совместно условий не должно препятствовать другим участникам продолжать начатый путь в их динамическом стремлении вперед. В подобном случае взаимоотношения с таким государством должны были бы быть закреплены на уже достигнутом уровне взаимных соглашений.

По моему ощущению не звучит особенно убедительно, когда с пафосом говорят о европейской интеграции, но одновременно, рядом со свободным обменом товаров или услуг, не дают людям возможность свободно проявлять свою деятельность там, где они захотят. Невозможным является положение, когда в одном государстве есть еще миллионы безработных, а другие государства не знают откуда им взять рабочие руки и умы, чтобы справиться со всеми предстоящими задачами.

Я пришел к этому утверждению не сегодня и не вчера. Я всегда придерживался точки зрения, что о Европе можно будет говорить только тогда, когда всем гражданам всех стран будут предоставлены в любом другом государстве одинаковые возможности свободного применения своего труда. Пока этого нет, наше признание единства Европы в конечном счете не честно!

Пока у нас не хватает смелости коснуться этих невралгических точек, все общие разговоры об интеграции или самый усовершенствованный механизм чисто экономических правил процедуры представляются мне мало пригодными средствами для достижения наших политических, экономических и социальных целей [65].

Если все усилия, направленные на достижение интеграции Европы, вообще могут быть приведены к одному знаменателю, то только к этому: осуществление свободы во всех областях жизни.

«Либерализация – лучшее лекарство»

Разрешите мне только на одном примере показать, что в состоянии дать свобода, даже когда она еще далеко не совершенна. Последствия либерализации товарооборота для нашей

внешней торговли являются настолько убедительными, что значение их нисколько не будет умалено, если я укажу на то, что Западной Германии пришлось, следуя этому пути, преодолеть в конце 1950 и в начале 1951 года один из самых тяжелых, да, пожалуй, самый тяжелый кризис послевоенного времени. Этот кризис послужил даже для многих поводом считать, что моя экономическая политика окончательно провалилась. Когда я в 1948 году занял мою должность в управлении двойной зоны¹⁰, экспорт составлял в среднем 200 млн. нем. марок в месяц, причем он составлялся преимущественно из таких статей принудительного экспорта, как уголь, лес и другие виды сырья, в которых Германия сама испытывала острый недостаток.

Готовые изделия фигурировали в балансе нашей внешней торговли только в качестве мало заметного придатка. Ныне среднемесячный вывоз колеблется от 2,4 миллиарда до 3 миллиардов нем. марок – причем от 1,7 до 2 миллиардов приходится на зону Европейского платежного союза. Эти убедительные результаты были не в последнюю очередь достигнуты благодаря последовательному проведению в ГФР политики либерализации, доведшей эту либерализацию по отношению к странам ЕПС и долларовой зоны до уровня, превышающего 90%, причем в отношении участников ЕПС либерализация практически будет теперь расширена для товаров промышленного сектора до 100%. Предоставление свободы и в международных сношениях также оплачивается. Эта свобода не является чьим-то односторонним подарком кому-то; она вызывает к жизни последствия, действующие оплодотворяющее и оздоравливающее.

Для подтверждения сказанного бросим еще мимолетный взгляд на структуру нашего вывоза. Доля готовых изделий в вывозе, решающая для западногерманского народного хозяйства, превысила теперь 80% вывоза. Здесь особенно четко видно, что уже некоторое расширение сферы свободы, которое мне представляется еще далеко недостаточным, все же приводит к структуре вывоза, которая в основном соответствует структурным данным народного хозяйства отдельных стран.

Эволюция, имевшая место в последние годы, может быть освещена при помощи следующих данных. При этом я беру за исходную точку год основания Европейского платежного союза (19 сентября 1950 года) и выключаю из моего обзора первые послевоенные годы, когда внешняя торговля была чрезмерно обременена осуществлением в принудительном порядке ей предписанных задач.

Вывоз в миллионах марок (средняя месячная)

Г од	19 50
---------	----------

¹⁰ американской и английской. – Прим. перев.

50	9
	7
19	1
51	2
	1
	5
19	1
52	4
	0
	9
19	1
53	5
	4
	4
19	1
54	8
	3
	6
19	2
55	1
	4
	3
19	2
56	5
	7
	2

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Не говорит ли это об уродливом извращении, когда мы стараемся подвести под рубрику «порядок» такую худшую форму беспорядка, как принудительное валютно-денежное хозяйство. Мы должны, наконец, освободиться от воззрения, будто наибольший порядок существует там, где возможно большее число людей должно заниматься принудительным установлением порядка и борьбой с беспорядком.

Когда не видно никого, кто охранял бы порядок, тогда еще слишком многие полагают, в состоянии странного ослепления, что вообще никакого порядка нет. В той же плоскости лежит мое утверждение, что при всех разговорах о создании Европы следует не только думать о том, что можно организовать и каким образом, но в одинаковой степени и о том, что мы могли бы или даже должны были бы упразднить, чтобы сделать возможным естественное, органическое становление Европы. Например, свободная обратимость валют привела бы к правильному и лучшему решению множества проблем, и поэтому можно ожидать, что последствия установления этой свободной обратимости окажут влияние почти на все области общественной жизни. Экономическая политика стала бы при этих условиях гораздо более ярко выраженной. Я иду даже дальше и утверждаю: тот, кто сможет упразднить принудительное валютно-денежное хозяйство, сделает для Европы больше, чем все политики, государственные деятели, члены парламентов, предприниматели и чиновники вместе взятые.

Мои постоянные призывы и напоминания, что следует добиваться «функциональной» организации Европы ¹¹, не должны дать повод к ложному толкованию, будто я являюсь упрямым противником каких-либо учреждений европейского масштаба. Однако я решительно отвергаю ту точку зрения, что подлинные трудности могут быть действительно

¹¹ то есть Европы, объединенной в целях выполнения известных функций. – Прим. перев.

преодолены путем создания учреждений¹². Расхождение во мнениях в этом как раз и заключается.

«Кто является хорошим европейцем?»

Каждая попытка решить проблему только путем создания тех или иных учреждений несет в себе опасность того, что можно застрять на мнимых решениях. Для меня здесь не существует дилеммы «или – или»; я стою за формулу «как то, так и другое», – причем ударение определенно лежит на преимуществе функциональной интеграции.

Я неоднократно имел возможность убедиться, насколько могут оказаться плодотворными результаты того, что люди должны сесть за один стол, чтобы найти общие для всех решения [32]. Однако решающее значение имеет то, чтобы работа учреждений, в качестве специфически «учрежденческой» деятельности, не пыталась вытеснить, заменить или даже совсем устранить функциональное взаимодействие, функциональную игру сил. Задачей учреждений должно быть служение, – и притом исключительно, – служение, направленное на поддержание функции общего рынка; они должны содействовать установлению свободы. Если, вместо этого, учреждения намерены сами «наводить порядок», то они явно не на месте.

Современный человек, в самом деле, привык представлять себе какой-либо настоящий порядок или строй лишь выраженным в наличии ряда «организаций» или целой армии чиновников, причем ему хотелось бы, по возможности, даже слышать, как «песок хрустит в механизме». Таким образом и получается, что предложенный мною путь свободы подвергается все новым и новым нападкам, а меня упрекают, что я якобы плохой европейец. Это заставило меня обстоятельным образом высказаться на страницах «Дейче корреспондентц», в номере от 21 июля 1955 года, на тему «Кто является хорошим европейцем?» Я заявил следующее:

Я во всяком случае не намерен допустить, чтобы мое европейское сознание, а также моя вера в это дело подвергались сомнениям из-за того, что я поставил соответствующие вопросы иначе и предложил всем участникам пересмотреть вопрос, действительно ли в деле построения Европы лишь один путь и лишь один метод, или, может быть, есть и другие средства, которые скорее и эффективнее привели бы к цели. Я хотел бы совсем ясным образом выразить и объявить, что я не в меньшей степени стремлюсь к Европе, а в большей, чем такое стремление находит себе выражение в проектах дальнейших «частичных интеграции». Если понятию «частичная интеграция» теперь склонны придавать иное толкование и при этом скорее имеют в виду передачу частичных функций, а не эффективные объединения по отдельным отраслям, то это может только внести путаницу в понятия.

Каждая настоящая функция неделима. Поэтому является не бегством от Европы, а моей заботой о Европе, если я высказываю опасения, что путем такого рода операций сложения и аккумуляции не будет достигнута ни наша экономическая, ни наша политическая цель. И далее, – я не противлюсь европейским соглашениям, но, наоборот, я хотел бы создать для них предпосылки; ибо необходимо сначала добиться внутреннего упорядочения в народном хозяйстве отдельных стран и обеспечить таковое в плане государственной ответственности каждой отдельной страны, – иначе интеграция должна привести к надгосударственному дирижизму.

Но из этих моих соображений вытекает также ясным образом, что я не склонен рассматривать Европу в качестве последней и абсолютной цели создаваемого экономического порядка и строя. Здесь хозяйственно-политический деятель может разойтись во мнениях с деятелем внешней политики. Для меня интеграция представляется только первой «станцией», только первым этапом, который нам ясно виден и на котором, прежде всего, необходимо снести и упразднить все препятствия и преграды международному

¹² то есть и без наличия органических функций совместной деятельности. – Прим. перев.

товарообмену.

Я стремлюсь во всяком случае идти по пути основанного на свободе деятельности и труда свободного объединения со всеми странами Западного мира, и особенно, конечно, с нашими европейскими партнерами. Европа может представить собой хозяйственную или политическую форму интеграции. Но цель лежит дальше, – а это означает, что мы не смеем допустить, чтобы Западный мир оказался еще раз расщепленным на различные отдельные экономические зоны [8].

Глава XVI. Феникс возрождается из пепла

Если месячный экспорт Германской Федеративной Республики поднялся приблизительно с 300 млн. нем. марок в начале 1949 года до почти 3 млрд. нем. марок к концу 1955 года, то стоит поинтересоваться основами этой несомненно успешной внешнеторговой политики.

Эти принципы сводятся, в конечном счете, к двум основным тезисам, которые постоянно упоминаются в этой книге. Первый – это постулат абсолютного преимущества свободы над всеми попытками, направленными на то, чтобы государство планировало хозяйственную жизнь, направляло и вело ее на помочах, а второй – сознание того, что свобода неделима.

Это сознание не допускает промедления, нерешительности, ему чуждо мелочное торгашество из-за выгод. Еще менее совместимо с таким духом свободы представление о двустороннем взаимном компенсировании в межгосударственных хозяйственных отношениях. Основанная на этом сознании внешнеторговая политика пытается осуществить те же цели, на достижение которых была направлена экономическая политика внутри страны. Дело идет о том, чтобы упразднить протекционизм в его различных видах, как-то: систему валютных ограничений, искусственно созданные таможенные преграды и другие административные манипуляции и преодолеть тот узколобый эгоистический ход мыслей, который сделал жизнь в Европе мучительной.

С этой идеологией «мелких огородов» необходимо было быстро и основательным образом покончить.

Вот почему в 1948 году, когда мы начали восстанавливать внутреннюю хозяйственную свободу в Германии, для меня стало почти нравственным требованием – в наиболее короткий срок добиться решительного поворота к политике либерализации внешней торговли.

Несмотря на тогдашнее отставание нашей производительности и другие неблагоприятные отправные условия, к концу 1949 года доля либерализованного частного ввоза из зоны Организации европейского экономического сотрудничества возросла по сравнению с периодом с октября 1948 года до сентября 1949 года – до 58,2%, а в октябре 1950 года достигла 63,7%. В то время мы провели этот переход к либерализации не в силу заносчивости и задора, и тем более не из-за империалистических бредней. Горькая нужда заставила нас подвергнуть столь тяжкому испытанию наше убеждение в преимуществе свободы.

Разрушенное германское хозяйство не могло бы обеспечить немецкому народу никакой основы для существования, если бы ему не удалось в кратчайший срок достичь уровня производительности передовых индустриальных государств мира.

Перевод стрелки на успех

Нам надо было в известном смысле безжалостно и без пафоса признать альтернативу: если в германском хозяйстве и в хозяйствующем человеке еще имеется достаточно силы и энергии, чтобы удачно произвести эксперимент оздоровления через конкуренцию на мировом рынке, тогда путь для восстановления Германии был бы открыт. И тогда, в

частности, была бы дана возможность предоставить многим миллионам беженцев подходящее занятие и открыть всему немецкому народу путь к жизненному стандарту, соответствующему понятиям западной цивилизации. Если же у нас не хватило бы этой силы, то успешное восстановление было бы немыслимым. Иными словами, без выхода на мировой рынок и без приготовления к его высшим достижениям у нас не могло бы быть счастливой будущности. Как покупатель сырья и как поставщик готовых товаров, Германия зависит от мирового рынка.

В этом отношении немецкий народ должен быть особенно благодарен помощи по плану Маршалла. Эта великодушная поддержка заслуживает, чтобы ее оценили, прежде всего, за ее моральное влияние. Она дала немецкому народу почувствовать, что он не оставлен всеми, но что ему снова предоставлена возможность соучаствовать в прогрессе свободного мира. Однако экономическое и финансовое значение ее было не меньшим. Федеральное правительство, тем не менее, никогда не забывало, что на его ответственности лежит задача – собственными силами создать предпосылки для того, чтобы мы имели возможность сами оплачивать промышленными товарами ввоз продуктов питания и сырья. Для такой политики стала совершенно очевидной необходимость «открыть ворота» и предпринять попытку, повсеместно признанную, пожалуй, даже жестокой, попытку заставить немецкую экономику пойти по пути повышения уровня его производительности [59].

Таким образом, с того момента, как германская внешнеторговая политика перешла в компетенцию министерства народного хозяйства, в основу ее был положен принцип либерализации в самом широком смысле слова. Это обнаружилось с особенной ясностью во время германского кризиса внешних платежей по ЕПС, когда в феврале 1951 года мы были вынуждены временно отказаться от либерализации из-за долгов в пределах Европейского платежного союза, размеры которых стали угрожающими. Со всех сторон мне даже советовали тогда отречься от принципа свободы и окончательно отказаться в будущем от желания подавать хороший пример. Оппозиция высказала мнение, что при попытке либерализовать европейскую торговлю, нам следовало бы взять на себя роль скромного попутчика (см. главу «Рыночное хозяйство преодолевает плановое хозяйство»).

В противовес подобным близоруким советам наш интерес побуждал нас поддерживать готовность стран, не бывших под таким сильным давлением, путем проявления динамической силы, имеющей конечной целью разрушение существующих плотин [8].

В то время доля западногерманского вывоза в общей сумме экспортных операций на мировом рынке не составляла даже и 3%; при столь скромном размере экспорт не мог содействовать успешному осуществлению дела восстановления. Все мероприятия со стороны ГФР во время упомянутого платежного кризиса с ЕПС (1950-1951 гг.) исходили из намерения и желания спасти принцип либерализации не только для нас, но и вообще, и сделать поэтому возможным скорейшее возвращение к либерализации.

Либерализация на все стороны

Эта цель была достигнута 8 января 1952 года восстановлением либерализации в размере 56,8% ввоза частного сектора (отчетный год 1949). Своего завершения эта последовательная политика достигла объявлением в «Бундесанцейгере» (№ 233 от 30 ноября 1956 года), что список товаров, которые можно ввозить в неограниченном количестве из государств – членов Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), расширен настолько, что Федеративная Республика практически либерализовала, за небольшими исключениями, частный ввоз из стран ОЕЭС на 100%. Это решение имело место уже раньше в отношении частного ввоза из так называемых «неучаствующих» стран, (то есть из тех стран, которые проводят расчеты через Европейский платежный союз, но не состоят членами ОЕЭС, как, например, Австралия, Вьетнам, Индия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз).

Здесь с наступлением 1952 года было положено начало проведением двусторонней либерализации, а с марта 1954 года приступили к согласованию с либерализацией ввоза из стран, состоящих в ОЕЭС. Частный ввоз из так называемых «неучаствующих» стран либерализован теперь на 97,9% (отчетный год 1953).

Таким образом, Германия внесла имеющий большое международное значение вклад в дело преодоления протекционизма. Это утверждение тем более справедливо, что Федеративная Республика преследовала в деле упразднения количественных ограничений столь же целеустремленную политику либерализации также и по отношению к другим зонам мировой торговли. Благодаря проведенным, начиная с 17 февраля 1954 года, мероприятиям, и особенно повторному расширению либерализации в середине 1956 года, удалось увеличить не подлежащий количественным ограничениям частный ввоз из стран долларовой зоны до 92,8%.

16 мая 1956 года вступил в силу единый либерализационный список по отношению к ряду дальнейших стран (Бразилия, Уругвай, Финляндия, Чили и Япония).

Эта свобододлюбивая политика привела к тому, что в начале 1957 года круглым счетом 90% частного ввоза (исчисляя на основе 1953 года) и 80% валового ввоза были освобождены от количественных ограничений. Эта разница объясняется тем, что рядом с небольшим размером частного ввоза, подлежащего еще количественным ограничениям, товары государственной торговли – в Западной Германии рыночные продукты аграрного сектора – не входят в подлежащий либерализации сектор.

Наш основной принцип свободы, характеризовавший с самого начала нашу внешнеторговую политику, находит свое самое яркое выражение в этой отмене количественных ограничений.

Но этот принцип находит свое выражение также и в интенсивном желании прийти к преодолению системы двусторонних договоров и отношений и заменить ее многосторонними общеобязательными торговыми правилами. Своё завершение эти усилия могут найти только в том, что западный мир создаст, наконец, снова единую валютную зону.

Поэтому достижение свободной обратимости валют представляет собой, теперь как и прежде, высшую цель германской внешнеторговой политики.

В связи с этим можно назвать множество мероприятий, проведенных в последнее время, целью которых было поставить немецкую марку в условия, все более приближающиеся к фактической свободной обратимости. С открытием, на основании циркуляра 24/54, «условно обратимых счетов в немецких марках», с 1 апреля 1954 года, был сделан большой шаг вперед, который привел к дальнейшему преодолению принципа двусторонних соглашений.

В начале 1954 года двусторонние платежные соглашения были в силе еще с 17 странами вне ЕПС. Отныне же двусторонний расчет проводится только с Аргентиной, в то время как платежные сношения с Чехословакией с 1 апреля 1957 года также переключаются на «условно обратимую немецкую марку». (Мы не затрагиваем здесь особой ситуации Турции в рамках ОЕЭС). В 1954 году была создана так называемая либерализованная «Капитал-марка» (в силе с 16 сентября 1954 года), вследствие чего оказалась похороненной так называемая «Шперрмарка» («блокированная марка»), бывшая, начиная с 1931 года, самым ярким выражением системы валютных ограничений.

Единые правила игры

Убеждение, что двусторонние соглашения представляют собой один из худших пережитков трагического прошлого, заставило нас поддерживать все планы и методы, имеющие целью установление общеобязательных правил игры для пространственно весьма обширных зон. Это относится главным образом к германскому сотрудничеству в ОЕЭС, в объединении ЕПС, в общем соглашении о тарифах и торговле (ГАТТ) и в Международном валютном фонде. На этом сверхрегиональном уровне принципиально уже нет места для

индивидуальных и ограниченных сроком регламентации двустороннего типа, по необходимости противоречащих принципу свободы. Мой идеал удачно проводимой торговой политики в свободном мире осуществится только тогда, когда торговая политика перестанет быть разрозненной по разным странам, когда весь свободный мир признает для себя обязательным соблюдение единых правил игры и единых принципов. Эти мысли были мною изложены более подробным образом в 14-й главе.

Упразднение системы двусторонних договорных соглашений способствовало одновременно и тому, что эмиссионные банки больше не выступают, как в недавнем прошлом, в роли кредиторов. Это не их дело. С преодолением этого билатерализма, наоборот, все увеличивающуюся роль будет играть международное сотрудничество в области кредитов, при котором взаимное выравнивание платежных балансов начнет приобретать характер коммерческой сделки между контрагентами в частной торговле.

Либерализация, как и следование принципу многосторонности в торговых сношениях открывают дорогу экономически разумному ходу товарооборота. Когда внешняя торговля будет свободна от всех ограничений, тогда международный товарообмен будет осуществляться с учетом наивысшей в каждом отдельном случае народнохозяйственной полезности. Эти основные правила свободы должны быть соблюдены и при применении других методов, практикуемых во внешней торговле. Поэтому я уже с давних пор стремился к уничтожению всех льгот по экспорту. Субсидии этого рода, в какой бы форме они ни проявлялись, следует отвергнуть, потому что они почти неизбежно вызывают распри и недоверие. Поскольку в Германии их сохранили и предоставляли на основании практики прошлых времен, извинением этому может служить именно то, что мы слишком долго были лишены свободы во внешней торговле. День 31 декабря 1955 года, когда был отменен закон о поощрении экспорта, я приветствовал как радостную дату. Еще 8 мая 1954 года, в так называемом уговоре Батлер-Эрхард, я обязался противодействовать продлению действительности этого закона.

Наилучшее поощрение вывоза

Немногочисленным представителям германского народного хозяйства, еще претендующим на оказание им льгот по экспорту, можно на основании недавнего опыта противопоставить снова мой старый тезис, что лучшим содействием экспорту является удержание устойчивого уровня цен – по меньшей мере, более устойчивого, чем в других странах. Правильность этой политики в настоящее время находит свое отражение в том, насколько благоприятно сложилась обстановка для нашей внешней торговли. Во всяком случае, она обещает больший и лучший успех, чем применение сомнительных мероприятий по содействию экспорту.

Чтобы преодолеть мешающую всякому естественному потоку товаров практику субсидирования вывоза, я предложил уже несколько лет назад, чтобы проведение каких бы то ни было мероприятий по поощрению внешней торговли в каждой стране было бы допущено лишь на основании и в рамках, установленных законом, а потому и общеизвестных положений. Кроме того, я возбудил уже много лет назад – при открытии Франкфуртской ярмарки 22 февраля 1953 года – вопрос о передаче какому-либо общеевропейскому учреждению перечня всех экономических поощрительных мероприятий, применяемых государствами в области торговой политики. Сообщение открытого перечня должно было бы дать основу для международных переговоров о ликвидации искусственно созданных покровительственных мероприятий.

Желание устранить все препятствия в торговле, естественно, должно отразиться и на таможенной политике. В этом вопросе я всегда защищал основное положение, важное для Германии, – впрочем, аналогично тому, как это имело место при дискуссиях о либерализации, – что то, что правильно в принципе, не нуждается для оправдания проведения его в жизнь в ответном действии со стороны партнера в торговле. Так, начиная с

1955 года, как только внутрихозяйственное положение ГФР позволило подумать о целесообразности усиления конкуренции, я пытался способствовать этому путем понижения таможенных пошлин. Было проведено понижение некоторых пошлин, в несколько этапов, хотя, по-моему, в этом деле можно было и следовало пойти дальше, чем на то решились правительство и парламент.

Как вехи на этом пути понижения пошлин можно назвать: первое снижение пошлин 1 апреля 1955 года, охватившее 700 категорий товаров. За ним последовало так называемое «конъюнктурно-политическое снижение пошлин», которое было широко распространено 1 июля 1956 года на все промышленные изделия. При этом была установлена максимальная таможенная ставка в размере 21% стоимости ввозимого товара, в остальном же было проведено эшелонирование понижения пошлин. Одновременно были понижены отдельные пошлины для всевозможных продуктов питания. Таким образом преждевременно вступили в силу почти все обещанные на конференции ГАТТ (Общее соглашение о тарифах и торговле) понижения таможенных пошлин.

Каталог освобождения

Для полного описания широкого стремления освободить оборот товаров, платежей и капиталов от ограничений, следовало бы, кроме того, перечислить еще ряд других мероприятий. Надо было бы, например, указать на введение общего свободного от ограничений расчетного минимума для мелких платежей, на прогрессирующее ослабление предписаний об обязательной регистрации иностранных платежных средств, ослабление правил о безвозмездном ввозе и вывозе (подарки), на упразднение обременительной формальности получения единичных разрешений в транзитной торговле, на вновь открывшиеся возможности заключения товарных сделок на срок. Стоит упомянуть также о все более либеральных предписаниях касательно выдачи иностранной валюты для путешествий и либерализацию страховых заграничных операций. Но прежде всего надо читателю напомнить о либерализации предписаний, касающихся капиталовложений внутри ГФР со стороны обладателей иностранных капиталов и немецких капиталовложений за границей. Наконец, надо еще указать на всевозможные мероприятия по упрощению правил импортной и экспортной процедуры, а также на разрешение производить импорт «каждому», хотя здесь, конечно, еще не удалось достичь идеала полного преодоления бюрократизма. Все эти меры представляют, без сомнения, весьма значительные шаги по пути к свободному рынку в сфере Западного мира.

В то же время не следовало бы предаваться иллюзиям и полагать, будто свобода может найти свое последнее и полное выражение в рамках теперешней совместной работы ОЕЭС и ЕПС и предоставленных этим учреждениям компетенции.

Это утверждение, к которому приходится прийти через шесть лет после вступления в силу соглашения о ЕПС, не может умалить больших успехов, которые он может поставить себе в заслугу, особенно в отношении преодоления билатерализма. Благодаря ЕПС, а также при содействии ГАТТ и Международного валютного фонда, мы пришли в настоящее время к значительному увеличению международного товарообмена, несмотря на отсутствующую функцию международного уровня цен. Так, например, вывоз из стран ОЕЭС больше чем удвоился – с 71 млрд. н. м. в 1948 году до 150 млрд. н. м. в 1956 году.

Решающими являются последние проценты либерализации

Имеющиеся еще препятствия на пути к осуществлению свободной внешней торговли не должны быть ни недосмотрены, ни преуменьшены. Чем ближе мы продвигаемся к тому критическому моменту, когда наша страна начинает испытывать разного рода серьезные и чувствительные воздействия, тем сильнее становится сопротивление сторонников протекционизма. Проще и яснее можно выразиться так: либерализовать с 0 на 70 или 80% –

это сравнительно легко; это лежит почти что даже в собственных национальных интересах; при либерализации с 80 на 90% положение становится, однако, уже более проблематичным, но когда мы подходим к 90%, или даже 92-95%, тогда каждый процент дальнейшей либерализации становится делом, не лишенным известного драматизма. Здесь должна проявиться подлинная благонамеренность наших устремлений, ибо только здесь либерализация вызывает желанные, оздоравливающие результаты. Слишком много европейских стран спотыкается перед этим последним препятствием, и только у немногих хватает смелости для его преодоления.

Так же, как нельзя питать больших надежд на то, что удастся в рамках ЕПС добиться упразднения всех количественных ограничений, так же, к сожалению, почти нельзя рассчитывать на возможность, что удастся при помощи этой организации достичь свободной оборатимости валют, как инструмента для преодоления системы валютных ограничений.

Внутри системы ЕПС говорят о странах, являющихся по своей хозяйственной структуре либо странами-кредиторами, либо странами-должниками. Из этого можно заключить, что внутри этой сферы ЕПС основа расчетов слишком узка для нахождения окончательных, то есть плодотворных решений.

Можно (как это имеет место и в отношении меня самого) быть искренне преданным делу Европейского платежного союза; но нельзя отрицать, что при всех обстоятельствах этому регионально ограниченному платежному союзу надо предпочесть расширение сферы его действия, которое приведет систему свободнообратимых валют к ее завершению в мировом масштабе.

Символ зла

Дух либерализации и злой дух системы валютных ограничений относятся друг к другу как огонь и вода. Для меня система валютных ограничений представляется символом всего зла, в какой бы форме эта система ни проявлялась. От системы валютных ограничений веет проклятием и запахом военных приготовлений и воин, из разрушительного беспорядка которой она и выросла. Только в результате вызванного таким путем безобразного хозяйствования можно было в экономике отдельных стран прийти к прямо таки самоубийственной идее – ограничить соревнование в производительности, чтобы обеспечить процветание. Внешняя торговля во все большей мере становилась, таким образом, функцией государственной политики и все меньше выполняла свою задачу – служить экономическому процветанию граждан свободного мира. Высказанными положениями непосредственно затронута проблематика современной ситуации, создавшейся для ГФР в области внешней торговли. В отличие от того времени, когда я вступил в свою должность, эта ситуация в настоящее время больше не охарактеризована заботой – каким образом потребности в ввозе, когда-то казавшиеся безмерными, могут быть оплачены выручкой из вывоза?

Сегодня приходится справляться с трудностями как раз обратного порядка, проистекающими из почти постоянно растущего излишка экспорта. Этот рост, не считая отдельных перерывов, продолжается уже более пяти лет. В 1956 году импорт вырос приблизительно на 14,3%, в то время как экспорт, уровень которого превышал уровень импорта почти на 1 1/2 млрд. марок, увеличился приблизительно на 20%. Высказанное повсеместно в 1955 году предположение, что в предстоящее время ввоз и вывоз придут в равновесие, оказалось ошибочным. Запасы золота и валюты в Банке немецких земель возросли за это время почти на 18 млрд. немецких марок. Приведем следующую таблицу:

Запасы золота и валюты в Банке немецких земель (в млрд. н. м.)

К	э
он	г

ещ	а
го	с
да	в
	з
	о
	л
	с
	т
	а
	и
	в
	а
	л
	н
	т
	е
19	+
49	
	о
	,
	3
	8
19	-
50	о
	,
	6
	6
19	+
51	
	1
	,
	5
	2
19	+
52	
	4
	,
	6
	4

Эти излишки являются, конечно, выражением подлинной и достойной признания производительной силы немецкого хозяйства. Однако было бы все же обманчивым объяснять это развитие исключительно этой высокой производительностью. В значительной доле активный баланс внешней торговли есть выражение того факта, что Западная Германия в сравнении с другими странами сравнительно храбро противостояла искушению инфляции, или лучше сказать, что мы в этом отношении грешили меньше, чем многие из наших

партнеров по торговле.

Тенденции в области наших цен, по сравнению с международными, сравнительно благоприятны. Индекс стоимости жизни у нас теперь равен 114 (основа: 1950 = 100), в то время как наши важнейшие европейские партнеры по торговле отмечают повышение цен до 135, даже 140 и выше. Из этих данных вытекают, конечно, большие шансы для экспорта. Можно установить приблизительный параллелизм развития цен и повышающихся возможностей вывоза. Но было бы неправильным и опасным основывать многолетние расчеты развития экспорта на предположении, что другие страны будут и в дальнейшем придерживаться такой опасной политики цен.

В наши дни высокой конъюнктуры и полной занятости почти во всех крупных странах, участвующих в мировой торговле, чувствуется больше, чем когда-либо, насколько всем нам не хватает какого-то общего стабилизирующего фактора, проявляющего свое действие, не считаясь с границами экономики отдельных стран. Я постоянно должен возвращаться к одному и тому же заключению: удивительным, чтобы не сказать уродливым, является положение, при котором, несмотря на столь неодинаковое развитие цен в отдельных странах, валютные курсы этих стран остаются неизменными, так, как будто между этими двумя величинами вообще нет внутренней связи. Такая, полная противоречий, политика должна по необходимости вызвать значительные сдвиги в области экспортных возможностей. Во всяком случае, в этом в значительной степени причина того, что активное внешнеторговое сальдо ГФР постоянно увеличивается, что затрудняет торможение конъюнктуры внутри Германии [77].

Нежелание перейти к требуемой мной постоянно свободной обратимости валют не могло не привести к этому положению. Только свободная обратимость валют, по моему мнению, может создать основу для действительно работоспособного свободного мирового рынка. Только таким образом, как учит практический опыт, можно, добиться единой и направленной на сохранение устойчивости экономической и финансовой политики в отдельных странах. Этим, однако, были бы лишены также своего основания многие современные несуразности и доведенная до крайности разница в платежных балансах.

Всеобъемлющую функцию свободнообратимых валют никогда не смогут, даже в отдаленной степени, заменить мероприятия другого рода. Все попытки этого рода застревают в неуспехе уже на самых первых порах, они никогда не приводят к всеобъемлющим результатам. В стремлении ликвидировать чрезмерную до крайности задолженность других стран по отношению к ГФР по нашему внешнеторговому балансу я никогда не воспользуюсь постоянно мной осуждаемым средством использования валютной политики в качестве орудия торговой политики. Этот грех мне кажется не менее значительным, чем бесплодная попытка при помощи торговой политики нейтрализовать не соответствующие условиям рынка валютные курсы. Тем, кто применяет подобные методы, прямо хочется задать вопрос: кто кого обманывает? Здесь есть только один путь – отказаться, наконец, от практики, которая привела к фальсификации валютных курсов. Несмотря на то, что я отдаю себе отчет в политических, тактических и технических трудностях и сомнениях, я все же считаю необходимым поставить эту, прямо-таки настоятельно взывающую о разрешении, проблему на самое широкое обсуждение в международном масштабе.

Мы стоим теперь перед большой опасностью, что все усилия по освобождению мировой торговли не приведут ни к чему, если мы со всей серьезностью не будем стремиться к установлению эффективного, упорядоченного международного денежного обращения, и если мы не приложим всех усилий, чтобы договориться относительно общих и совместных правил игры в хозяйственной и торговой политике.

Не увилывать от решений!

Хотя я и крепко убежден, что только таким образом можно выйти из положения, при

котором отсутствие равновесия привело в нашем конкретном случае Германию к тому, что она заняла в рамках ЕПС столь резко выраженное положение кредитора, я все же согласен с тем, что настоящая ситуация требует самостоятельной активности со стороны ГФР. Нам не подобает в международных разговорах снимать с себя всю вину или даже предпринять негодную и нереальную попытку потребовать от наших партнеров, чтобы они снизили свой (сравнительно) более высокий уровень цен до более низкого уровня наших цен. От нас, напротив, ожидается, что при применении наших методов торговой политики, мы будем поступать таким образом, чтобы, несмотря на обрисованное положение с ценами, открылись, в особенности для стран-должников, лучшие и дополнительные возможности вывоза в Германию, или чтобы отлив запасов золота и валюты из этих стран в Западную Германию, был заторможен иными путями.

О размерах этого движения дает представление следующая таблица ежемесячного платежного сальдо баланса ГФР.

Платежное сальдо в млн. н. м. в среднем в месяц

1950	25
1951	168
1952	203
1953	299

При современном положении вещей представляется почти неизбежно необходимым последовательно продолжать продвигаться вперед в деле освобождения всей внешней торговли от государственного вмешательства и торможения. Где только возможно, надо расширять либерализацию, и не только по отношению к странам – членам ЕПС; число свободно ввозимых товаров должно быть повышено; столь же желательно, также в интересах самой Германии, дальнейшее понижение таможенных пошлин, проведенное в прошлом уже несколько раз. Кроме того, необходимо, чтобы были облегчены многие формальности административного характера.

Покоящаяся на этой основе политика способствования повышению ввоза не смеет затеряться в зарослях мелких внутригерманских отраслевых интересов, тем более, что ни одно из проведенных понижений таможенных пошлин еще не дало отрицательных результатов. В долгосрочной перспективе я считаю также невозможным неизменно придерживаться и дальше проводимой до сих пор импортной политики в сельскохозяйственном секторе.

Стремление придти к увеличению нашего ввоза и этим одновременно к ослаблению напряжения во взаимоотношении европейских платежных балансов должно будет быть еще

поддержано путем проведения ряда других мероприятий. В связи с этим надо указать, например, на уже проработывавшиеся планы по увеличению складского хранения и накопления запасов для западногерманской экономики.

Необходим широкий размах

Если мы, таким образом, будем стремиться ко введению всех возможных облегчений для ввоза, то это стремление со временем не сможет не затронуть также и государственных ограничений ввоза и удорожания ввозимых товаров (например, продуктов пищевкусовой промышленности). Тогда сам собой напрашивается вопрос, нельзя ли для сбалансирования положения Германии, как кредитора, прибегнуть и к финансово-политическим мероприятиям; например, к досрочному погашению долгов. Предложения, которые касаются предоставления валютных кредитов Европейскому платежному союзу или отдельным странам, партнерам по внешней торговле, или оказания иных форм финансовой помощи, требуют серьезного, как и благожелательного рассмотрения.

При этих соображениях мы не должны забывать, что Западной Германии здесь предоставляется возможность, эффективным и в психологическом отношении путем, выразить свою благодарность за оказанную ей в первые послевоенные годы помощь, а, кроме того, еще, быть может, оплатить достойным образом некоторые счета, имеющие значение в политическом отношении. Было бы лишь последовательным, если бы в связи с этим были обследованы возможности настоящего частного вывоза капитала, хотя представляющиеся в ближайшем будущем перспективы для этого не следует преувеличивать. В ГФР в ближайшее время предвидится скорее явный недостаток на рынке капиталов. Понижение процентных ставок будет, вероятно, продолжаться и в будущем, хотя и в более слабой степени, что, принимая во внимание соображения о рентабельности, также не может способствовать вывозу капитала.

Растущее значение внешней торговли

Остановимся кратко на развитии внешней торговли ГФР за последние годы. Общий объем внешней торговли ГФР достиг в 1956 году 59 миллиардов немецких марок. Чтобы представить себе значение величины такого порядка, следует вспомнить, что в год основания ЕПС (1950) сумма экспорта и импорта в размере 19,7 млрд. нем. марок составляла как раз треть теперешнего внешнеторгового оборота, хотя в то время в эту сумму был включен и не оплачиваемый с немецкой стороны ввоз по плану Маршалла. Доля оборота внешней торговли в валовой национальной продукции ныне составляет 32,2% (ввоз 15,3%, вывоз 16,9%); в 1949 году эта доля составляла – 9,9% для импорта и 5,2% для экспорта, то есть меньше половины теперешней доли, в то время как национальная продукция за это время увеличилась больше, чем вдвое. Характерным для эволюции последних лет является таким образом тот факт, что внешняя торговля приобретает все большее значение в рамках всей экономики. Ее доля сейчас значительно больше, чем до войны. Так, в 1936 году внешняя торговля составляла только 24% валовой национальной продукции.

Как ввоз, так и вывоз постоянно возрастали за последние годы, причем переход от системы валютных ограничений и абсолютной бюрократизации внешней торговли ко все более свободным формам оказал здесь весьма явным образом свое благотворное влияние. Статистика внешней торговли доказывает правильность этого положения.

Это благоприятное развитие позволило Германии снова занять третье место в мировой торговле. ГФР отстает от США еще весьма значительно, зато в отношении Великобритании отставание значительно сократилось. Еще несколько лет назад доля германского экспорта в мировой торговле была меньше доли Франции и Канады.

Вывоз в %% мирового вывоза

	С
	И
	А
19	1
50	8
	'
	3
19	1
55	8
	'
	6
19	2
56	0
	'
	7

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Детали развития внешней торговли Западной Германии видны из следующей таблицы.

Доля внешней торговли ГФР на мировом рынке

И.
В
%
м
ир
ов
ог
о
вв
оз
а

12,9'	
9,1'	6,5'
8,1'	5,7'
	4,6'
	4,4'
	4,8'
	4,9'
	5,8'
	6,6'
	6,9'

**) От 1913 до 1937 года – Германия в старых границах.*

‘) Вычислено министерством народного хозяйства для территории ГФР.

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Приведенная картина не будет полной, если не бросить взгляда на структуру нашей

внешней торговли. Ознакомиться с этим тем более необходимо, что внешняя торговля только тогда может считаться удовлетворяющей потребности народного хозяйства, когда она создает предпосылки для полной загрузки народного хозяйства и открывает, в специфических условиях, в которых находится современная Германия, возможности для предоставления работы миллионам беженцев.

Характерно для развития германского вывоза, что доля готовых изделий все время возрастала и составляет в настоящее время 80% всего экспорта.

Эта эволюция проявляется и в том, что доля сырья в экспорте постоянно уменьшается и в настоящее время составляет едва 6%, в то время, как в 1948 году одну четверть прибыли от вывоза дали экспортируемые сырьевые материалы.

Распределение товарного обращения по статьям в %%

	Н в с з
Г од ы	Г р с д у к т в г и т .
19 48)	4 9 , 2
19 50	4 4 , 1
19 53	3 6 , 6
19 54	3 7 , 0
19 55	3 1 ,

	2
19	3
56	2
	7

) Объединенная экономическая область.

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Благоприятное развитие нашей внешней торговли находит свое весьма показательное выражение в индексах ее объема (на основе: 1950 = 100) и производит, особенно при сопоставлении с соответствующими данными других стран, весьма сильное впечатление. Во избежание ошибочных выводов в нижеприводимой таблице было полностью исключено движение цен.

Индекс объема вывоза 1950 = 100

Г	И
од	с
ы	р
19	1
52	5
	4
19	2
54	2
	3
19	3
56	5
)	0

) Декабрь.

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Глава XVII. Перспективы: надежды и тревоги

Настоящая книга не претендует быть научно-систематическим трудом. Она своего рода отчет, представленный германскому народу относительно пройденного пути. В связи с таким отчетом представляется целесообразным заглянуть из настоящего в будущее. При этом дело сводится не к конъюнктурному прогнозу, но скорее к оценке различных форм проявления нашей общественно-хозяйственной и политической жизни и, в заключение, к попытке лучше себе уяснить возможную линию развития нашего общественного и национального бытия, во всех ее возможных вариантах.

Таким образом, здесь говорит министр народного хозяйства, которому приходится ежедневно снова убеждаться в том, что его работа протекает не в сфере «чистой экономики», а в области «политической экономии». Поэтому он постоянно должен стремиться находить синтез, сочетать, с одной стороны, экономический здравый смысл и научные выводы с политической, а часто и партийно-политической волей, с другой стороны.

Уже в названии книги «Благосостояние для всех» скрыта целая проблематика, ибо из моих убеждений никак нельзя сделать вывода, будто с достижением этой цели —

благополучие для всех – немецкий народ обретет счастье и удовлетворенность и будто бы одного «благополучия всех» достаточно для того, чтобы обеспечить общественные гармонию и порядок.

Но нельзя «все» вваливать на «одного»; этим я хотел бы сказать, что означало бы требовать слишком многого от министра народного хозяйства, если переключить на него также и ответственность за душевное благополучие целого народа. Верно, конечно, что после восьми лет успешного восстановления Германии, несмотря на повсеместно еще встречающуюся нужду, мы не так уже страдаем от материальных стеснений и затруднений и что в этом направлении и следовало бы искать подлинных и окончательных решений для обеспечения счастливого будущего нашему народу; но нет, – мы охвачены чувством неуверенности, причем не только наши умы, но и наши сердца и души пришли в смятение. Может быть, – или, пожалуй, даже наверное, – многих из нас оказавшаяся необходимой концентрация всей энергии на восстановлении и обеспечении материальных основ нашей жизни направила на неверный путь, в результате чего была утрачена способность правильно воспринимать иерархию ценностей. Сможем ли мы этот поставленный нам неизбежный вопрос счастливо разрешить – это решит нашу судьбу.

Не хлебом единым...

Я обязан признанием этой истины моему старому учителю Вильгельму Ферсхофену. Когда я напрягал все усилия, чтобы разбудить крепнущие силы нашего народного хозяйства, я все же постоянно указывал, что – хотя назначение экономики состоит единственно в том, чтобы служить потреблению (правда, не только в примитивном материальном смысле), – все же это еще не является заодно единственной конечной целью хозяйственной деятельности. Свой смысл экономика черпает из всей всеобъемлющей сферы жизни народа, и это осмысление уходит поэтому своими корнями в область определения последних, конечных ценностей, рациональным путем не постигаемых. Другими словами, мы не имеем возможности исходить в настоящее время, по меньшей мере в сфере западной цивилизации, из единого и общепринятого понимания смысла жизни. Мы подвержены опасности стать жертвой мании сводить к легко решаемым формулам также и окружающие нас качественные ценности и понести их на рынок, но узнаем при этом, что счастье все же не является чем-то, что можно было бы «купить».

Находимся ли мы, однако, в безнадежном и безвыходном положении? Я имею смелость ответить и на этот вопрос отрицательно, ибо я верю и чувствую, что в сознание многих людей закралось сомнение и что внутреннее беспокойство все больше заставляет людей обдумываться. Это стремление, по моему убеждению, затмевается, а иногда даже и удушается коллективными волеизъявлениями, которые ничего не знают и не желают ничего знать о таких внутренних душевных порывах, чтобы не нарушить столь прославленную незыблемость «единых фронтов» в нашей общественности. Очевидно нельзя очень утонченную человеческую совесть привести к внутренней гармонии с устремлениями к могуществу и власти коллективов тех или иных организаций. Поэтому мы и наблюдаем, что в общественных выступлениях говорят только на одном языке, а именно на языке жалоб и требований; но этот язык лишен внутренней правдивости. Эти соображения приводят нас, однако, снова к практике политической жизни.

Конечно, министр народного хозяйства был бы не на месте, если он не принимал бы всерьез, заботы занимающихся хозяйственной деятельностью людей, заботы, относящиеся к самым различным отраслям и группировкам, и не пытался тщательно их рассмотреть. В частности, он охотно согласится, что не лишены оправдания, например, требования, касающиеся повышенной обратимости (ликвидности) средств, большего обеспечения надежной экономической устойчивости, освобождения от чрезмерного налогового бремени, справедливого распределения национальной продукции или обеспечения за каждым его места работы. Тем не менее, он должен постоянно предостерегать от чрезмерных требований

и вызывать у предъявляющих такие требования сознание, что после такого совершенно исключительного развала не все плоды могут созревать уже сегодня, и что у нас есть ведь еще предстоящее нам «завтра».

Но как раз эта мудрость и скромность, которые не должны, конечно, парализовать наши силы, но могли бы их скорее даже укрепить, не принадлежат к числу немецких добродетелей. Скорее, наоборот, при улучшении нашего материального благосостояния нас все больше охватывает самонадеянная заносчивость и мы теряем чувство меры в отношении того, что возможно и что нам приличествует. Хотя никто и не посмеет отрицать, что за последние восемь лет мы достигли почти невероятного в области восстановления и что правительство ГФР искренне старалось приобщить все слои нашего народа к пользованию плодами прогресса и благосостояния, все же недовольство высказывается повсеместно чуть ли не хором. Во избежание кривотолков, я хотел бы ясно подчеркнуть, что эти выражения заносчивости, о которых здесь шла речь, исходят не из тех кругов, где дохода как раз только хватает, чтобы удовлетворить самые необходимые жизненные потребности. Само собой разумеется, что там не может быть никакого повода к самонадеянной заносчивости. Для дальнейшего постоянного улучшения экономического положения именно этих слоев населения, насчитывающих еще миллионы, совершенно необходимо следовать и дальше проводимой нами экономической политике. Поэтому надо дать твердый отпор всем встречающимся на этом пути опасностям, которые проистекают также и из указанной самонадеянной заносчивости.

Свобода требует жертв

К этому сводится первая и самая большая моя забота в отношении судьбы Германии и немецкого народа. С вещами и делами можно справиться, если только умы поддаются обузданию. Не забудем при этом, что мы не одни живем на свете, и что наше благополучие или неблагополучие зависит от нашего умения включиться гармоническим образом в общество свободных народов, а также от дружбы и доверия между народами. Мне уже представляется, что глядя на нас со стороны, нас уже не вполне понимают и что, быть может, мы даже производим впечатление народа, который, находясь в состоянии сытого эгоизма, способен утратить чувство общей ответственности и общей солидарности свободного мира.

Мы в этом еще не повинны, и расценивать нас подобным образом, быть может, даже ошибочно, но все же нельзя и не расслышать пронзительных и фальшивых голосов тех, которые в ослеплении какой-то иллюзией мнят, что остальной мир должен был бы оказать нам, оказать воссоединенной Германии помощь и защиту без каких бы то ни было жертв с нашей стороны. Ведь и другие народы приносят для защиты своей свободы материальные жертвы; соответствующие средства эти народы, не будь угрозы извне, охотнее использовали бы в целях повышения социального благосостояния. У нас же слышны голоса, утверждающие, будто правительство согрешает против благоденствия немецкого народа, когда оно ради обеспечения этого же благоденствия в союзе с другими народами свободного мира хочет защитить нашу свободу путем участия в усилиях по обороне. Тот, кто не был глубоко потрясен событиями в Польше и Венгрии и кто, несмотря на это демонстрирование грубой жажды власти, все еще рассчитывает, что с той стороны будут соблюдаться право и законность, того действительно безнадежно образумить. Но такому человеку должно быть также отказано в праве притязать на участие в построении будущего Германии.

Это является, таким образом, моей второй заботой: мы рискуем легкомысленно поверить обманчивому представлению и тем самым дерзновенно поставить на карту не только наше благосостояние, но и наше историческое бытие и самую нашу жизнь. Народ, который не способен идти для защиты своей свободы на материальные жертвы, будет в конце концов сметен с исторической арены.

Европейское сообщество необходимо

В вышеизложенных соображениях уже была высказана мысль, что мы, как и любой другой европейский народ, не в состоянии находить плодотворные решения многим проблемам только своими силами. Однако я не намерен здесь рассматривать данную проблему в ее политическом аспекте, хотя этот последний заслуживает, прежде всех иных, серьезного рассмотрения. Свободные народы Европы только тогда смогут сохранить свой вес и свое влияние в мире, если они, опираясь на дружбу с Соединенными Штатами и в тесном общении с этой державой, придут к сознанию своей нерушимой политической общности. Каким же путем можно достичь этой цели? И в какой степени формы и организации экономического сотрудничества могут быть признаны пригодными и достаточными для того, чтобы из них могла бы развиться политическая сила?

Мое внимание обращено на будущее, и поэтому у меня нет необходимости останавливаться на воспоминаниях, относящихся к Европейскому объединению угля и стали, к Организации европейского экономического сотрудничества, Европейскому платежному союзу. Общему соглашению о тарифах и торговле и Международному валютному фонду, и я могу прямо перейти к разбору плана, предусматривающего создание для шести стран-членов Европейского объединения угля и стали совместного рынка или таможенного союза. Я позволю себе здесь еще раз заверить, что едва ли можно найти более решительного, чем я претендую им быть, сторонника европейской интеграции, а также и европейской конфедерации. Однако из этого вытекает и право подвергать критике те начинания, которые, по моему разумению, несут в себе опасности на пути к достижению поставленной цели.

Я прекрасно знаю, в какой степени основы экономического строя определяют форму и дух общественного или политического сообщества. Поэтому я хотел бы добиться гарантий того, что Общий рынок на практике не приведет к европейскому дирижизму и что в результате такового не окажутся связанными и парализованными силы прогрессивной экономики. Как раз наоборот, в этом более широком европейском пространстве должна развиваться та сила, которая обеспечила бы народам и людям, входящим в это сообщество, счастливое будущее в одинаковой мере в плане политическом, общественном и экономическом. Тот, кто полагает, что достаточно, независимо от наличия внутренней устремленности к экономическому сотрудничеству, провести чисто ведомственное объединение учреждений, чтобы оказалось возможным, основываясь на присущей прогрессивному развитию силе и минуя ошибки и заблуждения, все же дойти до поставленной цели, тот очевидно предается опасному самообману.

Мы видим на опыте народного хозяйства отдельных стран, в сколь значительной мере принципы, на которых построен экономический порядок, определяют жизнь и даже дух нации. Эта различная судьба отдельных народов может в дальнейшем повести к неблагоприятным последствиям, нарушая сотрудничество между государствами. Я не хочу этим сказать, что соглашение об Общем рынке – как оно сегодня намечается – исходит из принципиально неправильной установки, но я не могу все же умолчать о том, что компромиссы, на которых вероятно остановятся, не во всех отношениях соответствуют моему пониманию свободного межгосударственного порядка вещей. Хотя в рамках свободного мира Общий рынок по необходимости должен был бы основываться на принципе свободной конкуренции, все же при чтении текста соответствующего договора во многих местах чувствуется проявление беспокойства по поводу возможных последствий конкуренции, и тут же делаются попытки создать предпосылки для отказа от этого принципа. Так как в договоре об Общем рынке отсутствует связующее единство принципов, весьма важно, чтобы при практическом применении договора, а также не в последнюю очередь в результате соответствующего персонального замещения должностей в администрации Общего рынка, оказались более четко выявленными ясность замысла и целенаправленность всего начинания.

Например, в вопросе об установлении «социальной гармонии» между отдельными

странами, в результате моих возражений, была принята более гибкая редакция текста, все же не внесшая большей ясности; и я не могу не скрыть своего беспокойства по поводу того, что официальным признанием этого понятия получил свою легализацию и легитимацию весьма опасный принцип.

Я совсем не против того, чтобы каждое государство добилось оптимальных успехов в области социальной политики соразмерно своей производительности. Но как выглядит дело на практике? Тенденции к развитию инфляции в ряде государств (при неизменно твердых курсах обмена валюты!) не в последнюю очередь являются следствием того, что меры социальной политики оказались не под силу народному хозяйству отдельных стран. Попытка подогнать социально-политические условия одной страны к существующим в другой стране осуществима всегда только в одном направлении – вверх, к улучшению этих условий, но никогда не вниз. Следствием этого является то, что и такие страны, которые смогли сохранить в своем народном хозяйстве внутреннее равновесие, либо вынуждаются также к следованию тому же пагубному пути, либо должны расплачиваться за чужую вину, испытывая на себе результаты применения их партнерами защитных оговорок.

Не должно быть возврата к идеологии «больших зон» в торговле

Общий рынок шести держав должен по отношению к другим большим рынкам или зонам проводить недвусмысленным образом либеральную торговую политику, иначе нам грозит возможность возвращения к идеологическим представлениям столь несчастного прошлого, а именно к разделению мира на «большие зоны», в которых господствует дух экономически-регионального эгоизма, и которые могут вызвать, даже в рамках свободного мира, обострение противоречий. Тот, кто понимает происходящее, не смеет молчать, когда он замечает такие опасности, и он не может также успокоить себя политическим аргументом, что все в конце концов хорошо кончится, если только будет создана форма, которая принудительным образом заставит объединиться всех участников. Ничто так сильно не проявляло себя за последние 30 или 40 лет, как дух национального эгоизма и протекционизма, и я сожалею, что этому злему духу не был дан более решительный отпор. К тому, как будет оформлено будущее европейское сотрудничество, сводится, таким образом, моя третья забота.

Если в этой книге уже достаточно ясным образом было высказано мое убеждение в необходимости восстановления свободнообратимых валют, то следует здесь указать еще раз на беспорядки, которые выявляются при отсутствии упорядоченных взаимоотношений между странами. Было бы иллюзией считать, что этот род свободы хозяйствования мог бы установиться автоматически, то есть сам по себе осуществиться; нет, для этого требуется проявление вполне сознательной воли и еще больше вполне целенаправленной внутригосударственной политики; и, прежде всего, надо покончить с пагубной установкой, будто допустимо, чтобы отдельные страны проводили по своему усмотрению ту или иную экономическую или финансовую политику. Правда, в отдельных странах могут быть в этом отношении использованы весьма различные способы и средства, а, может быть, последнее даже необходимо, но основное положение остается в силе – каждая страна ответственна за проведение политики сохранения экономического равновесия.

Между тем, в наши дни иногда почти что начинает казаться, будто отдельные страны склонны верить в чудеса, полагая, что следует лишь отойти от основ хорошо налаженного порядка, чтобы открылись пути для достижения лучших результатов. Смятение умов довело даже до того, что политические представления идеологического характера вступают в конфликт с проникнутой чувством ответственности экономической политикой, и в еще большей мере с выводами экономической науки, и что ложно истолкованные представления о государственном суверенитете и о примате политики во все возрастающей мере парализовали факторы порядка и стремление к упорядочению в экономике.

Когда мы вынуждены признать, что необходимо выйти из национальной изоляции и

стремиться ко все большей интеграции, когда самобытная и самовольная государственная жизнь в рамках малых хозяйственных пространств (зон) возможна только при условии отказа от прогресса и социальной обеспеченности – тогда остается прийти к практическому выводу, что в будущем отдельным странам должно быть возбранено проводить такую хозяйственную и торговую политику, которая могла бы нарушить или даже взорвать установленный межгосударственный порядок. Поэтому я очень приветствовал бы, если в соглашении об Общем рынке такое специальное требование было бы яснее изложено и были бы предусмотрены соответствующие связующие участников обязанности.

Картина, которая в настоящее время вырисовывается в Европейском платежном союзе – в виде крайне высокого кредитового или дебетового сальдо отдельных платежных балансов, – должна была бы служить нам достаточным напоминанием, что нельзя допустить, чтобы и дальше сохранялось экономически противоречивое положение, выражающееся в различной эволюции цен в разных странах, в то время как курсы валют остаются неизменно устойчивыми. Если же расхождение между различными странами в смысле уровня цен в дальнейшем еще усилится, тогда любому политическому деятелю должно стать очевидным, что требуемые тогда разного рода манипуляции, затрагивающие во все большей и большей мере хозяйственную жизнь, приведут к ограничению свободной хозяйственной деятельности и к возвращению к худшим формам дирижизма прошлых времен. Таким образом, до тех пор, пока народы хотят сохранить взаимоотношения свободного экономического обмена, ни одна страна не может считать, что ей нет дела до того, как будут себя держать ее партнеры по обмену; в частности, оказалось бы немыслимым достичь длительной интеграции народного хозяйства разных стран, если последние не смогут решиться на то, чтобы придерживаться однородного образа действий.

Таким образом, в рамках Общего рынка добро и зло расположены недалеко друг от друга. Имеются две возможности: либо дорогу себе пробьет дух свободы, и мы обречем счастливую, сильную и прогрессивную Европу, либо мы будем пытаться соединить в одно путем различных манипуляций различнейшие системы и упустим при этом благоприятнейший случай прийти к подлинной интеграции. Европа, управляемая и руководимая согласно принципам направляемого хозяйства, рискует, что такая система парализует силы сопротивления духу коллективизма и приведет к тому, что Захиреет сознание благодетельности свободы.

Самый широкий свободный обмен валют

Польза и плодотворное действие свободнообратимых валют повышаются с расширением охватываемой зоны и увеличением числа участвующих стран. Поэтому эту проблему не представляется возможным решить только в рамках Общего рынка, но здесь придется действовать широким фронтом заодно с США, Великобританией и другими европейскими странами. При этом снова приходится констатировать, что сопротивление со стороны народного хозяйства отдельных стран почти во всех случаях является следствием того, что экономическим фактам настоящего времени придается значение масштаба для оценки всего начинания; и при этом, за отсутствием известной фантазии и интуиции, не дают себе отчета в том, что именно благодаря видоизменению валютно-политической системы установится совершенно новый экономический порядок вещей.

Этими словами я высказал мою четвертую заботу, которая основана на убеждении, что лучший внутригосударственный порядок и строй и лучшая национальная дисциплина уже больше недостаточны для обеспечения внутренней устойчивости государств.

Свобода и ответственность

Когда я перед этим говорил об опасной склонности к плановому дирижизму и о страхе перед свободной конкуренцией, эта моя озабоченность относилась и к некоторым явлениям в

самой ГФР. Но в этом отношении я могу сослаться на предыдущие главы этой книги. Стремление к организации, коллективному планированию и коллективному строю могут получить почву под ногами только тогда, когда человек готов к отречению от самого себя и к отказу от личной ответственности. То, что эта сомнительная тенденция поощряется с политической, и еще более с партийно-политической стороны, по справедливости не может вызывать каких-либо сомнений. Я не вдаюсь в теоретические рассуждения о том, окажется ли возможным прийти в этом направлении к более удачному синтезу. Неоспоримым мне кажется одно – в человеке стремление к свободе не отделимо от сознания ответственности; но при усиливающейся тенденции предоставлять решение общественно-экономических вопросов коллективам, эта неразрывная внутренняя связь ощущается все меньше и меньше.

Если я в этой связи упоминаю, для примера, о требовании составлять «общий баланс» работы народного хозяйства в целом, то этим я не намерен подвергнуть сомнению, что такого рода широкие обзоры предоставляют возможность для полезных наблюдений и ценных выводов. Само собой разумеется, что хозяйственная политика давно прибегает к такого рода данным. Однако такому понятию «общего баланса» народного хозяйства присущ неприятный пронизывающий запах «выполнения плановых заданий», и тем самым такой «баланс» легко становится базой для исчислений дирижистского планирования, вместо того, чтобы оставаться средством познания в экономике. И, помимо всего этого, мы даже не смеем еще ожидать, чтобы экономические силовые группировки оказались склонны сделать в политической сфере своей деятельности неудобные для них выводы.

Произойдет ли вторая промышленная революция?

Моя пятая забота основана на опасении, что те или иные политические соображения и влияния могут нас свести с пути выполнения долга; но для этой озабоченности имеется весьма реальное основание еще и в том, что социалистическая оппозиция в ГФР связывает с усиливающейся автоматизацией промышленной техники определенные расчеты. Даже если оставить в стороне фантазии Жюль Верна, представляется совсем неуместным говорить в этой связи о «второй промышленной революции»; во-первых, уже потому, что здесь мы имеем дело совсем не с какой-либо активностью, а с непрерывным процессом; во-вторых, общественно-политическая ситуация, поощряющая этот процесс, характеризуется как раз не избытком, а, наоборот, недостатком рабочих рук, который даже еще будет усиливаться. Поэтому, в некоторых областях может иметь место «техническая революция», которая сведет труд человека к установлению аппаратуры и к контролю над ней, но промышленная революция, которая должна, очевидно, будить в памяти трагические воспоминания о связанных с появлением машины социальных затруднениях, наверняка не будет иметь места.

Последствия крупного масштаба дадут себя знать, во всяком случае, в связи с возрастающей потребностью в технических кадрах. Но это совсем не спорная проблема, которая должна была бы привести к революционному изменению структуры общества; наоборот, применение новой техники поведет к дальнейшему обогащению человека, по меньшей мере в области материального бытия. Научная систематика повелевает также не сваливать в одну кучу различные понятия автоматизации (“Automatisierung” и “Automation”). Автоматизация как “Automation” (поскольку здесь вообще можно говорить о чем-либо окончательном) представит в свое время завершение прогрессирующего процесса автоматизации как “Automatisierung”. Конечно, в связи с этим перед нами возникнут весьма трудные проблемы в том отношении, что возможности и шансы для автоматизации в различных областях народного хозяйства не могут быть одинаковыми. Различия в потенциальном, то есть возможном повышении производительности окажутся еще большими, чем это наблюдается сегодня. Соответственно этому социальная проблема вознаграждения трудящегося человека приобретет повышенное политическое значение.

Не следует также забывать, что менее развитые народы в процессе их дальнейшего промышленнохозяйственного развития намерены перескочить через некоторые стадии

технического развития и сразу применять самую новейшую аппаратуру. Но, в конце концов, дело сведется к тому, или по крайней мере в этом заключаются будущие возможности для народов западной цивилизации, что эти последние, благодаря своему высокому духовному и умственному уровню, смогут не только пользоваться автоматизированной аппаратурой, но окажутся также способными таковую изобретать. Мы можем вполне положиться на то, что и в будущем судьбы людей и народов будут определять умы людей, а не электронные мозги. Если к тому же автоматизация содействует процессу интеграции народного хозяйства различных стран, – ибо применение этой новейшей техники предполагает существование обширных экономических зон с большой массой потребителей, – она сможет одновременно также содействовать и делу мира на земле.

Решающий вопрос, однако, следующий: к каким полезным для практики выводам приводит нас намечающаяся эволюция? Социалисты, которые одним дыханием произносят такие слова, как атомная техника, автоматизация, как "Automatisierung" и автоматизация, как "Automation", считают, что частнохозяйственные основы нашего экономического строя не приспособлены и даже совсем уже непригодны, чтобы справиться с новыми проблемами как в техническом, так и в финансовом отношении. И снова перед нами маячит представление о направляемом государством хозяйстве, которое, смотря с какой точки зрения, может казаться либо желанной мечтой, либо пугалом. То, что усиливающаяся автоматизация требует весьма значительных капиталовложений, не приходится, конечно, отрицать; но осознание этого обстоятельства проявляется в весьма малой степени, когда в текущих политических спорах дело касается разумного и целесообразного определения долей национальной продукции, идущих на потребление или на капиталовложения. Из всего этого никак нельзя прийти к выводу о необходимости вмешательства государства или даже установления государственного управления; дело в том, что если доходы предпринимательского хозяйства, а также частные сбережения всех слоев населения окажутся недостаточными, чтобы финансировать новые, признанные необходимыми, капиталовложения, то становится ясным, что и государству тогда неоткуда раздобыть новых средств. Правда, оно может тогда либо прибегнуть к созданию кредитных возможностей инфляционным путем, либо же усилить налоговое обложение, чтобы получить этим путем средства, необходимые для государственных инвестиций и для образования государственных капиталов. Оба последних вида образования капитала означают, однако, в одинаковой мере безвозмездную конфискацию средств отдельных граждан, и должны быть поэтому решительно отвергнуты. Таким образом, я прихожу и в этом вопросе к заключению, что свободная хозяйственная деятельность людей и предпринимательская инициатива обещают больше успеха, чем государственный дирижизм.

Говоря в этой главе о надеждах и тревогах, я уделил последним больше внимания. Это, однако, не значит, что эти заботы могут поколебать мою уверенность в нашем будущем. Конечно, эта уверенность не вытекает из конкретных планов или фактических данных; она является результатом определенной внутренней направленности, определенного умонастроения. Несмотря на то, что я в свое время не имел возможности заранее охватить точными исчислениями переход от принудительного к социальному рыночному хозяйству и предсказать точным образом все этапы этого перехода, я был, тем не менее, непоколебимо убежден в правильности этого пути; так и теперь я уверен в том, что свобода, в качестве самой могучей силы человека и в качестве высшей ценности, в конечном счете все же пробьет себе дорогу и восторжествует. Может быть, нам необходимо еще раз осознать угрожающую нам опасность снова потерять свободу, чтобы разбудить новые силы для спасения этого нашего драгоценнейшего блага. Тот, кто осознает эти грозящие нам опасности, – и этому осознанию должен был служить последний раздел этой книги, – тот укрепится, я надеюсь, в своем исповедании свободы и в своем основанном на этом исповедании свободы образе действий и поведения. Он тогда будет бороться и сопротивляться, лишь дело коснется того, чтобы защитить этот, вновь нами в 1948 году обретенный, строй рыночного хозяйства от всех попыток лишить его своего внутреннего

содержания. Тогда, во всяком случае, эта книга достигла бы своей цели.

Приложения

Индекс промышленного производства Основа: 1936 год = 100

П	И
ер	с
ю	я
д	п
вр	р
е	с
м	м
ен	в
и	п
	л
	.
19	5
48	0
1	,
по	2
лу	
го	
д	
ие	
2	6

»	9 , 1
19 49 1 »	8 2 , 9
2 »	9 4 , 0
19 50 1»	9 9 , 7
2 »	1 2 1 , 7
19 51 1 »	1 2 7 , 7
2 »	1 3 4 , 3
19 52 1»	1 3 3 , 4
2 »	1 4 5 , 3
19 53 1»	1 4 5 , 6
2 »	1 6 1 , 5
19	1

54	5
1	3
KB	,
ap	4
ra	
л	
2	1
»	7
	1
	,
	2
3	1
»	7
	1
	,
	4
4	1
»	9
	1
	,
	0
19	1
55	7
1	8
»	,
	5
2	1
»	9
	7
	,
	8
3	1
»	9
	7
	,
	1
4	2
»	1
	6
	,
	6
19	1
56	9
1	7
»	,
	2
2	2
»	1
	7
	,
	1
3	2

»	1 2 , 1
4 »	2 2 6 , 1
19 57 1 »	2 1 2 , 9
2 »	2 3 0 , 3

Восстановление рынка капиталов, млн. марок

	Н Б П У С К Н а Р Б Н С К С С Л И П а П и Й
П ер ию д вр	е ж е п с

е м ен и	д н с
19 48 21 .6. -3 1. 12	1 8 , 6
19 49	7 7 0 , 1
19 50	6 7 6 , 5
19	7

51	4
	7
	,
	4
19	1
52	
	5
	5
	7
	,
	7
19	2
53	
	9
	0
	1
	,
	9
19	4
54	
	6
	9
	1
	,
	0
19	3
55	
	6
	8
	0
	,
	7
19	2
56	
	5
	6
	4
	,
	2

(Источник: Банк немецких земель)

Три важнейших индекса цен

	С
	Т
	С
	И

	М С Т Б ж и з н и с р е д н и х г р у п п г с т р е б н е л е у
	1 с с с =
И ю ль	1 0 2

19 48	
Я нварь 19 49	1 1 0
И юль 19 49	1 0 6
Я нварь 19 50	1 0 2
И юль 19 50	9 9
Я нварь 19 51	1 0 2
И юль 19 51	1 0 8
Я нварь 19 52	1 1 2
И юль 19 52	1 0 9
Я нварь 19 53	1 1 0

И ю ль 19 53	1 0 8
Я нв ар ь 19 54	1 0 7
И ю ль 19 54	1 0 8
Я нв ар ь 19 55	1 1 0
И ю ль 19 55	1 1 1
Я нв ар ь 19 56	1 1 2
И ю ль 19 56	1 1 3
Я нв ар ь 19 57	1 1 4
И ю ль 19 57	1 1 6

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Перечень источников

Нижеприводимый перечень содержит речи, обращения и статьи, на которых есть ссылки в тексте [в скобках]. При этом высказывания приведены либо в их буквальном виде, либо передан лишь их смысл.

№	Д а т а
1	2 8 / 2 9 . 8 . 1 9 4 8

2	С К П Я С П Е Л С Л 8

3	И Р Р Б 1 9 4 9

4	2 7 . 1 2 . 1 9 4 9
5	9 .

	8 1 9 5 0
6	1 6 9 1 9 5 0
7	2 2 1 0 1 9 5 0

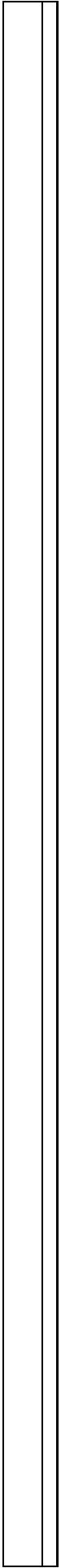
8	1 1 3 1 9 5 1

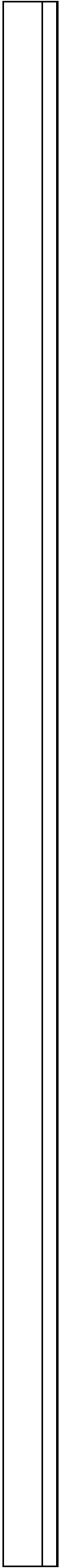
9	1 2 · 6 · 1 9 5 1
---	---

10	-
----	---

12	6
	.
	2
	.
	1
	9
	5
	2

13	9 . 3 . 1 9 5 2
14	1 0 . 7 . 1 9 5 2

15	2
	1
	.
	9
	.
	1
	9
	5
	2

16	1 0 1 0 1 9 5 2

17	2 2 .2 2 .1 9 5 3
18	1 9 .3 .1

	3.59
19	1.2915

20 2
5
·
9
·
1
9
5
3

3

21	1 9 · 1 1 · 1 9 5 3

22	2 3 .1 2 .1 9 5 3
23	5 .1 .

	1 9 5 4
24	7 . 1 . 1 9 5 4

25	2 6 .1 .1 9 5 4
26	8 .2

	. 1 9 5 4
27	9 .2 .1 9 5 4

28	1 4 . 2 . 1 9 5 4
29	7 . 3 . 1 9 5 4

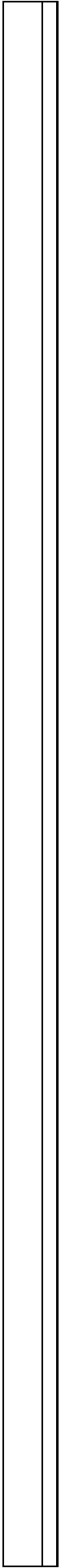
30	1
	2
	.5
	.1
	9
	5
	4

31	2 9 . 5 . 1 9 5 4
32	3 1 . 5 . 1 9 5 4

33	2
	0
	.
	6
	.
	1
	9
	5
	4

34	2 1 · 6 · 1 9 5 4
35	2 8 · 6 ·

	1 9 5 4
36	9 . 7 . 1 9 5 4

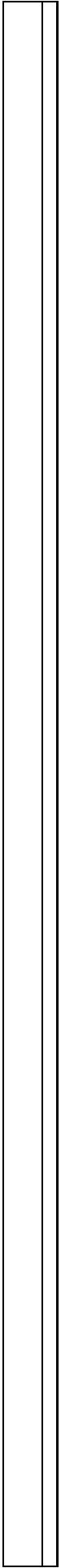
37	2
	7
	.
	1
	0
	.
	1
	9
	5
	4

38	2
	9
	.
	1
	0
	.
	1
	9
	5
	4

39	7 . 1 2 . 1 9 5 4
40	1 1 . 1 2 . 1 9 5 4

41	-

42	4 .1 .1 9 5 5
43	2 2 .1 .1 9 5 5

44	1 5 . 2 . 1 G 5 5
45	1 7 . 2 . 1 G 5 5

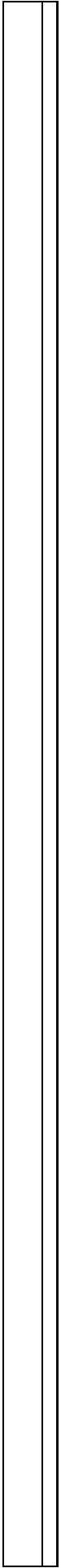
46	6
	.
	3
	.
	1
	9
	5
	5

47	1
	5
	.
	4
	.
	1
	9
	5
	5

48	2
	2
	.
	4
	.
	1
	9
	5
	5

49	2
	5
	.
	4
	.
	1
	9
	5
	5

50	2
	.
	5
	.
	1
	9
	5
	5

51	1 4 .5 .1 9 5 5
52	1 6 .5 .1 9 5 5

53	1 6 · 6 · 1 9 5 5
----	---

54	1 8 · 6 · 1 9 5 5
----	---

55	2 3 · 6 · 1 9 5 5

56	1 5 · 6 · 1 9 5 5

57	1 9 7 1 9 5 5
58	2 1 7 1 9 5 5

59	5
	.
	9
	.
	1
	9
	5
	5

60	7 9 1 9 5 5
61	8 9 1 9 5 5
62	1 0 9 1 9 5 5

63	1 1 · G · 1 G S L5

64	1 3 . 9 . 1 9 5 5

65	2
	5
	9
	1
	9
	5
	5

66	7 . 1 0 . 1 9 5 5
67	1 2 . 1 0 . 1 9

	5
	5
68	2
	4
	.
	1
	0
	.
	1
	9
	5
	5
69	3

	. 1 1 . 1 G 5 5
70	1 2 . 1 1 . 1 G 5 5

71	2 3 . 1 2 . 1 9 5 5
72	1 4 . 1 2 . 1 9 5 5
73	9 F E a F E 1 9 5 6

74	1 8 . 1 . 1 9 5 6
75	2 9 . 1 . 1

	9 5 6
76 4	3 1 9 5 6

77	4 .6 .1 9 5 6
78	1 7 .5 .

	1 9 5 6
79	2 . 9 . 1 9 5 6

80	8
	.
	9
	.
	1
	9
	5
	6